

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА**



**МИР В ЗЕРКАЛЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ**

**Научная серия: Международная миграция
населения: Россия и современный мир**

Выпуск 10

**Москва
МАКС Пресс
2002**

ББК 60.7
М63

*Серия «Международная миграция населения:
Россия и современный мир»
Выпуск 10*

Редакционная коллегия:
В.А. Ионцев (главный редактор),
И.В. Ивахнюк (ответственный секретарь), **Г.Е. Ананьева**,
М.Б. Денисенко, **А.Н. Каменский**, **Е.С. Красинец**,
И.А. Малаха, **А.П. Судоплатов**, **А.У. Хомра** (Украина)

Мир в зеркале международной миграции:
Научная серия: Международная миграция населения:
Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. —
М63 М.: МАКС-Пресс, 2002. — Вып. 10. — 416 с.
ISBN 5–317–00785–2

10-й выпуск научной серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир» представляет собой сборник различных статей ведущих ученых мира в области международной миграции, экономики и демографии.

Публикуемые в сборнике материалы (на русском и английском языках) могут не отражать точку зрения редколлегии. Авторы непосредственно несут ответственность за их достоверность.

Материалы серии имеют как научный, так и учебный характер и соответственно могут быть использованы в учебном процессе.

С электронной версией настоящего и предыдущих выпусков можно ознакомиться на сайте кафедры народонаселения экономического факультета МГУ (www.demostudy.ru) в разделе научная жизнь.

ББК 60.7

Компьютерный набор, обработка текста и подготовка оригинал-макета:

И.А. Алешковский

ISBN 5–317–00785–2

© В.А. Ионцев и др., 2002

СОДЕРЖАНИЕ¹

<u>Предисловие</u> (<i>В. Ионцев</i>).....	4
<i>Рэджинальд Эпплеярд</i> Миграция квалифицированных кадров в глобализированном мире.....	7
<i>Виля Гельбрас</i> Китайская миграция и китайские землячества в России.....	17
<i>Владимир Ионцев, Ирина Ивахнюк</i> Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2001 гг.).....	31
<i>Дирк ван де Каа</i> О международной миграции и концепции второго демографического перехода.....	55
<i>Андрей Каменский</i> Современное участие России в международной трудовой миграции.....	62
<i>Мэри Критц</i> Международная миграции: развитые страны как «экспортеры» населения.....	71
<i>Янеш Малачич</i> Тенденции международной миграции в Центральной и Восточной Европе в конце 1990-х гг. и начале XIX века.....	108
<i>Ирина Малаха</i> К вопросу об «утечке умов» в России во второй половине 1990 гг.....	122
<i>Дуглас Массей</i> Синтетическая теория международной миграции.....	132
<i>Марек Окольский</i> Наступающие цивилизации, уходящие цивилизации на закате XX века. Взгляд с точки зрения демографии.....	148
<i>Марк Тольц</i> Статистический анализ алии и эмиграции евреев из России.....	170
<u>Сведения об авторах</u>	193
<u>Информация о серии</u>	197
<u>Краткая информация о Фонде ООН по народонаселению (ЮНФПА)</u>	193

¹ Статьи настоящего сборника расположены в алфавитном порядке в соответствии с английской транслитерацией фамилий авторов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Миллионы людей ежегодно пересекают государственные границы в поисках нового места жительства или работы, с целью учебы или различного рода стажировок, на отдых или лечение, спасаясь от политических, национальных, расовых и т. п. преследований или экологических бедствий. Эти и другие виды миграционного движения часто объединяются в понятие «международная миграция населения», которая в наши дни приобрела глобальный характер и затрагивает практически все страны мира, в том числе и Россию. Поистине судьба «вечного изгнанника» — мифического Агасфера — это не только миф, но и удел многих реальных людей, странствующих по свету в поисках лучшей, по их представлениям, жизни.

Неслучайно все более распространяются утверждения о том, что «выразителем сущности нашей эпохи является скорее кочевник — человек, странствующий из края в край», и что в обществе будущего «все люди, независимо от своей культуры, будут мигрировать» и что «важнейшим фактором интеграции, имеющим место с самого начала существования человечества и обеспечивающим возможность преодоления разных процессов дифференциации, является постоянная склонность людей к переселению». И в этом усиливающемся движении, как в зеркале, отражаются все достижения и проблемы современного мирового сообщества: глобализация мирового хозяйства и все большая свобода передвижения в нем людей и капиталов, товаров и информации, с одной стороны, рост нищеты и эксплуатации наемных иностранных рабочих, с другой; развитие интеграционных союзов и становление «полюса богатства» из небольшого числа развитых государств — главных центров иммиграции и «полюса нищеты» из многих развивающихся стран — основных поставщиков «излишков» населения; появление и расцвет одних цивилизаций, упадок и исчезновение других; развитие мировой науки, культуры и образования в результате «миграционного обмена», с одной стороны, а с другой — научного и культурного обнищания менее развитых государств, из которых имеет место «утечка умов»; улучшение мирового генофонда и в то же время распространение массовых эпидемий (СПИД, гепатит С и др.) и т.п. Мир поистине пришел в непрерывное миграционное движение², без которого немислимо его дальнейшее развитие и которое, по существу, нельзя остановить, какие бы «железные занавесы» ни возводить. Именно поэтому лучшее понимание современных закономерностей международной миграции, ее плюсов и минусов будет способствовать эффективному развитию как мира в целом, так и отдельных регионов и стран.

² См., например, Massey D. et al *World in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium*. New York: Oxford University Press, 1998.

Однако правильное понимание любых закономерностей невозможно без соответствующей теоретической базы. В этом смысле особый интерес представляет прежде всего статья *Д. Массея* (США), в которой он делает попытку сформулировать универсальную, обобщающую теорию миграции, о необходимости которой писал еще в 1970-е гг. В. Зелинский, автор теории «мобильного перехода». Заметим, что именно Д. Массею принадлежит значительный вклад в разработку «новой экономической теории миграции», а также теории «миграционной сети», или «миграционной системы связей».

Не менее интересной представляется статья *Д. ван де Каа* (Нидерланды), одного из основных авторов концепции «второго демографического перехода»³. В этой статье он убедительно пишет о важности включения миграции населения в анализ демографического развития, делая значительный теоретический шаг в понимании классической теории «демографического перехода».

По-новому, с точки зрения процесса глобализации и взаимовыгодных интересов, пытается взглянуть на проблемы миграции высококвалифицированных специалистов автор многочисленных замечательных работ по международной миграции *Р. Энплярд* (Австралия). Заметим, однако, что с точки зрения проблем «утечки умов» с ним не совсем согласна *И. Малаха* (Россия), позиция которой нам кажется более верной, если говорить именно об «утечке умов», а не об интеллектуальной миграции вообще.

Новый теоретический подход предпринят к пониманию современных тенденций международных миграционных потоков *М. Критц* (США), являющейся одним из авторов концепции «миграционных систем»⁴. Интересен, хотя и не бесспорен, один из основных тезисов ее статьи о том, что наряду с развивающимися странами и западные государства должны в настоящее время рассматриваться не только как импортеры, но и как экспортеры рабочей силы.

Особо хотелось бы остановиться на статье *М. Окольского* (Польша), посвященной роли демографических процессов и, прежде всего, миграции в смене человеческих цивилизаций. Эта статья созвучна нашей точке зрения по вопросу возможной уже во второй половине текущего века смены европейской цивилизации (при условии сохранения современных демографических тенденций в Европе) азиатской цивилизацией, что, по существу, уже происходит в результате китайской иммиграции. Как ни странно, очень много в Европе говорится о потенциальных угрозах мусульманской миграции и

³ Каа Dirk J. van de Europe's Second Demographic Transition / Population Bulletin, Vol. 42, №1, September 1993 (reprint, 1987).

⁴ См., например, *International Migration Systems. A Global Approach* / Ed. by M. Kritz, L. Lim and H. Zlotnik. Oxford, 1992.

практически ничего о потенциале миграции китайцев, которая может иметь действительно кардинальные для Европы (а возможно не только для Европы) последствия⁵.

В связи с этим очень актуальной выглядит статья *В. Гельбраса*, одного из ведущих российских специалистов по вопросам миграции китайцев в Россию, в которой он затрагивает эти вопросы как применительно к России, так и с позиции мирового развития.

Об изменениях в Восточной Европе, о новых тенденциях в миграционных потоках в странах этого региона мы узнаем из статьи известного ученого из Словении *Я. Малачича*, статья которого уже была опубликована в нашей научной серии (см. выпуск 2). С этой статьей перекликается статья по российской трудовой миграции ведущего в России специалиста в этой области *А. Каменского* (Россия).

Другой известный зарубежный автор *М. Тольц* (Израиль) продолжает тему миграции российских евреев, затронутую им в четвертом выпуске нашей серии, сконцентрировав при этом внимание на актуальных вопросах статистики и учета международных мигрантов.

Статья *В. Ионцева* и *И. Ивахнюк* (Россия) посвящена особенностям международной миграции в России в последнее десятилетие (1992-2001 гг.). В ней, в частности, раскрываются место и роль России в современном мировом миграционном круговороте, говорится о мифах и заблуждениях, базирующихся зачастую на слабом теоретическом понимании именно своеобразия международной миграции.

Цели лучшего понимания международной миграции населения, что особенно важно для России, все более активно вовлекаемой в мировое сообщество, и служит 10-й выпуск, уникальный по своему содержанию и юбилейный по времени издания. *Уникальность* заключается в том, что авторами этого выпуска стали очень известные специалисты в области международной миграции из многих регионов мира: США и Австралия, Нидерланды и Израиль, Словения и Польша, Россия⁶, что довольно редко можно встретить в такого рода изданиях, а в русскоязычных это пока единственный случай. *Юбилейный характер* выпуска определяется как цифрами 10 и 5 (пять лет исполнилось в сентябре 2002 года нашей научной серии), так и теми

⁵ Одна из немногих статей, где затрагивается эта проблема, принадлежит известному американскому экономисту и демографу П. Демени (Demeny, Paul Prospects for International Migration: Globalization and its Discontents // In: *Journal of Population Research*. 2002, №1, vol. 19, pp. 65–74). Интересна также работа П. Тролье о китайских диаспорах (Trolliet, Pierre. *La Diaspora Chinoise. Que sais-je?* Paris, 2000).

⁶ К сожалению, в силу ряда обстоятельств, в последний момент не смогли участвовать в публикации ученые из Канады, Великобритании, Франции и Италии, согласившиеся прислать свои статьи. Редакция серии надеется увидеть статьи этих авторов в следующих выпусках. В частности, 11-й выпуск, который выйдет в начале декабря 2003 года, посвящен международной миграции и вопросам национальной безопасности.

юбилейными торжествами, к которым был приурочен данный выпуск⁷.

За пять лет существования научной серии «Международная миграция населения: Россия и современных мир» в ее выпусках свои статьи опубликовали более 20 известных и совсем молодых российских ученых, ведущие специалисты из Украины и Белоруссии, Армении и Казахстана, ученые с мировым именем, такие как Ж. Тапинос (Франция), М. Пулэн (Бельгия), включая и всех авторов 10 выпуска (более подробную информацию о серии см. в информационном разделе настоящего выпуска).

Другая особенность большинства выпусков нашей серии заключается в том, что наряду с ведущими учеными, в них публикуются и совсем молодые исследователи (студенты, аспиранты, стажеры). Мы продолжим эту традицию и с интересом рассмотрим статьи наших молодых коллег, в том числе и из зарубежных стран. Более того, один из ближайших выпусков планируется издать как полностью молодежный (авторы до 27 лет).

Издание настоящего выпуска стало возможным благодаря поддержке со стороны московского представительства Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА), лично его руководителя Жака Бавелара. Заметим, что с приходом в 2002 году Ж. Бавелара заметно активизировалась деятельность ЮНФПА в России: проведены интересные исследования, в частности, в области репродуктивного здоровья и СПИДа, особое внимание уделяется созданию системы демографического образования в нашей стране, что представляется чрезвычайно важным для улучшения демографической ситуации в России и, как следствие, ее развития в целом.

Владимир Ионцев, главный редактор серии

⁷ Во-первых, данный выпуск посвящен приближающемуся 250-летию МГУ им. М.В. Ломоносова. Во-вторых, 18-20 сентября 2002 года в МГУ в рамках мероприятий, посвященных этой дате, состоялась международная конференция «Демографическое образование в 21 веке в странах СНГ, Балтии и Восточной Европе», посвященная 80-летию со дня рождения профессора Д.И. Валентя и 35-летию кафедры народонаселения экономического факультета МГУ. Заметим, что в материалах конференции, в выступлениях участников было достаточно много внимания уделено непосредственно миграции (См., например, тезисы доклада И. Ивахнюк и В. Ионцева Миграция населения в системе демографического образования // В кн.: *Демографическое образование в 21 веке в странах СНГ, Балтии и Восточной Европе*. Материалы Международной Конференции. М., 2002. С. 134–135), о необходимости расширения образования в области которой убедительно написали А. Симмонс и В. Пише (*A. Simmons, V. Piche Teaching Migration and Globalisation // GENUS, LVIII (№ 3–4), 2002. Pp. 109–134*).

МИГРАЦИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ

Введение

Глобализация — понимаемая в последнее время как явление, сделавшее почти все товары, услуги и виды деятельности объектом конкуренции и борьбы за качество, заставившая предпринимателей быть более конкурентоспособными и нейтрализовавшая преимущества местных привилегий и властей (Gallop, 2001; Eslake, 2001, p. 21) — является одной из самых спорных тем нашего времени. Работа международных конференций сильно осложнялась действиями протестующих антиглобалистов, которые считают, что ее влияние привело к большим потерям, особенно для тех, кто живет в развивающихся странах. Недавно руководитель одного австралийского профсоюза рассуждал о том, что процесс глобализации превратил генеральных директоров мультинациональных корпораций в самых влиятельных людей в мире, а их компании сделал способными «покупать и продавать национальные экономики всех, кроме наиболее крупных, стран» (Burrow, 2001, p. 19). С другой стороны, влиятельный американский экономист Алан Гринспен утверждает, что на самом деле жесткая, ничем не сдерживаемая конкуренция внутри современных национальных экономик и между ними — а отнюдь не свободная торговля и глобализация как таковая — является причиной беспокойства, которое проявило себя и обсуждалось в Сиэтле (Greenspan, 2000).

Новый мировой порядок, охарактеризованный на встрече экспертов ООН в Боливии в 1993 г. как растущая взаимозависимость основных экономических держав и нацеленность глобальных рыночных стратегий на достижение экономического роста (United Nations, 1998, p. 3), рассматривалась другими просто как последняя фаза длительного исторического процесса. Это не «монолитная, безостановочная безжалостная сила», пишет Стокер (Stalker, 2000, p. 10), но скорее сложная сеть взаимосвязанных процессов, некоторые из которых поддаются большему контролю, чем другие. Действительно, Холтон (Holton, 1998, p. 204) описывает глобализацию как «ряд взаимопроникающих процессов», которые не слишком гладко продвигаются вперед и которые имеют пределы, устанавливаемые противодействующими силами и движениями в общеглобальном масштабе. Эслейк (Eslake, 2001, p. 18) также рассматривает ее как процесс, а не как идеологию: «...просто как логическое продолжение тенденции в направлении специализации и торговли». Она при-

водится в движение совершенствованием средств транспорта и коммуникационных технологий; изменениями индивидуальных вкусов и предпочтений; переменами в государственной политике в сторону устранения барьеров для движения товаров, услуг и капиталов через национальные границы и изменениями в стратегии корпораций, которая все больше ориентируется на расширение масштабов деятельности и сокращение производственных расходов.

В то время как некоторые «взаимопроникающие процессы» современной глобализации являются в той или иной степени предметом контроля, международная миграция выступает процессом, который просто провоцирует вмешательство. Правительства, по утверждению Стокера (Stalker, 2000, p. 10), не слишком стремятся блокировать торговые и финансовые потоки, но они готовы к решительным действиям, когда дело доходит до людей. Таким образом, воздействие глобализации на миграционную политику, а также на объем, направление и структуру миграционных потоков стало широко обсуждаемой темой в современной миграционной литературе (Appleyard, 2001, p. 14). Вследствие того, что межнациональным компаниям требуется международная рабочая сила для их деятельности, глобализация становится силой, которая изменяет сложившиеся миграционные системы, провоцируя «массовую встряску» обществ и экономик, хотя и трудно отделить ее экономическое значение от культурологического воздействия (Findlay, 2001, pp. 126–127).

Злободневной задачей изучения глобализации и миграции является понимание международной системы труда этой новой экономики. В настоящей статье делается попытка выявить и оценить влияние глобализации на миграцию высококвалифицированных кадров, в частности, работающих по краткосрочным контрактам.

Высококвалифицированные мигранты и мигранты-профессионалы

Ранние типологии миграции разделяли лишь постоянных и временных, краткосрочных мигрантов. Позже в качестве отдельной категории были выделены беженцы — на основании того, что в отличие от «нормальных» мигрантов, их перемещение не было инициировано исключительно экономическими причинами. В дальнейшем в типологию были включены нелегальные рабочие, лица, ищущие убежище, и мигранты-профессионалы. Последние определялись как профессиональные или высококвалифицированные кадры, которые переезжают из одной страны в другую, часто в качестве сотрудников международных и/или смешанных компаний (Appleyard, 1991, pp. 22–23). Эта категория была выделена особо, чтобы представить множество обстоятельств и ситуаций, в результате которых они теперь во все возрастающем количестве перемещаются по миру (Keely, 2001, pp. 261–263).

Объяснение изменяющегося объема и направления движения различных типов мигрантов фокусировалось преимущественно на хорошо известной концепции демографического перехода. Зелинский (Zelinsky, 1979) выступил инициатором исследований в этом направлении в своем содержательном докладе на конференции Международного Союза исследований в области народонаселения (IUSSP) в Вене. Несмотря на его скромное заявление, что предложенная им модель мобильного перехода является не более чем эвристическим приемом, предназначенным для выявления роли последствий перехода в происходящих изменениях экономической и социальной жизни, тем не менее, эта концепция была признана рядом ученых, которые применили ее к конкретным миграционным потокам. Признавая, как и Зелинский, что миграционные процессы являются предметом государственного регулирования, я, тем не менее, утверждал, что численность и состав мигрантов могут быть объяснены этапом модернизации принимающих государств: каждый из этапов определяет различную роль каждому типу мигрантов (Appleyard, 1992). Мигранты-профессионалы играли важную роль на ранних этапах модернизации, особенно если принимающие государства поощряли иностранные инвестиции для создания промышленных предприятий и инфраструктуры, где возникали рабочие места для местных рабочих.

Дальнейшее совершенствование модели миграционного перехода произошло в 1990-х гг., и это не случайно совпало с волной глобализации. Панг Енг Фонг (Pang Eng Fong, 1993, p. 300) заметил, что быстрый экономический рост оказал влияние не только на торговлю и инвестиции, но также на потоки трудовых мигрантов, что дало ему основания утверждать, что миграция в этом процессе выступала независимой переменной, производной от уровня развития страны. И хотя он добавил много оговорок и условий к усовершенствованной модели (Pang Eng Fong, 1994), другие ученые ввели эту теорию в ранг закона. Ким даже внес в нее элемент прогноза, утверждая, что рост экономической интеграции приведет многие азиатские страны к миграционному переходу (Kim, 1996, p. 303).

С другой стороны, Финдлэй (Findlay, 2001, p. 129) утверждал, что концепция перехода имеет серьезный изъян, поскольку она не в состоянии объяснить, как связана миграция с другими аспектами взаимоотношений государств, которые собственно и определяют продвижение по пути глобализации. Он выступает за построение теории на основе трансформационалистского подхода, рассматривая глобализацию, как и Стокер, как элемент исторического процесса, встроенный в иерархию неравных взаимоотношений. А Скелдон утверждал, что именно неспособность объяснить динамику современных миграционных потоков привела к отходу от узко сфокусированных моделей к моделям, основанным в большей сте-

пени на качественных, даже интроспективных, показателях (Skeldon, 2001, pp. 109–125).

Исходная, хотя и несколько модифицированная категория «профессиональный мигрант» стала столь важной в международной миграции, что категория «высококвалифицированных мигрантов» распалась на пять подкатегорий: старший управленческий персонал; инженеры и техники; ученые; предприниматели; студенты. Махроум (Mahroum, 2001, p. 29) показывает, что выталкивающими и притягивающими факторами для одной группы (например, ученых) могут быть преимущественно персональные устремления и научная любознательность, в то время как для инженера это могут быть лишь условия оплаты или возможности трудоустройства в других странах. В аналогичном ключе Хадриа (Khadria, 2001, p. 48), признавая, что различие между постоянной и временной миграцией утратило свое значение, выявляет четкое изменение парадигм: изменение географических, профессиональных и временных характеристик, становящихся в отношении утечки умов более ориентированными на спрос; изменение целей государственного вмешательства; изменение стратегии государственного вмешательства.

В Индии, например, бурное развитие сектора информационных технологий (ИТ) привело к «глобализации» способностей и профессионализма индийцев, так что географические границы перестали быть реальным ограничением для миграции квалифицированных кадров. Мигранты в высших профессиональных группах теперь в меньшей мере склонны полагаться на миграционные сети, основанные на родственных связях, чем на те, в основе которых лежат связи с коллегами и бывшими соучениками по университету, в то время как, глобализация рынка высококвалифицированного труда основывается на масштабных сетевых инвестициях (Meyer, 2001, p. 91). Действительно, Айердейл (Iredale, 2001, p. 16) считает, что «миграция, управляемая производством», стала наиболее значительной мотивацией, и описывает ситуации, в которых основной силой отбора и миграции квалифицированных работников выступают работодатели.

Эти основные изменения причин по крайней мере одного типа миграции являются прямым следствием растущей значимости и влияния глобализации и они идут гораздо дальше интернационализации. Глобализация означает более высокий уровень организации — такой, при котором национальная принадлежность размывается и при котором все основные политические и экономические решения в конечном счете распространяются на весь мир. В этом контексте снижается роль государства в привлечении высококвалифицированных мигрантов; они теперь самостоятельно выбирают среди очевидных возможностей «капитализации» своей квалификации, меняя работодателя или выбирая среди филиалов транснациональных корпораций.

Кто теперь принимает решения?

Далее Стокер утверждает, что современная эра глобализации разрушает власть государства и значимость национальных границ. Уже в течение некоторого времени государство отступает из тех сфер, которые раньше считались его исключительной прерогативой, уступая место свободной торговле и устраняя преграды на пути международного движения капиталов. Кили идет еще дальше, предполагая, что временная миграция международного высококвалифицированного персонала в настоящее время меняет позиции политиков в отношении международной миграции. На эту тенденцию оказал сильное влияние отход межнациональных корпораций от непосредственно производства и перенесение упора на интеллектуальную собственность. Деятельность этих корпораций сказалась на интернационализации персонала и, что не менее важно, на создании глобальных перспектив. Также нет ни малейшего сомнения в том, что многие фирмы, занимающиеся бизнесом в глобальном масштабе, «мыслят» на мультигосударственном уровне, а их руководящее звено отстаивает ту точку зрения, что иммиграционная политика должна активно содействовать — и уж, конечно, не противодействовать — мобильности персонала. Каирская Конференция по народонаселению 1994 года четко признала, что по мере выдвижения национальных экономик и компаний на международные рынки позиция правительств по отношению к международной миграции проявлялась в виде важных, а в некоторых случаях экстренных политических решений (United Nations, 1997, p. 2).

Эти новые политические решения осуществляются на разных уровнях, главным образом через международные организации. Национальная политика, а также двусторонние и многосторонние соглашения, такие как Европейский Союз (ЕС) Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) и Соглашение о взаимном признании между Австралией и Новой Зеландией, становятся важным инструментом в облегчении миграционных потоков высококвалифицированного труда. Айердейл (Iredale, 2001, p. 9) заявляет, что государство и региональные соглашения служат лишь «смазкой» для обеспечения необходимых для компаний миграционных передвижений, в то время как сами потоки управляются этими компаниями и потребностями рынка.

Важную роль в этом процессе сыграла интернационализация профессий посредством признания и утверждения квалификаций в региональных организациях. Межгосударственные соглашения (ЕС и НАФТА) сегодня облегчают перелив высококвалифицированного персонала, спрос на который регулируется потребностями производства и рынка. И хотя отдельные государства активно вовлечены в этот процесс, приток и отток профессионалов уже не определяется только национальными институтами. Международные соглашения

и организации, такие как Генеральное Соглашение о товарах и услугах (ГАТС) и Всемирная Торговая Организация (ВТО) также сыграли важную роль в интернационализации профессий, наряду с профессиональными ассоциациями, международная активность которых растет. Столь же — если не еще более — важную роль сыграл рост рынков высококвалифицированного труда, которые относительно независимы от государственного контроля, а значит, от ограничений международных передвижений. Наиболее очевидным примером являются информационные технологии (ИТ), которые стали высоко динамичной и подвижной отраслью производства и вынудили многие государства смягчить свое отношение к иммиграции, особенно на временной основе. В некоторых случаях, утверждает Айердейл (Iredale, 2001, p. 10) квалификационные сертификаты некоторых очень крупных компаний ценятся выше, чем университетские степени.

Айердейл приходит к выводу, что в результате этих изменений «внутренние рынки труда» транснациональных корпораций в настоящее время не подпадают под контроль правительства. Кроме того, во все большей степени регулированием миграции занимаются региональные объединения государств. Исходной идеей создания Европейского Союза было обеспечение свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы, и хотя обеспечение свободы движения рабочей силы было наиболее неоднозначным пунктом (Keely, 2001, p. 269), страны ЕС последовательно изменяли свое законодательство с целью привлечения высококвалифицированной рабочей силы, что диктовалось потребностями производства и рынка. Во Франции Закон об иммиграции 1998 г. ввел специальный статус для ученых и научных сотрудников, а в Нидерландах иностранным высококвалифицированным работникам предоставляется законом 30-процентная скидка на подоходный налог на период 10 лет (Mahroum, 2001, pp. 31–32). Такого рода перемены, как в действиях, так и в отношении к иммиграции высококвалифицированных работников в ЕС, привели к большей гибкости законодательств, что поставило их в соответствие и с глобализацией, и с меняющимися демографическими тенденциями в регионе.

НАФТА, согласно Кили (Keely, 2001, p. 270), является примером соглашения, тип которого находится где-то между ЕС и соглашениями развивающихся стран. США отнюдь не намеревались включать в соглашение НАФТА положения о свободном передвижении рабочей силы, оно включает лишь положения, позволяющие временный въезд по специальной визе для весьма ограниченных групп квалифицированных работников.

Вообще говоря, дискуссии на тему миграции рабочей силы, по крайней мере, ее высших категорий, все больше становились частью дискуссий о торговле; таким образом, речь шла о международном режиме не миграции вообще, а ее отдельных «частей»: от-

дельно для высококвалифицированных профессионалов, отдельно для беженцев и т.д. (Siddique and Appleyard, 2001, p. 3). По мнению Кили (Keely, 2001, p. 264), мы наблюдаем начало сдвига в формировании иммиграционной политики в сторону интересов торговли, когда некоторые государства и компании стремятся включить временную трудовую миграцию в режим международной торговли, в частности, как составную часть формирующегося режима торговли услугами. Это может также оказывать влияние на ход и результаты международных торговых переговоров.

В течение последних 25 лет государства, входящие в состав АПЕК (Австралия, Китай, Япония, Корея, Малайзия, Новая Зеландия, Филиппины, Тайвань, Таиланд и США), демонстрировали высокие темпы экономического роста и структурные перемены в экономике, а также возрастающую степень экономической интеграции в том, что касается торговли и иностранных инвестиций. Особенно заметным было воздействие интеграции на структуру производства и распределение трудовых ресурсов. Стал (Stahl, 2001) предполагает, что дальнейшее движение в сторону либерализации торговли усилит эти структурные изменения и обеспечит дальнейший рост степени экономической интеграции. Хотя большую часть трудовых мигрантов в регионе составляют низко-квалифицированные рабочие, число высококвалифицированных профессионалов, мигрирующих в рамках региона, растет быстрыми темпами. Стал демонстрирует, как в таких отраслях, как финансы, страхование, недвижимость и обслуживание бизнеса, быстро растет занятость профессиональных, технических и вспомогательных работников. Однако предложение таких работников не соответствует темпам структурных перемен, которые стимулируют эту «меняющуюся структуру спроса на труд» (Stahl, 2001, p. 370). Именно этот спрос, особенно на высококвалифицированных работников, приносит существенные изменения в иммиграционное законодательство стран региона АПЕК.

В своем исследовании по Гонконгу Финдлей (Findlay, 2001) показал, что потоки мигрантов в 1980-х и 1990-х гг. были не только тесно связаны с тенденциями мировых рынков, но во многом зависели от меняющегося регионального разделения труда. Он считает, что тенденции международной миграции в Азиатско-тихоокеанском регионе в целом не могут анализироваться изолированно от общемировых тенденций, и только так могут быть поняты происходящие в ней изменения.

Информационные технологии

В 1993 г. Кестеллз (Castells) пришел к выводу, что рост производительности труда, на котором основывалось поступательное развитие мировой экономики, во все большей степени зависит от приме-

нения достижений науки и технологии в экономике. Микроэлектроника, информатика и телекоммуникации не только стимулировали развитие мировой экономики, они изменили основу, на которой осуществляется бизнес. Еще более значимым, чем сдвиг от промышленности в сторону сферы услуг, является развитие «информационной экономики». Microsoft, Sun Microsystems и Apple не просто создали новые ТНК, но дали новые возможности другим мультинациональным корпорациям действовать, невзирая на географические и политические границы (Holton, 1998, p. 55).

Очевидно, что по мере того, как многие компании меняли область своей деятельности в направлении от промышленности к сфере услуг, возникла так называемая «легкая экономика». Результатом стала интернационализация персонала и возникновение глобальных производственных сетей, особенно в сфере услуг. На деятельности финансового сектора, в частности, самым серьезным образом сказались технологические инновации и конкуренция как фундаментальные рычаги глобализации, что повсеместно в мире коренным образом изменило структуру занятости в финансовом секторе.

Таким образом, глобализация человеческого капитала посредством международной миграции уже касается не только физического присутствия мигрантов где-либо в мире. Она касается глобальной применимости имеющейся квалификации в разных областях деятельности. Хадриа (Khadria, 2001, p. 45) утверждает, что это является основной чертой эмиграции из Индии в развитые страны, где произошёл сдвиг от профессий определенной специализации (врачи, ученые) к ИТ, где требуется квалификация более общего типа. Это касается также студентов, которых он называет «полуфабрикатом человеческого капитала», получающих образование в местных и зарубежных университетах. По мере развития профессии, связанные с ИТ, стали наиболее значимыми в миграционном потоке из Индии после категории традиционных трудовых мигрантов. Все эти перемены могут быть объяснены тремя типами изменения парадигм, о которых говорилось выше: изменение профессиональных и временных характеристик, целей государственного вмешательства и стратегии государственного вмешательства.

В США наиболее многочисленным был въезд иностранных специалистов по визам H-1B; в сентябре 2000 г. из 461 000 работающих в США иностранных специалистов половина были заняты на рабочих местах, имеющих отношение к компьютерной технике. В 1999 финансовом году основной страной происхождения въезжающих по визам H-1B была Индия (55 047 чел.), а далее с большим отрывом шли Великобритания (6 665 чел.), Китай, Япония и Филиппины. Половина из индийских специалистов, работающих по визам H-1B, родились в Индии, их средний возраст составлял 28 лет, а 40% уже находились в стране по другой визе до того, как получили H-1B.

В Великобритании не только произошло удвоение числа выданных разрешений на работу иммигрантам из Индии за период между 1995 и 1999 гг., но 54% из них были приняты на работу в компьютерной индустрии. По оценке ЕИТО (Европейской обсерватории информационных технологий) в Великобритании в 2003 г. будет ощущаться нехватка представителей ИТ профессий в 620 000 чел.

Стал также говорить о том, что нехватка высококвалифицированных специалистов и профессионалов в странах АПЕК явилась «движущей силой» серьезных изменений в иммиграционных законах (Stahl, 2001, p. 370). Так, защитником практики активного привлечения Сингапуром индийских специалистов ИТ выступил недавно министр Ли Куан Ю: «Если мы не изменим наши представления, мы выпадем из этой гонки» (Chandra, 2000, p. 40).

В то время как процесс глобализации несомненно оказал серьезное влияние на систематизацию и доставку информации, а также на передвижение персонала через государственные границы, изменилось также взаимоотношение клиент/компания — оно стало все больше осуществляться в виде «виртуальных» контактов, где взаимодействие лишь кажется «реальным». Глен Моррис, управляющий компании Meinhardt Australia, которая занимается экспортом информации, предрекает, что прогресс в области ИТ сделает передачу информации «быстрой и беспрепятственной», что снизит потребность в передвижении персонала через границы (Morris, 2001). Передача информации, услуг, считает он, будет основана на всемирной паутине с использованием сайтов Интернета. Согласно этому сценарию, получение услуг от провайдеров, находящихся в любой части мира, будет считаться нормальным, хотя Моррис и оговаривает, что все же «человеческое прикосновение» сохранит свое важное значение в разработке предоставляемых услуг.

Заключение

Нет сомнения в многогранном и глубоком воздействии глобализации на объем и направление миграции высококвалифицированных кадров с начала 1990-х гг. Она способствовала мобильности рабочей силы в том смысле, который традиционно ассоциируется с мобильностью капиталов и, таким образом, поставила под вопрос уместность многих, существовавших в течение длительного времени, ограничений иммиграционной политики. Многие страны в стремлении не упустить преимущества, которые сулит глобализация, умышленно ослабили ограничения на въезд иностранцев (на короткий срок), обладающих квалификацией в ИТ и сопутствующих специальностях. Ряд государств даже предприняли усилия по привлечению мигрантов-профессионалов на постоянное жительство.

Многие компании, ведущие бизнес во всемирном масштабе, мыслят на мульти-государственном уровне, их руководство счита-

ет, что иммиграционная политика должна активно содействовать миграции кадров. Многосторонние соглашения, такие как ЕС и НАФТА, также облегчают потоки высококвалифицированной рабочей силы, а международные организации, такие как ГАТС и ВТО, наряду с профессиональными ассоциациями, способствуют «интернационализации» профессиональных квалификаций. Более того, есть убедительные свидетельства в пользу той точки зрения, что мы находимся на начальных этапах серьезного сдвига в иммиграционной политике по типу политики в области торговли.

Информационные технологии внесли наиболее существенный вклад в интернационализацию персонала и формирование глобальных перспектив. Высококвалифицированные работники этого сектора в настоящее время составляют основную часть временной квалифицированной рабочей силы, используемой в развитых странах. Новые возможности, которые открываются перед мигрантами-специалистами ИТ из таких стран, как Индия, дают основания для пересмотра концепции «утечки умов» (brain drain) в пользу «обмена умами» (brain exchange) или «циркуляции умов» (brain circulation).

Типологии, которые используются специалистами в области международной миграции, были пересмотрены и переоценены в попытке объяснить новые тенденции. Исходный термин «профессиональный мигрант» был разделен на ряд подкатегорий с учетом парадигмы, объясняющей произошедшие изменения в политике государственного вмешательства и стратегии государственного вмешательства. Они были вызваны потребностью объяснить то, что один ученый назвал «массовой встряской» обществ в процессе глобализации.

Перевод с английского И.В. Ивахнюк

Литература

1. Appleyard R.T. (1991) International Migration: Challenge for the Nineties. Geneva, International Organization for Migration.
2. Appleyard R.T. (1992). Migration and Development: a Critical Relationship // Asian and Pacific Migration Journal, № 1 (1). Pp. 1–16.
3. Appleyard R.T. (2001) International Migration Policies: 1950–2000 // International Migration, № 39 (6). Pp. 7–20.
4. Burrow S. (2001) Workplace Relations and the Global Imperative // CEDA Bulletin (July). Pp. 16–19.
5. Castells M. The Information Economy and the New International Order // A chapter in: The Global Economy in the Information Age / M. Carney, M. Castells and S.S. Cohen (Eds.). Pennsylvania, Pennsylvania State University Press. Pp. 5–44.
6. Chanda N. (2000) The Tug of War for Asia's Best Brains // Far Eastern Economic Review, November 9.
7. Eslake S. (2001) Globalisation and its Critics // CEDA Bulletin, March. Pp. 18–22.
8. Findlay A. (2001) International Migration and Globalisation: an Investigation of Migration Systems in Pacific Asia, with Particular Reference to Hong Kong // A chapter in: International Migration into the 21st Century / M.A.B. Siddique (Ed.). Cheltenham, UK, Edward Elgar. Pp. 126–152.
9. Gallop G. (2001) Western Australia: Building Success // CEDA Bulletin, July. Pp. 36–39.
10. Greenspan A. (2000) Technology and the Economy // Speech to the Economic Club of New York, 13 January. Available at www.bog.frb.fed.us/boarddocs/speeches/2000/200001132.htm.
11. Holton R.J. (1998) Globalization and the Nation-State. London, Macmillan Press Ltd.
12. Iredale R.R. (1999) The Need to Import Skilled Personnel // International Migration, № 37 (1). Pp. 89–123.
13. Iredale R. (2001) The Migration of Professionals: Theories and Typologies // International Migration, № 39 (5). Pp. 7–26.
14. Keely C.B. (2001) International Personnel Movement and the Emergence of an International Migration Regime // A chapter in: International Migration into the 21st Century // M.A.B. Siddique (Ed.). Cheltenham UK, Edward Elgar. Pp. 262–274.
15. Khadria B. (2001) Shifting Paradigms of Globalization: The twenty-first Century Transition towards Generics in Skilled Migration from India // International Migration, № 39 (5). Pp. 45–71.
16. Kim W.B. (1996) Economic Interdependence and Migration Dynamics in Asia // Asian and Pacific Migration Journal, № 5. Pp. 303–318.

17. Mahroum S. (2001) Europe and the Immigration of Highly Skilled Labour // *International Migration*, № 39 (5). Pp. 27–43.
18. Meyer Jean-Baptiste (2001) Network Approach versus Brain Drain: Lessons from the Diaspora // *International Migration*, № 39 (5). Pp. 91–110.
19. Morris G. (2001) Exporting Services to the Global Economy // *CEDA Bulletin* (Committee for Economic Development of Australia), July. Pp. 29–31.
20. Pang Eng Fong (1993) Labour migration to the Newly Industrialising Economies of South Korea, Taiwan, Hong Kong and Singapore // *International Migration*, № 31. Pp. 300–313.
21. Pang Eng Fong (1994) An Eclectic Approach to Turning Points in Migration // *Asian and Pacific Migration Journal*, № 7. Pp. 219–234.
22. Siddique M.A.B. and Appleyard R.T. (2001) International Migration into the 21st Century: Selected Issues // In: *International Migration into the 21st Century* / M.A.B. Siddique (Ed.). Cheltenham, UK and Northampton MA (US), Edward Elgar.
23. Skeldon R. (2001) The Dangers of Diaspora: Orientalism, the Nation State and the Search for a New Geopolitical Order // A chapter in: *International Migration into the 21st Century* / M.A.B. Siddique (Ed.). Cheltenham, UK, Edward Elgar, pp. 109–126.
24. Stahl C. (2001) The Impacts of Structural Change in the APEC Labor Markets and their Implications for International Labor Migration // *Asian and Pacific Migration Journal*, № 10 (3–4), pp. 349–378.
25. Stalker Peter (2000) *Workers Without Frontiers: The Impact of Globalization on International Migration*, Geneva, International Labour Organization.
26. United Nations (1997) *Population Newsletter: International Migration Policies*, No. 63, Population Division, Department of Economic and Social Affairs, New York, United Nations.
27. United Nations (1998) *Population Distribution and Migration*, Proceedings of the UN Expert Group Meeting, Santa Cruz, Bolivia, 18–22 January 1993, Population Division, Department of Economic and Social Affairs, United Nations, New York.
28. Zelinsky W. (1979) The Demographic Transition: Changing Patterns of Migration // Paper presented at the IUSSP Conference on Science in the Service of Life, Vienna. In *Proceedings*, Belgium, IUSSP.

КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ И КИТАЙСКИЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВА В РОССИИ ¹

Современная китайская миграция в России, в отличие от большинства других стран, — явление лишь 1990-х годов. Она имеет свою историю, поскольку существовала до 1917 г. и непродолжительное время при Советской власти. Позже китайское население было насильственным путем резко сокращено. Миграция через границу прекращена. Перепись населения в 1989 г. выявила в России всего 5,2 тыс. китайцев (Российский статистический ежегодник, 2000, С. 64). Они не образовывали компактного поселения и практически ассимилировались. На протяжении многих десятилетий о китайской миграции в Россию не было и речи. Она началась, по сути, лишь после исторического визита Михаила Горбачева в Пекин и нормализации российско-китайских отношений. Так возникла современная история китайской миграции в Россию. С тех пор она приобрела массовый характер и общественно-политическое значение. Началось и более или менее систематическое ее изучение.

Мне удалось систематизировать результаты своих исследований в первой в России монографии, посвященной китайской миграции и российско-китайским отношениям, их воздействию на судьбы России (Гельбрас, 2001). В ней представлены также взгляды россиян на китайскую миграцию и российско-китайские отношения. В книге были, в частности, обобщены материалы первого в России массового опроса почти 760 китайских мигрантов, проведенного в 1998–1999 гг. в Москве, Хабаровске, Владивостоке и Уссурийске. В ходе него выяснилось огромное экономическое и социальное значение китайских землячеств. Именно эти этнические сообщества стали предметом моих дальнейших исследований, с результатами которых я хотел бы познакомить читателя в этой статье, как и — в более общем плане — взглядом из России на современную значимость миграции китайцев для мира в целом.

Определение понятий

Четкое определение понятий всегда полезно. В российских СМИ и в научной литературе одновременно употребляются три обозначения этнических сообществ: *диаспора*, *община*, *землячество*. Все они представляются большинству авторов и исследователей полноправными синонимами. Существует, однако, основания для сомнений в справедливости такой точки зрения.

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке фонда Макаруров.

Особенно наглядно они складываются при сравнении разных этнических сообществ. В современной России их много. Потоки беженцев, вынужденных переселенцев, мигрантов из разных стран сформировали почти во всех регионах страны устойчивые этнические сообщества азербайджанцев, армян, афганцев, китайцев, вьетнамцев и других. При всем обилии и разнообразии индивидуальных интересов и устремлений отдельных мигрантов каждое из таких сообществ характеризуют определенные особые черты.

Эти черты столь существенны, что требуют отражения в понятийном аппарате. На наш взгляд, понятие *диаспора* применимо к этническому образованию, главной чертой которого является ориентация данного сообщества на возвращение на землю предков. Эта черта в последние годы была ярко выражена в поведении евреев, немцев, крымских татар. Компактность поселения вовсе не обязательно является чертой *диаспоры*. Ее члены могут быть рассеяны по всей стране. Это понятие также не обязательно должно относиться к мигрантам. *Диаспорой* может быть часть коренного населения, оказавшаяся в силу тех или иных исторических причин вдали от родины предков и живущая мечтами о возвращении на нее. Таковы, например, турки-месхетинцы.

Понятие *община* лучше всего соответствует этническому образованию, основные помыслы которого направлены на сохранение своей этнической, религиозной или иной идентичности. В этом случае характерно компактное поселение членов общины. Они стремятся защититься от воздействия окружающего общества и образовать самостоятельную социальную единицу. Таковы, например, старообрядцы, мормоны, цыгане.

Землячество — совершенно особый вид этнического образования, ориентированного на сохранение своей национальной идентичности и одновременно на всемерное расширение, захват все новых позиций в принимающем обществе. Его члены, стремятся более или менее открыто (и законно) завоевывать и расширять в этом обществе экономические, а когда возможно, и политические плацдармы. При этом представителей землячества не заботят интересы окружающего общества, для них чрезвычайно важно выявление и максимально полное использование слабых сторон окружающего мира. Это понятие как нельзя лучше характеризует сообщества мигрантов из Китая (китайцев и корейцев), КНДР, Республики Корея, Вьетнама.

Провести четкую границу между *диаспорой*, *общиной*, *землячеством* в реальной жизни бывает достаточно трудно. Для этого необходима разработка системы признаков, детальные знания различных этнических сообществ, что должно стать предметом специальных исследований.

Очевидно, что эти структуры развиваются. Во-первых, для них характерны периоды рождения, роста, созревания, изменения,

проходящих под влиянием внутренних и внешних импульсов, и отмирания. Время жизни таких образований различно для разных этнических групп. В современной России, например, китайские землячества возникли только в 1990-е годы, и они находятся на разном уровне развития в различных районах страны. В некоторых странах мира *чайна-тауны* существуют столетиями без сколько-нибудь заметных качественных внутренних и внешних перемен. В Таиланде, однако, китайцы ассимилировались в несравненно большей мере, чем какой-либо иной стране Азии, Америки или Европы.

Во-вторых, для некоторых этнических групп на протяжении длительного времени характерны смешанные признаки: в чем-то они похожи на диаспору, в чем-то на общину, но в иных условиях — на землячество.

Наконец, этническое образование может обрести признаки диаспоры, общины, землячества только при определенных условиях. Одним из них является численность такой группы населения. Например, до 1990-х годов китайцы в России не образовывали ни диаспору, ни общину и не имели ничего общего с современным китайским землячеством. Они стали гражданами СССР, затем — России. С началом китайской миграции на территорию России немало «русских» китайцев стало играть заметную роль в ее увеличении и образовании землячеств.

В Китае для обозначения зарубежных сообществ своих соотечественников используется понятие *shetuan*. Перевести его на русский язык однозначно трудно. Первый иероглиф *she* — это в переводе: коммуна, община, сообщество, союз; второй *tuan* — комок, группа, кружок, организация, полк. Многозначность создает определенное удобство: *shetuan* можно перевести и как землячество, и как община, и как компактное образование. Все зависит от контекста.

В последнее время в Китае стало использоваться словосочетание *huaqiao huaren shetuan*. Его перевод: землячество хуацяо и китайцев, то есть китайцев-постоянных жителей данной страны и китайцев-мигрантов последних десятилетий. Тем самым, по сути, признается, что китайская эмиграция приобрела большой размах.

Примечательно, что, с одной стороны, в Пекине не могут игнорировать рост численности китайских мигрантов в других странах, но с другой, — признать факт массовой эмиграции, то есть существование нового развивающегося социального явления. Поэтому, в частности, о китайцах за пределами страны никогда не говорится как о мигрантах. Понятие *мигрант (yimin)* в Китае используется исключительно для характеристики соответствующего процесса внутри страны. И то очень редко. Чаще всего используется словосочетание — *vai chu wu gung renyuian*. В переводе: люди, выбывшие (отправившиеся) на заработки. Эта ситуация во многом объясняется тем, что система закрепления людей за постоянным ме-

стом работы и жительства только-только начинает разрушаться и свободное передвижение людей еще не стало нормой.

Что касается выезда китайцев из страны, то оно обозначается как поездка с частными целями. Понятие миграция не используется. Более того, попытки его применения пресекаются, поскольку оказываются в противоречии с официальной пропагандой уникальных успехов, стабильного развития и беспрецедентного роста уровня жизни населения. Действительно, рост экономики есть, но он вызвал социальную нестабильность огромных масс населения, не для всех он сопровождается повышением благосостояния. Видимо, подтверждается справедливость поговорки: люди от добра добра не ищут. Положение дел в стране таково, что лучшую долю многие ищут за ее пределами. Поэтому словосочетание *huaqiao huaren shetuan*, по сути, является средством косвенного признания растущей миграции из Китая.

Миграция китайцев в свете новой внешнеэкономической стратегии Китая

Весной 2000 г. на 3 сессии Всекитайского собрания народных представителей была провозглашена новая внешнеэкономическая стратегия Китая, получившая известность под девизом «Идти вовне».

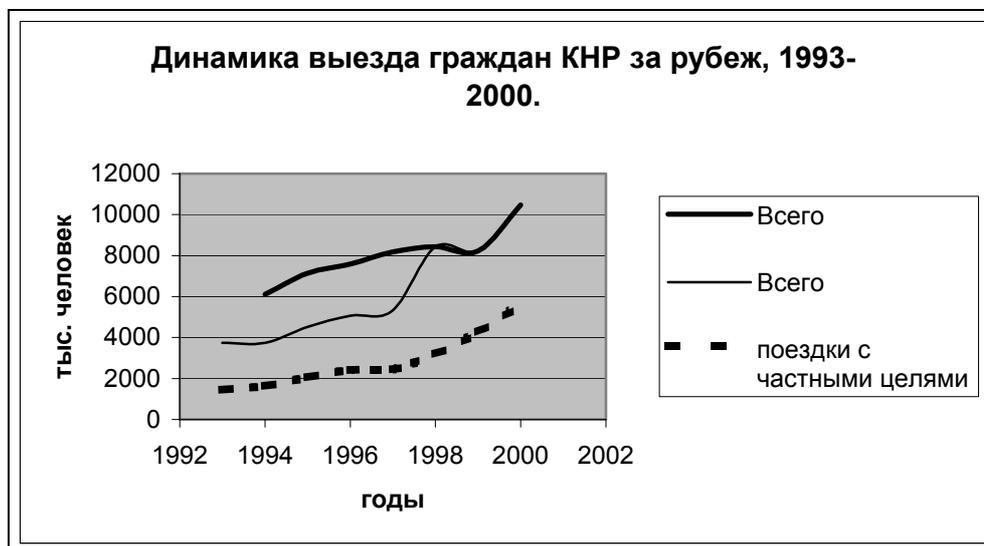
Одним из методов реализации новой стратегии является максимальное использование растущей китайской миграции и деятельности китайских землячеств во всем мире.

В Китае заговорили о том, что стратегия «Идти вовне» должна обеспечить значительное расширение позиций на международном рынке труда. В КНР исходят из того, что на долю страны приходится одна треть работающего населения планеты, но только 2–3% мирового рынка труда. Часто в связи с этим в Пекине выдвигается задача завоевания примерно 10% мирового рынка труда. Чтобы представить примерные масштабы грядущей прямой и косвенной борьбы за международный рынок рабочей силы, надо рассмотреть информацию, содержащуюся в китайской статистике.

Официальная статистика выезда граждан за рубеж стала публиковаться в Китае с 1998 г. в *Статистических Ежегодниках*, они включают данные за период с 1994 г. Годом позже в *Статистических Ежегодниках* появились сведения о числе поездок с частными целями. Кроме того, в *Экономическом Альманахе*, начиная с 1995 г. в разделе «Туризм» публикуются сведения об общем числе выезжавших из страны с частными целями. Данные об общем числе пересечений границы за 1994-1998 гг. в этих двух источниках существенно расходятся. Китайская статистическая служба никак не объяснила многомиллионные различия в этом показателе. Однако с 1998 г. в *Экономическом Альманахе* стали помещаться сведения статистической службы и разрыв в показателях был ликвидирован.

Любопытно, что и расхождения в данных исчезли. На диаграмме 1 сплошной жирной линией показаны официальные статистические данные *Статистических Ежегодников*. Тонкой сплошной линией зафиксированы данные *Экономического Альманаха*.

Диаграмма 1



Источник: Китайский Статистический Ежегодник, 1998, С. 653; 2001, С. 623; Китайский Экономический Альманах, 1995, С. 318; 1996, С. 388.

Следует учитывать, что в последние годы численность лиц, легально выезжающих из Китая с частными целями, увеличивается на более чем 30% ежегодно. В 2000 г. за рубеж с частными целями выезжало 5,6 млн. человек. Если принять данные статистической службы, в 1994 г. доля покидавших страну с частными целями не составляла и трети, но в 2000 г. она уже превысила половину всех выезжавших за рубеж граждан КНР. И еще: в силу сложившейся в Китае возрастной структуры населения в течение нескольких десятилетий доля лиц в возрасте 16–65 лет, то есть в когортах трудоспособного населения, будет превышать 70%. Это значит, что Китай располагает гигантскими трудовыми ресурсами. Он был не в состоянии их эффективно использовать в истекшие годы. Еще меньше у него возможности найти им достойное применение в предстоящие годы. Следовательно, эмиграционные процессы будут набирать мощь.

Главные особенности современной китайской миграции заключаются: **во-первых**, в правительственном стимулировании процесса становления китайских землячеств, их укрепления и развития, **во-вторых**, в ориентации их на решение определенных задач внешнеэкономической стратегии КНР, **в-третьих**, в формировании и развитии международных связей китайских землячеств под эгидой Пекина.

С 2001 г. Управление по делам хуацяо Госсовета КНР резко активизировало регулярные связи с зарубежными землячествами,

стало расширять на них свое влияние, способствовать их взаимным контактам, ориентировать на содействие развитию Китая. Похоже, что Управление по делам *хуацяо* Госсовета КНР превращается или, может быть, уже превратилось в штаб, осуществляющий руководство китайской миграцией во всемирном масштабе и максимальным использованием китайских землячеств в интересах реализации стратегии «Идти вовне».

Если так, то период во многом стихийного становления и численного роста китайских землячеств в России и в других странах мира завершился. Начался этап организуемого и направляемого их количественного роста и стимулируемого из Пекина развития их предпринимательской деятельности. Значит, китайские землячества в России будут в еще большей степени, чем когда-либо раньше, ориентированы на расширение своей предпринимательской деятельности и служение интересам развития Китая.

Стратегия «Идти вовне» призвана решить ряд экономических проблем, являющихся для Китая исключительно актуальными. Во-первых, обеспечить расширение рынка сбыта товаров, производимых в стране. Во-вторых, способствовать увеличению поставок сырьевых ресурсов, необходимых китайской промышленности. В-третьих, увеличить каналы поступления капиталов и научно-технических достижений из-за рубежа. (Изучение стратегии и практики открытости «Идти вовне», 2000, С. 9).

Россия занимает особое место в планах Пекина, так как является одной из немногих стран, в которых Китай имеет возможность решать все перечисленные выше неотложные проблемы.

Россия представляет собой довольно широкий рынок сбыта китайских товаров. Его осуществляют по преимуществу китайские мигранты и китайские фирмы, обосновавшиеся в России и применяющие главным образом «теневые» схемы бизнеса. В России эту торговлю называют неофициальной, «челночной». В Китае вначале ее презрительно характеризовали как нецивилизованную, «челночную», но теперь стали почтительно именовать «народной». Объем «народной» торговли с Россией оценивается в 10 млрд. долл. США, то есть она практически стала равна официальному товарообороту двух стран — 10,6 млрд. (Верлин, 2002, С. 64). Существует, правда, и более скромная оценка — 3–5 млрд. долл., но проблема заключается не в точности цифр. Важно правительственное заключение, ибо оно определяет политические решения. Их суть: Россия может и должна стать еще более широким рынком сбыта китайских товаров. С этой целью в Пекине рассчитывают на расширение «народной» торговли и выход на российский рынок крупных китайских фирм и предприятий.

Это направление хозяйственной деятельности представляет, с точки зрения китайского руководства, немалую ценность. Во-

первых, «челночная» или «народная» торговля ведется главным образом товарами сравнительно низкого качества, которые производятся на небольших предприятиях. Они расположены по преимуществу в сельской местности, на них трудоустроены многие десятки миллионов жителей. Во-вторых, «челночная» или «народная» торговля ведется силами сравнительно мелких предпринимателей, а также фирм, использующих мигрантов. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке она сформировала маятниковую миграцию, создавшую источники заработков для сотен тысяч китайцев и россиян.

Если китайское правительство поможет переезду в Россию только 1% из 200–300 млн. своих безработных, то одна только эта мера способна создать в стране достаточно сложную ситуацию. До последнего времени Россия не являлась страной обетованной в глазах абсолютного большинства китайцев, стремящихся устроить свою судьбу за пределами страны. Ситуация, однако, может в любое время измениться, особенно при участии китайского правительства.

Иным словами, мир и Россия переживают переломный момент — начало формирования новых условий глобального роста китайской миграции и развития китайских землячеств. Они окончательно еще не сложились. Ясно, что в новой ситуации при изучении китайской миграции и китайских землячеств следует самым внимательным образом отнестись к позиции китайского руководства по этому вопросу.

Численность китайских мигрантов в России

Существует немало самых разнообразных оценок численности китайских мигрантов в России. Наиболее распространенная цифра — 2–3 млн. человек. Чаще всего эти оценки приводятся без каких-либо доказательств. В предыдущих публикациях на основе целого комплекса данных я пришел к выводу, что численность китайских мигрантов находится в пределах 200–450 тыс. человек (Гельбрас, 2001, С. 40). Эта оценка производилась мною в 1998–1999 гг. Возникает вопрос: произошли ли с тех пор сколько-нибудь существенные изменения? Рассмотрим ситуацию с помощью данных, в основу которых положена информация двух разных ведомств — милиции и пограничной службы. Органы внутренних дел ведут регистрацию населения по месту жительства, пограничники, естественно, четко фиксируют всех лиц, прибывающих в страну и покидающих ее.

Оставив в стороне анализ общих итогов миграции, рассмотрим данные, имеющие отношение только к китайской миграции. Китайцы учтены в графе «другие страны». Некоторый отток мигрантов был замечен в 1998 и 1999 гг.: финансовое потрясение в России вызвало разорение многих из них. Трудно сказать, в какой

мере приведенные данные характеризуют изменения в численности именно китайских мигрантов. Допустим, что из России в эти годы выезжали граждане любых стран кроме Китая, а приезжали, наоборот, только граждане КНР. В этом случае: 1) численность приезжающих иностранцев из так называемого дальнего зарубежья с каждым годом уменьшается, сократившись за два года в 2 раза (!); 2) если в страну прибывали только китайцы и никто из них не уезжал, то общая их численность увеличилась лишь на несколько десятков тысяч человек. Это значит, что оценка 1998–1999 гг. остается в силе. Допущение столь необычной ситуации имеет один смысл: доказать, что в эти годы либо ничего существенного в темпах и масштабах китайской миграции не произошло, либо имеет место беспрецедентный рост нелегальной миграции, требующий полной переоценки общего числа китайцев в России.

Таблица 1. Общие итоги миграции населения России, 1998–2000 (тыс. чел.)

Год	Показатели	Всего	в том числе	
			страны бывшего СССР	другие страны
1998	Прибытие	3095,5	494,8	18,7
	Выбытие	2774,3	133,0	80,3
	Миграционный приток	321,2	361,8	-61,6
1999	Прибытие	2856,7	366,6	13,1
	Выбытие	2672,7	129,7	85,3
	Миграционный приток	184,0	236,9	-72,2
2000	Прибытие	2662,3	350,3	9,0
	Выбытие	2420,6	83,5	62,2
	Миграционный приток	241,7	266,8	-53,2

Источник: Численность и миграция населения РФ, 1999, с. 37; 2000, с. 65.

О чем же свидетельствует статистика, основанная на информации пограничной службы? Ее преимущество заключается в том, что она позволяет анализировать движение китайцев через границу России.

Пограничная служба докладывает, что за два года — 1999 г. и 2000 г. — в Россию в общей сложности въехало немногим более 940 тыс. китайцев. За этот же период выехало почти 930 тыс. Таким образом, из числа легально пересекших границу в России осталось около 10 тыс. китайцев. Так что и эта статистика позволяет нам допустить, что оценки 1998-1999 гг. не претерпели существенных изменений за последние два года и нет оснований говорить о многомиллионной миграции китайцев на российскую территорию.

Пограничная служба докладывает, что за два года — 1999 и 2000 гг. — в Россию в общей сложности въехало немногим более

940 тыс. китайцев. За этот же период выехало почти 930 тыс. Таким образом, из числа легально пересекших границу в России осталось около 10 тыс. китайцев. Так что и эта статистика позволяет нам допустить, что оценки 1998–1999 гг. не претерпели существенных изменений за последние два года и нет оснований говорить о многомиллионной миграции китайцев на российскую территорию.

Таблица 2. Распределение китайцев по целям поездок в Россию, 1998–2000 гг., тыс. чел.

Год		Цели поездок						Всего
		Служебная	Туризм	Частная	ПМЖ	Транзит	Обслуживающий персонал	
1998	Прибытие	190,2	198,5	19,5	0,01	8,8	56,0	473,1
	Выбытие	175,5	185,5	29,7	-	4,0	56,5	451,2
	Миграционный приток	14,7	13,0	-10,2	0,01	4,8	-0,5	21,8
1999	Прибытие	184,6	178,8	24,3	0,01	1,7	58,2	447,6
	Выбытие	177,0	172,5	33,1	0,01	1,1	57,1	440,8
	Миграционный приток	7,6	6,3	-8,8	-	0,6	1,1	6,8
2000	Прибытие	239,8	172,2	29,6	0,02	2,7	49,5	493,8
	Выбытие	239,5	165,5	33,5	-	1,3	50,4	490,8
	Миграционный приток	0,3	6,7	-3,9	0,02	1,4	-9,9	2,9

Источник: Численность и миграция населения РФ, 1999, С. 106, 108; 2000, С. 109, 111.

Мигрантами становятся люди, прибывающие с самыми разными целями и по любой визе. Например, поездки по служебной визе используются порой для частной торговли и доставки товара. Регистрация фирмы позволяет пригласить персонал, а персонал — членов семей и т.д. Заметим попутно, что изменилась роль и удельный вес поездок, целью которых был заявлен туризм. Если в предшествующие годы безвизовый туризм был главным каналом нелегальной миграции, то в последние годы подавляющая масса китайских туристов покидала Россию в установленные сроки. Так, в 2000 г. только 0,17% всех туристов, въехавших в Приморский край, попытались остаться в России и лишь 82 китайцам (0,03% всех туристов) удалось осуществить свое намерение. 33 из 177 туристических фирм, действующих на территории края, привлекались к ответственности за нарушения правил приема иностранных граждан. В 2001 г. в край въехало 154,5 тыс. китайских туристов. Из них не выехало в срок и на начало 2002 г. было объявлено в розыск только 15 человек (0,01%).

Следовательно: 1) основная масса китайских мигрантов пребывает в Россию на совершенно законных основаниях и главная про-

блема состоит в том, законным ли образом они получили документы на пересечение границы; 2) полностью предотвратить использование китайскими гражданами каналов безвизового туризма для переезда в Россию пока не удалось; 3) масштабы китайской миграции, по состоянию на начало 2002 г., не создают оснований для тревоги.

Итак, пока нет никаких серьезных оснований для пересмотра наших оценок численности китайских мигрантов в России. Их максимальная численность не превышает 400 тыс. человек. Рост по сравнению с 1989 г. огромный, но никак не катастрофический. Есть, однако, один сектор пересечения границы, эффективно контролировать который пока невозможно. Российско-казахстанская граница по протяженности превышает российско-китайскую, и она практически остается открытой. Никто не может сказать, сколь активно она используется китайцами для незаконного проникновения на территорию России.

И все же главная проблема коренится не в численности китайских мигрантов, а в том экономическом ущербе, который наносится России китайскими землячествами.

Китайские землячества

Главный вывод исследований — китайское землячество в Москве достигло высокого уровня развития, превратившись, по сути, в самостоятельный экономический и социальный организм, обладающий комплексом структур, необходимых для активной жизнедеятельности. Своя пресса, финансовая система, разнообразные фирмы, общежития, гостиницы, склады позволяют московскому землячеству играть заметную роль в предпринимательской деятельности китайских мигрантов, в экономической жизни России, оказывать воздействие на китайские землячества в других городах. Последние быстро развиваются по образцу и подобию московского землячества.

В последние годы появились и широко развернули свою деятельность фирмы, занимающиеся подготовкой приглашений и визовой поддержкой китайцев, стремящихся мигрировать в Россию и через Россию в другие страны. Они стали вести агрессивную рекламную кампанию. Теперь эти фирмы стали предоставлять китайским мигрантам новые услуги: гарантируют оформление практически всех документов, необходимых им для приезда и легализации в России — приглашений, одноразовых и многократных виз, регистрацию фирм, иммиграционных и регистрационных документов на право проживания, работы и предпринимательства, а также других документов, вплоть до получения водительских прав. Практически это означает, что китайские мигранты, располагающие соответствующими финансовыми средствами, могут в любое время приезжать в Россию и уезжать из нее, находиться на территории России и заниматься предпринимательской деятельностью на «законном» основании.

Даже при неблагоприятном инвестиционном климате и достаточно высокой стоимости оформления регистрационных и разрешительных документов большинство компаний этой категории официально не ведут финансовой деятельности (сдавая в налоговую инспекцию «нулевые» отчеты о прибылях-убытках). Можно предположить, что открытие инвестиционных предприятий такого плана является, например, ширмой для ведения незаконных операций. Сведения о некоторых из них удалось получить из углубленных интервью китайских мигрантов и россиян, работающих в китайских фирмах.

Фирмы, будучи в большинстве своем официально зарегистрированными, занимаясь криминальной деятельностью, помимо всего прочего имеют возможность предельно снижать эффективность мер российских властей по ужесточению иммиграционного контроля и пресечению незаконной миграции.

Россия оказалась перед новыми вызовами своему суверенитету. Немалый вклад в усложнение проблем, порожденных китайской иммиграцией в России, вносят российские фирмы аналогичного профиля, а также коррупция в исполнительных органах власти и силовых структурах страны.

Следует добавить, что в китайской печати (например, в Москве) открыто рекламируются фирмы, распространившие свою деятельность на переправку китайцев в страны Шенгенской зоны, Канаду, Австралию, страны Африки и Латинской Америки. Из интервью китайских мигрантов выяснилось, что каналы переправки людей действуют без существенных сбоев. Называли даже имена людей, перебравшихся, например, из Иркутска в США и другие страны. По сведениям пограничников, нелегальная переправка из Китая в Европу одного человека стоит 20 тыс. долл., однако желающих воспользоваться этой возможностью меньше не становится (Удманцев, 2002).

В китайских землячествах появились фирмы, занявшиеся освоением новых городов, где китайских мигрантов ранее не существовало или роль их землячеств была незначительной. Например, в китайской прессе в Москве опубликована целая серия реклам, приглашающих китайцев обосновываться в Пятигорске. Фирмы, поместившие такие рекламы, объявили о гарантиях оформления и обустройства иммигрантов, о возможности ведения в нем бизнеса в условиях меньших по сравнению с Москвой издержек. Ничего похожего в прежние годы не наблюдалось.

В новой обстановке возникла необходимость обстоятельного конкретного анализа предпринимательской деятельности китайских мигрантов и китайских землячеств, тем более, что по тому же пути идут землячества вьетнамцев и зарубежных корейцев.

В последние два года на территории от Владивостока до Иркутска была создана единая информационно-аналитическая систе-

ма, позволяющая фиксировать въезд и выезд иностранцев через все пограничные переходы в регионе. Введены единые иммиграционные карточки, позволяющие персонально учитывать каждого иностранца, въезжающего в Россию. Быстро удалось выявить группы китайцев, пересекающих границу до десятка раз в течение одного месяца. В свете вышесказанного выяснилось, что система нуждается в развитии, так как необходима информация о том, чем именно люди, въехавшие в Россию, занимаются на ее территории. Встал вопрос о целесообразности введения персональных «иммиграционных историй».

Расширяется финансовая деятельность китайских землячеств в России. Было время, когда основная часть выручки китайских торговцев-мигрантов переправлялась в Китай. Она вывозилась самими «челноками», туристами, служащими китайской авиакомпании, дипломатами и дипкурьерами. Посредники брали за перевоз пять и более процентов. Потом появились более сложные схемы. Одна из них — опробованная веками и ставшая народной традицией система *fei qian* (летающих денег). В этом случае в фирму, являющуюся фактически подпольным банком, сдаются рубли или доллары, а партнер вкладчика в Китае получает эквивалентную сумму в юанях.

В этой связи необходимо затронуть специфическую финансовую тему: механизм оборота финансовых средств между китайскими фирмами, занятыми торговлей на российских рынках, и поставщиками товаров из Китая. В ходе исследования удалось выяснить принципиальную схему работы такого механизма. Она следующая: в рамках китайских землячеств аккумулируются выручка торговых фирм, выделенная на развитие оборота. Эту функцию выполняют подпольные банки. Затем через систему фирм-посредников (как правило, российских) заготавливаются, закупаются, переправляются в Китай дефицитные товары (лесоматериалы, цветные металлы, кедровый орех и многое другое). Там товары реализуются и соответствующая часть выручки передается фирмам, обеспечивающим поставку товаров в Россию. В выигрыше оказываются все непосредственные участники этого процесса: и китайские, и российские фирмы. Формально многие звенья схемы носят легальный характер. Исключение составляют операции китайских фирм, точнее, подпольных банков, а также российских фирм, часто занимающихся незаконной заготовкой, например, леса, кедрового ореха или цветных металлов. В конечном итоге страдает только природа и экономика России.

Всемирный фонд защиты природы, по сообщению *Reuters* от 27 февраля 2002 г., официально выразил обеспокоенность судьбой российских лесов на Дальнем Востоке. По его данным, леса могут исчезнуть уже через пять лет из-за нелегальной вырубki, состав-

ляющей примерно 1,5 млн. кубометров ежегодно. Нелегальная продажа леса приносит 450 млн. долл. в год. Две трети этой суммы достается иностранным операторам, в основном китайского и южнокорейского происхождения. Интенсивность внимания китайцев к российскому лесу во многом объясняется тем, что в Китае введен пятилетний мораторий на вырубку своих лесов.

Существование такого рода схем свидетельствует об огромной роли китайских землячеств в предпринимательской деятельности китайских мигрантов. Землячества оказались в состоянии аккумулировать и целенаправленно использовать огромные денежные средства, заведомо действуя в ущерб России.

Важным источником финансирования китайских землячеств стал в самые последние годы китайский туристический бизнес. Ужесточение в России контроля за туристическим бизнесом в рамках борьбы с нелегальной миграцией привело к тому, что фирмы, работающие в этой сфере, оказались заинтересованными в том, чтобы их клиенты покидали Россию в установленные контрактом сроки. Теперь после въезда на территорию России представитель туристической фирмы в большинстве случаев отбирает у своих клиентов паспорта, обрекая их на путешествие в составе туристической группы.

Многие китайские туристические фирмы развили свой бизнес на основе схем «теневой» экономики. Туристическая поездка в Россию одного человека на пять дней с посещением Москвы и Санкт-Петербурга стоит от \$1500 до \$2000. По маршруту следования туристическая группа везде, где возможно, передвигается в России на автобусах или автомашинах, принадлежащих китайским фирмам, питается в китайских ресторанах, привлекает к работе китайских гидов и т.д. Турист, желающий что-либо приобрести в России, обязан обменять юани или доллары на рубли только у руководителя группы.

Таким образом, туристические фирмы стремятся свести к минимуму расходы, связанные с использованием услуг российских фирм и, наоборот, максимально увеличить доходы китайских фирм, успешно уклоняющихся от уплаты налогов. В результате деньги, потраченные туристами в России, практически в преобладающем объеме оседают в китайском землячестве или полностью возвращаются в Китай. В итоге китайские туристические фирмы зарабатывают гигантский капитал, часть которого успешно используется для накопления средств в китайских землячествах в России.

Китайские землячества и проблема преодоления дефицита рабочей силы в России

Изучение китайских землячеств, позволив выявить негативные для России стороны и методы их деятельности, сделало еще более настоятельным размышления о перспективах использования китай-

ской рабочей силы. России предстоит стать страной иммигрантов и импортером рабочей силы. Для многих специалистов это соображение является уже тривиальным. Вопрос заключается в том, каким образом можно и нужно привлечь в страну мигрантов. Немало специалистов пришло к заключению, что основную их массу, вне зависимости от желания кого бы то ни было, составят китайцы. В силу своей численности, неприхотливости, стойкости к невзгодам, трудолюбию, готовности к жертвам во имя будущего благополучия они представляются наиболее конкурентоспособными по сравнению с мигрантами из других стран. Как убеждена Жанна Зайончковская, заведующая лабораторией миграции населения Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, доля иммигрантов в трудовых ресурсах России к середине 21 века будет не менее 20%, а численность китайцев в стране достигнет 10–20 млн. человек.

Изложенное выше свидетельствует о том, что привлечение китайских мигрантов в Россию является делом чрезвычайно сложным не только потому, что в стране должна появиться масса людей совершенно иной цивилизации и культуры, но и главным образом потому, что они рассматриваются китайскими властями в качестве орудия специфической политики. Иными словами, речь приходится вести о не совсем обычной трудовой миграции. Ее особенность заключается в том, что, во-первых, часть таких мигрантов устремляется в Россию, будучи убежденными, что они хотят поселиться на исконно китайских землях, а во-вторых, часть из них выступает в качестве наемных работников китайских фирм, выросших на почве «челночного» и иного бизнеса. Следовательно, говоря о перспективах китайской миграции, необходимо заранее учитывать необходимость накопления, обобщения и анализа информации, выходящей за рамки «чисто» иммиграционных проблем. Ниже представляется возможным затронуть только некоторые из них.

Основная масса китайских мигрантов, прибывших и продолжающих прибывать в Россию, лишь в ограниченной степени может восполнять дефицит рабочей силы. Абсолютное их большинство не знают русского языка, не имеют специальности. Главный мотив их приезда в Россию заключается в поиске путей максимально быстрого и крупного заработка. Подавляющее большинство мигрантов ничем другим кроме торговли и ресторанного бизнеса заниматься не может и не хочет. Кроме того, российские порядки даже в этих сферах построены таким образом, что китайцы, как и другие иммигранты, оказываются в совершенно бесправном положении, в полной зависимости от авторитетов в китайских землячествах, своих работодателей, местных чиновников, представителей силовых структур. Пересмотр законодательства, ограничение всевластия чиновничества и силовых структур наталкивается на серьезное сопротивление. Для его преодоления необходимо время, проведение

серьезной работы по искоренению коррупции и преодолению ксенофобии.

В настоящее время существуют три основных пути привлечения китайской, равно как северокорейской, вьетнамской и иной иностранной рабочей силы в экономику России. Первый — широкое применение тендеров, второй — использование временной рабочей силы на основе контрактов с иностранными организациями для работы в строительстве, сельском хозяйстве, лесозаготовках и других областях и, наконец, третий — расширение масштабов обучения китайцев и других иммигрантов в учебных заведениях России с целью дальнейшего их привлечения в российскую экономику. Все они давно используются, но их масштабы остаются незначительными.

Особенность первых двух форм использования временной рабочей силы заключается в том, что эти работники практически почти не связаны с местными китайскими, корейскими, вьетнамскими землячествами и после выполнения контракта они, как правило, должны покинуть территорию России. Иными словами, эти формы позволяют решать определенные экономические проблемы без увеличения численности иммигрантов. Пока потребности в такой рабочей силе являются сравнительно небольшими, однако по мере экономического роста ситуация изменится. Привлечение рабочей силы из других стран должно возрасти.

Представляется, что наиболее надежным способом создания эффективной иммиграции, то есть способной повлиять на изменение и экономической, и демографической ситуации, является максимальное расширение подготовки иностранцев, в том числе китайцев, в учебных заведениях России. Высокая стоимость образования в Китае и низкое его качество сформировали у населения четкие представления о желательности обучения молодежи за пределами страны. Поток китайской молодежи, отправляющейся на учебу в другие страны, увеличивается с каждым годом.

Россия могла бы более активно и масштабно участвовать в привлечении китайской молодежи в свои учебные заведения, развернув в Китае серьезную рекламную кампанию. Успех ее позволил бы решить, как минимум, две важные проблемы. Во-первых, увеличить доходы учебных заведений и предотвратить грядущую массовую безработицу профессоров и преподавателей в России, которая неминуема из-за сокращения численности молодежи. Во-вторых, подготовить выпускников средних и высших учебных заведений со знанием русского языка, специалистов, способных без дополнительной профессиональной подготовки приступить к работе в России. Всем желающим остаться в России должны быть предоставлены соответствующие права, вплоть до российского гражданства. Ясно, что для успеха дела необходима серьезная перестройка учебных заведений. В этой связи большой интерес представляет выяс-

нение настроений в среде китайских студентов, обучающихся в стране в настоящее время.

Для проверки перспектив данного пути привлечения иммигрантов нами был проведен опрос китайских студентов одного из крупнейших высших учебных заведений России. Некоторые итоги опроса заслуживают внимания, позволяя сделать более обстоятельную оценку перспектив подготовки специалистов для России из числа китайцев.

Таблица 3. Планы китайских студентов, обучающихся в России, после получения высшего образования

Получить гражданство РФ и жить в России	2,4
Иметь постоянный вид на жительство в России	7,3
Уехать в другую страну	41,5
Вернуться в Китай	48,8
Итого	100,0

Тот факт, что число желающих остаться в России после окончания учебного заведения как минимум в 4 раза меньше тех, чьи помыслы направлены на поиск путей переезда в другую страну, заслуживает анализа. Один из главных выводов: Россия в настоящее время, мягко говоря, не очень привлекает китайскую молодежь, вступающую в интеллигентную среду. Таков негативный результат знакомства студентов с российской реальностью. Не жаждет она и возвращения на родину. Россия, позволяющая за сравнительно небольшую плату получить высшее образование, рассматривается многими из них как трамплин для переезда в другие страны.

Однако, с течением времени важными для молодежи могут оказаться совсем иные факторы, которые пока, в силу возраста, отодвинуты «на второй план». Так, понятно, что подавляющее большинство студентов еще не успели создать семью. Семейные же люди явно предпочитают жить в России со своими близкими. Это обстоятельство в дальнейшем может существенно повлиять на решение о продолжительности пребывания в России. Причин тому много. Одна из них — отсутствие ограничений на рождение детей. Понять значение этого могут только те, кто лишен свободы в решении столь важного в семейной жизни вопроса.

Китайские студенты в Москве (или в данном учебном заведении) совсем не являются выходцами из бедных семей. Большая часть из них обучается за государственный счет. Тем не менее, они не могут не работать. Сочетание учебы с работой дает студентам возможность узнать разные стороны современной России.

Поиск заработков определяет неизбежность втягивания студентов в жизнь китайского землячества. Поскольку это самая грамотная его часть и — что очень важно — знающая русский язык, способная разобраться в российском законодательстве и ведомст-

венных порядках, на долю студентов выпадает и самая интеллектуальная работа. 19% принимают участие в деятельности общественных организаций в китайском землячестве. Они издают и распространяют газеты, трудятся в разного рода фирмах. Почти 36% имели связи с китайскими фирмами, специализирующимися на оказании услуг по организации бизнеса, в том числе более 21% — с фирмами, обеспечивающими перевод бизнеса в другие города. По сути, они становятся важными разработчиками и исполнителями многих схем, рассчитанных как на выполнение указаний, поступающих из Пекина, так и на обход установленных порядков.

Опрос студентов и изучение китайского землячества в Москве позволили установить, что, с логической точки зрения, расширение подготовки иностранцев, в данном случае — китайцев, для формирования необходимого России притока иммигрантов является разумным и экономически выгодным делом, но с практической, — трудно осуществимым. Реализация этой идеи связана с необходимостью комплекса мер, обеспечивающих не только повышение качества подготовки специалистов и, соответственно, престижа высших учебных заведений, но и изменение имиджа России. Огромное значение имеет создание условий для того, чтобы студенты — как россияне, так и иностранцы — имели возможность легального заработка. Эти условия могут быть только результатом значительного и стабильного экономического роста в стране, способного обеспечить повышение оплаты труда до уровня, устраняющего привлекательность «теневых» заработков.

Заключение

Итак, китайская стратегия «Идти вовне» в ближайшие годы, возможно, приведет к существенным переменам в иммиграционных процессах во всех более или менее развитых странах. Почти наверняка возникнет необходимость выработки дополнительных общих мер и норм, регулирующих международную иммиграцию и международный рынок труда. Их целесообразность и конкретное содержание призваны определить специальные исследования. Прекрасно, если их удастся организовать на совместных началах специалистами разных стран. В России, имеющей самую протяженную границу с КНР, такая работа особенно важна. Китайские землячества в силу их растущей роли в современной и еще больше в будущей социально-экономической жизни России должны стать одним из центральных объектов дальнейшего изучения китайской миграции.

Литература

1. Верлин Е. (2002) Черный нал и желтая опасность. Если Россия потеряет Дальний Восток, то виноваты будут китайцы // Эксперт, № 11, 18 марта 2002.
2. Гельбрас В.Г. (2001) Китайская реальность России. М.: ИД «Муравей».
3. Гельбрас В.Г. (2002) Китайские землячества в России // В кн.: Население России на рубеже XX–XXI веков: проблемы и перспективы. М.: МАКС Пресс.
4. Госкомстат (2001) Российский статистический ежегодник 2000. М.: Госкомстат России.
5. Госкомстат (2000) Численность и миграция населения Российской Федерации в 1999 году (Статистический бюллетень). М.:Госкомстат России.
6. Госкомстат (2001) Численность и миграция населения Российской Федерации в 2000 году (Статистический бюллетень). М.: Госкомстат России, Главный межрегиональный центр.
7. Нелегалы в столице. Москва с раскосыми глазами // Известия, 23 января 2002.
8. Удманцев В. (2002) Как ловить незаконных мигрантов // Независимая газета, 18 июня 2002.
9. Zhongguo tungji nianjian 1998 (Китайский Статистический Ежегодник, China Statistical Yearbook). Beijing: Zhongguo tungji chubanshe.
10. Zhongguo tungji nianjian 2001 (Китайский Статистический Ежегодник, China Statistical Yearbook). Beijing: Zhongguo tungji chubanshe.
11. Zhongguo jinji nianjian 1995 (Китайский Экономический Альманах, Almanac of China`s Economy). Beijing: Zhongguo jinji nianjian she.
12. Zhongguo jinji nianjian 1996 (Китайский Экономический Альманах, Almanac of China`s Economy). Beijing: Zhongguo jinji nianjian she.
13. «Zou chu qu» caifa zhanlue yui anle ianju / Li Gang zhupian. Beijing: Zhongguo dui vai jinji maoi chuban she, 2000 (Изучение стратегии и практики открытости «Идти вовне»).

**РОССИЯ В МИРОВЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКАХ:
ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ
ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ (1992 – 2001 гг.)**

Введение

В статье рассматриваются особенности международной миграции населения за последнее десятилетие, в ходе которого существенно изменились как масштабы, так и характер этой миграции в России. При этом анализ начинается с особенностей понятийного аппарата, имеющего в России (частично и в мире в целом) большие недоработки и разногласия. Дается краткий исторический обзор международной миграции в России, поскольку это явление не есть нечто совершенно новое для страны. Более того, многие современные проблемы, обусловленные миграцией населения, — это следствие миграции еще царского периода.

Анализируется современный этап в изучении миграции в России, его теоретические «неудачи», которые частично и породили мифы и заблуждения в отношении международной миграции в России в последнее десятилетие, что, в свою очередь, привело к банкротству миграционной политики в стране.

Особое внимание в статье уделено месту и роли России в современном международном миграционном круговороте с учетом такого феномена, как появление «ближнего зарубежья», миграция из которого становится основной компонентой в демографической динамике населения страны.

В заключении анализируются попытки государства по разработке эффективной миграционной политики, делаются предложения в этой области с учетом среднесрочных и долгосрочных перспектив международной миграции в России.

Проблемы понятийного аппарата, классификации и учета международной миграции населения в России

По-видимому, трудно назвать еще какое-либо экономическое или социально-демографическое явление, в отношении которого к началу XXI века сложилось столь много различных его определений и классификаций, как миграция.

Если раньше, как правило, можно было четко выделить два подхода: так называемое «узкое» понимание миграции как «переселение на новое место жительства» и «широкое» понимание миграции, охватывающее «все территориальные передвижения», то в настоящее время мы приходим к выводу, что термин «миграция» все

более приобретает некий универсальный собирательный характер, под которым авторы, употребляющие его, понимают иногда совершенно разные категории, связанные с территориальным движением на разных его стадиях. Для избежания разночтений термин «миграция» в научном анализе обязательно, на наш взгляд, требует уточняющего признака-прилагательного: сезонная, маятниковая, безвозвратная, временная, постоянная, экономическая, добровольная, вынужденная, легальная, нелегальная, экологическая, политическая, этническая, трудовая, челночная, учебная, туристическая и т.п.

Множественность же самих определений, зачастую смешивающих характерные признаки территориального движения в целом и собственно миграции, в частности, и соответственно или чрезмерно расширяющие это понятие, или ограничивающие его одним из «частных» признаков, а подчас отождествляющих миграцию с мобильностью, добровольную и нелегальную миграцию с вынужденной, трудовую с челночной, экономических мигрантов с беженцами и т.д., ведут зачастую к искажению сути этого явления.

Говоря о многообразии определений миграции населения, необходимо подчеркнуть, что оно в большей степени касается международной миграции населения, обладающей не только более емким содержанием различных категорий, не только внутривнутригосударственными особенностями их определения и учета, обусловленными часто относительно слабой их теоретической проработкой, но и рядом важных межгосударственных признаков (государственные границы и соответствующий государственный контроль за миграционными перемещениями через них, степенью открытости для внешнего мира, политикой на рынке труда, стремлением к интеграции или изоляции и др.). Как ни странно, но отдельных, самостоятельных определений международной миграции мы почти не находим в миграционной литературе. Например, даже в такой капитальной работе Э.П. Плетнева как «Международная миграция рабочей силы» (1962 г.), нет ее специального определения, как нет и во многих других отечественных и зарубежных работах (См. подробнее Ионцев, 1999. Гл. 1. С. 15–55.).

Международная миграция населения, на наш взгляд, представляет собой территориальные (пространственные) передвижения людей через государственные границы, связанные с изменением постоянного места жительства и гражданства, обусловленным различными факторами (экономическими, семейными, национальными, политическими и другими), или с пребыванием в стране въезда, имеющем долгосрочный (более 1 года), сезонный (менее 1 года) и маятниковый (ежедневный) характер, а также с циркулярными (или эпизодическими) поездками на работу, отдых, лечение и тому подобное. Главными отличительными признаками международной миграции населения по сравнению с внут-

ренной миграцией являются государственная граница, ее пересечение и соответствующий государственный контроль, как за фактом самого передвижения через границу (и в стране выезда, и особенно в стране въезда), так и за последующим пребыванием в стране въезда, особенно в связи с трудоустройством и поступлением на учебу или стажировку.

Данное расширенное определение международной миграции населения в наибольшей степени отвечает реалиям современного развития, которое именно и отличается многообразием видов и форм международной миграции и их взаимопереплетением (см. схему 1).

Можно подойти и с другой стороны для того, чтобы избежать излишней многословности, руководствоваться самым общим сущностным определением понятия международный мигрант, не раскрывая ни факторов, ни продолжительности отъезда. *Международный мигрант — это лицо, совершающее межгосударственное территориальное передвижение (международную миграцию) с целью смены места жительства, работы или других действий (учеба, отдых, бизнес и т.д.), навсегда или на определенный срок (от 1 дня до нескольких лет).*

Поиск путей достижения единого подхода к определению миграции и основных понятий, с ней связанных, принципиально важен. Расхождения в определении ведет к искажению масштабов самого явления. Так, использование таких терминов, как «иностранное население» и «иммигранты» в качестве основы для количественной характеристики международной миграции может приводить к совершенно различным выводам и в отношении численности международных мигрантов и ее динамики. Ведь численность иммигрантов может изменяться не только в результате новой миграции, но и за счет естественного прироста (увеличиваться) или за счет натурализации (уменьшаться). Не случайно в ряде стран (США, Канада, Австралия) для характеристики итоговой численности иммигрантов на какую-либо дату используется не категория «иностранное население», а «лица, родившиеся за границей».

Для того, чтобы статистический учет и анализ международной миграции отражали реально происходящие явления, необходимо учитывать, что сущность международной миграции меняется со временем, как и меняется структура ее потоков. Соответственно может и должно совершенствоваться ее определение и классификация. Если рекомендованное полвека назад Организацией Объединенных Наций исключение туристических поездок из статистики международной миграции было правомерно на тот момент, то сейчас сущность туристических поездок во многих регионах мира изменилась. Фактические цели лиц, въезжающих в ту или иную страну по туристической визе, могут отличаться от чисто рекреационных или познавательных. Часто под категорией



Схема 1. Общая классификация территориального движения населения.

«туристов» скрываются бизнес-мигранты, «челноки», незаконные трудовые мигранты и т.д. Например, подавляющее число российских «челноков» осуществляет свою коммерческую деятельность, используя туристические визы и тем самым учитываются в статистике как «туристы», хотя по сути являются «экономическими мигрантами». Не случайно появление и таких категорий, как «научные туристы», «учебные туристы» и др., представляющие собой эпизодическую миграцию.

Это дает основания для включения туристической миграции в общий анализ международной миграции населения. Соответственно, значительно меняется и численность международных мигрантов, которая, по нашим оценкам, в 2001 г. превысила 900 млн. человек!

Также неправомерно, на наш взгляд, принятое в большинстве стран исключение из числа международных мигрантов рабочих-фронтальеров. Кто это, как не трудящиеся-мигранты, которые «вступают в отношения найма своей рабочей силы в стране, гражданами которой они не являются», а именно это и есть определение сущности трудовой миграции?

Исключение упомянутых категорий из определения международной миграции и соответственно из статистики зачастую сильно искажает ее реальные масштабы, приводит к их недооценке.

Что касается понятий «эмигрант» и «иммигрант», то они хотя и ассоциируются исключительно с международной миграцией, но критерии их определения в разных странах остаются очень различными. Например, в Германии иммигрантами считаются «лица, которые пересекают границу с намерением устроиться в стране», в Японии — «национальные граждане и иностранцы, которые приезжают из-за границы», в России — «лица, въезжающие в страну на срок более 1 года», в США — «лица, въезжающие в страну безвозвратно, с целью постоянного в ней проживания с последующим получением американского гражданства» и т.д. и т.п. Большое исследование ООН середины 1970-х годов по проблемам унификации понятий «иммигрант» и «эмигрант» и выделения основных национальных критериев их определения, выявило семь таких критериев: три, базирующиеся на продолжительности пребывания в стране въезда, остальные — на целях въезда (UN Demographic Yearbook 1978, P. 70–78).

Наверное, не случайно в современных классификациях основных категорий международных мигрантов такие категории как «иммигранты» и «эмигранты» практически отсутствуют. На наш взгляд, под ними целесообразно понимать только тех мигрантов, кто въезжает в другую страну (выезжает из страны) на безвозвратной основе.

Хуже дело обстоит в России, где «игра» в термины и отсутствие полнокровного статистического учета приняли особый размах,

что явно не способствует пониманию современной международной миграции и выработке соответствующей миграционной политики. Например, в материалах МОТ за 1994 г. иностранное население в России составило более 27 млн. человек, то есть все нерусское население страны было зачислено в «иностранцы»! Что это, дефекты статистического учета или разное понимание категории «иностранное население»? Не меньшее удивление вызывают данные Госкомстата о числе прибывающих в Россию из стран дальнего зарубежья, в разных его изданиях варьирующие за один и тот же год от 400 чел. до 18 тыс. чел. И проблема уже не в научном споре о терминах. Это проблема реальной государственной политики в отношении иностранных граждан, приезжающих в Россию с разными целями и на разный срок. Это может быть и серьезной проблемой национальной политики, требующей очень осторожного обращения теми или иными терминами.

Особого внимания заслуживают вопросы статистики и учета международной миграции населения. Трудности исследования и сопоставления статистических данных по ней заключаются в частности, в том, что до сих пор, как мы писали выше, нет единства в определении многих основных понятий по международной миграции.

Определенные сложности обусловлены также значительной разнородностью источников данных о международной миграции, а также имеющимися в разных странах различными системами учета коренного и иностранного населения. Так, в России, как и во многих других странах, отсутствуют специальные регистры населения, в том числе и иностранного населения, позволяющие вести довольно строгий и полный учет как естественного, так и миграционного движения населения (см. Билсборроу и др., 1999). При этом в разных странах имеют место и различные подходы к учету международной миграции по отношению к иностранному населению и иностранной рабочей силы, к миграционным потокам, к ищущим убежище и др., которыми занимаются разные государственные структуры (в России это и МВД, и Госкомстат, и Федеральная пограничная служба).

При этом, начиная с 1996 г., в России была введена, по существу, новая система учета миграционного движения населения, в соответствии с которой вводятся, в частности, две категории регистрации мигрантов — «по месту жительства» (постоянная) и «месту пребывания» (временная). И особая путаница возникает в отношении мигрантов из стран «ближнего зарубежья», приравненных с 1997 года по многим позициям по существу к внутренним мигрантам, что лишь усложнило учет международных мигрантов. К тому же, как пишет О. Чудиновских, «согласно новым правилам, на временно зарегистрированных, не зависимо от фактического времени их проживания в данном регионе и количества повторных регистраций, не составляются листки статистического учета мигранта. Та-

ким образом, эти лица не попадают в поле зрения статистиков» (Чудиновских, 2001, С. 35).

Заметим, что, принятый в России в 2002 г. новый закон «О гражданстве» еще более усугубил проблемы учета (как и миграционной ситуации в целом) мигрантов из стран «ближнего зарубежья», требующих, с одной стороны, международного подхода к их определению, с другой стороны, учета тех миграционных связей, которые имели место в советский период.

Не имея возможности в краткой статье изложить полностью свои соображения по поводу определения и классификации международной миграции, ее статистики и учета, мы остановились лишь на некоторых спорных и наиболее принципиальных, на наш взгляд, вопросах, неопределенность которых препятствует научному анализу международной миграции (см. подробнее, например, Ионцев, 1999, гл. 1; Введение в демографию, 2002, гл. 12; Мкртчян, 2001. Гл. 5; Чудиновских, 2001).

Краткий исторический обзор международной миграции населения в России

Взгляд на международную миграцию в России с исторической точки зрения уместен в контексте данной статьи потому, что без знания прошлого часто очень сложно понять настоящее и соответственно говорить о будущем (более подробно об истории миграционного движения в России см., например, Ионцев, 1999, 2001; Рыбаковский, 1991; Кабузан, 1998.). Во многом тенденции международной миграции в России на рубеже XX и XXI веков, особенно ее этнические особенности, уходят своими корнями в историю.

При этом говорить об истории международной миграции в России можно в двух аспектах, поскольку помимо миграционного обмена с иностранными государствами Европы, Америки и других регионов мира, в России существовали многочисленные миграционные потоки в окраинные регионы Империи, а во времена Советского Союза — в союзные республики (также как и из них — к центру). После 1992 г. эти республики стали самостоятельными странами, а миграция между ними и Россией превратилась в межгосударственную. Причины масштабной миграции между Россией и странами так называемого ближнего (нового) зарубежья во многом кроются именно в прежних миграционных передвижениях населения, которые в те времена были формально внутривосточными миграциями.

Начало массовой международной миграции в России в ее современном понимании приходится на эпоху Петра Великого, когда в страну хлынул первый поток мигрантов. Осуществляемая по инициативе самого монарха политика привлечения иностранных специалистов, ученых, состоятельных деловых людей из Европы оказала заметное влияние на экономический прогресс России. Именно

в эпоху Петра I зарождается политика по привлечению «чужих умов», явление получившее в 60-е гг. XX века название «утечка умов». Во времена Екатерины II (вторая половина XVIII века) иммиграция приняла более массовый характер. Иностранцы привлекались для заселения пустующих земель Поволжья, для чего в 1763 г. была создана, по существу, первая в мире государственная служба по миграции «Канцелярия Опекунства Иностранных». Только немцев в Россию в эти годы переселилось более 300 тыс. чел.

В XIX веке численность немецкой общины продолжала пополняться как за счет миграции, так и за счет естественного прироста: по данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в стране насчитывалось 1,8 млн. лиц немецкой национальности (77% из них приходилось на крестьян).

На Дальнем Востоке во второй половине XIX века и начале XX века в значительных количествах селились корейцы и китайцы, бежавшие от голода, стихийных бедствий в своих странах. Особенно много корейцев переселилось в Россию после 1910 г., когда Япония аннексировала территорию Кореи. В 1915 г. на Дальнем Востоке насчитывалось более 60 тыс. корейских поселенцев, а к 1925 г. их численность достигла 150 тыс. чел., которые стремились в Россию на постоянное жительство и были нацелены на полную интеграцию в российское общество. В начале XX века доля иммигрантов в населении российского Дальнего Востока достигала 15%.

В целом чистая иммиграция в Россию с начала XIX века до 1916 г. составила чуть более 4 млн. чел., оказав значительное влияние на развитие некоторых регионов — Поволжья, Юга России, Дальнего Востока.

В советский период иммиграция в Советский Союз носила преимущественно политический характер. В первые годы советской власти в СССР въехали десятки тысяч иностранцев, истинно веривших в социалистическую идею. Прием их в советское гражданство был максимально упрощен. 1936–1939 гг. характеризуются приездом тысяч испанцев, бежавших от фашистского режима. В начале 1950-х гг. въехали более 120 тыс. армян из Сирии, Ирана, Греции. В 1960-е гг. в СССР от режима «черных полковников» в Греции бежали десятки тысяч греков. Впрочем, большая часть этих «политических иммигрантов» позднее, после установления в своих странах демократических режимов, вернулись на родину. В целом за годы советской власти чистая иммиграция в страну составила порядка 1 млн. чел.

Нельзя не отметить и трудовую миграцию, которая получает особое развитие в 1970-е гг. в рамках социалистического содружества. На начало 1990-х гг. в б. СССР численность иностранных рабочих из Вьетнама, Болгарии, Кубы и др. стран составила более 200 тыс. чел. (Ионцев, 1992).

В том, что касается эмиграции из России, то в период между началом XVIII века и второй половиной XIX века она была численно небольшой, уступая по своим масштабам иммиграции. Ситуация изменилась в конце XIX века, когда обезземеливание и разорение крестьянства, а также жесткая репрессивная политика в отношении национальных меньшинств привели к резкому росту эмиграции. За 1899–1913 гг. только в США из России эмигрировали 2,4 млн. чел. (41% из них — евреи, 29% — поляки, 9% — литовцы и латыши, 7% — финны и эстонцы, 7% — русские, 6% — немцы и др.). В это же время получила развитие трудовая миграция из России, причем этот относительно короткий отрезок времени, предшествовавший началу Первой мировой войны, является уникальным в миграционной истории России по масштабам временной трудовой миграции. Только в Германию в 1910–1913 гг. ежегодно прибывали на срок до 10,5 месяцев до 300 тыс. россиян, что составляло около 70% всех иностранных рабочих в германском сельском хозяйстве.

Это дает основание утверждать, что царская Россия на рубеже XIX и XX веков являлась активным участником мировых миграционных процессов, выступая, в частности, одним из основных поставщиков дешевой неквалифицированной рабочей силы как в западные европейские страны, так и за океан.

В советский период Россия пережила несколько волн эмиграции, обусловленной прежде всего политическими причинами и составившей в общей сложности 4,5 млн. чел. Наиболее драматичной для России потерей была первая советская волна эмиграции (1917–1925 гг.), обусловленная Первой мировой войной, февральской и октябрьской революциями, гражданской войной, когда страна потеряла значительную часть своего интеллектуального потенциала: профессоров, инженеров, военных специалистов, медиков, литераторов, музыкантов. Проживая на Западе, они и их потомки внесли значительный вклад в развитие мировой науки и искусства.

После 1925 г., когда, по существу, был воздвигнут «железный занавес», легальный выезд из СССР стал практически невозможен, эмиграция стала объектом идеологического преследования. Тем не менее, за период 1926–1938 гг. из СССР выехали, по некоторым оценкам, до 250 тыс. чел. Особым периодом является Вторая мировая война, когда в результате принудительной миграции за пределами СССР оказались 4,2 млн. советских граждан (2,7 млн. гражданских лиц и 1,5 млн. военнопленных). Из них не пожелали возвратиться в СССР около 620 тыс. чел.

1970-е гг. были отмечены появлением потока эмигрантов, выезжавших по израильской визе. Всего за 1971–1986 гг. из СССР эмигрировали примерно 360 тыс. чел., 80% из которых были лица еврейской национальности, направлявшиеся не только в Израиль, но также в США или Канаду, где они автоматически получали статус беженцев.

Итак, самый краткий обзор истории миграционного обмена России с другими государствами позволяет утверждать, что на протяжении веков Россия была активным участником мировых миграционных потоков, участвуя в разных видах — возвратной и безвозвратной — и разных формах — добровольной, вынужденной, нелегальной — миграции, существовавших в мире и обусловленных, главным образом, экономическими и политическими причинами.

Особого разговора заслуживает история миграции между Россией и нынешними соседними с ней странами ближнего зарубежья. Еще десятилетие назад эти государства составляли территорию единой страны — Советского Союза, а ранее — Российской Империи. Поскольку страна имела федеральную структуру, можно говорить о миграции между Россией и другими союзными республиками (в досоветский период — входивших в состав Российской Империи). Для России эту миграцию мы понимаем как «внешнюю»¹, что в данном контексте не является синонимом межгосударственной миграции (см. схему 1).

Важнейшей чертой миграционных потоков в этом регионе с начала XVIII века до 70-х гг. XX века было продолжительное сохранение центробежных тенденций движения населения из центра России на колонизируемые окраины. За досоветский период 1796–1916 гг. из европейских районов России на ее окраины переселилось в целом 12,6 млн. чел., в том числе в районы, образующие ныне государства нового зарубежья, — 7 млн. чел, из которых 80% составили русские (Народонаселение, 1994; Кабузан, 1996). В советский период центробежные тенденции миграционных потоков сохранились, но помимо них появились и центростремительные тенденции, которые со второй половины 1970-х гг. привели к «перемене знака» миграционного сальдо России с бывшими союзными республиками и смене направления вектора межреспубликанских миграций на Россию. Впрочем, в целом за советский период отрицательное сальдо чистой миграции России с республиками б. СССР составило порядка 4 млн. чел.

Характерной чертой межреспубликанской миграции в советский период было появление многообразных форм миграционных потоков, начиная с «плановой» и заканчивая «вынужденной» миграцией. Доминирующей была экономическая «добровольно-принудительная» миграция, когда с помощью российских (чаще всего русских) граждан обеспечивалось поднятие целины в Казах-

¹ В данном контексте понятие «внешняя» миграция соответствует этносоциологическому подходу в изучении миграции, согласно которому считается, что «в качестве внешних могут рассматриваться и миграции за пределы территории компактного расселения данного этноса, независимо от того, пересекаются при этом административно-территориальные или государственные границы или нет» (Арутюнян и др., 1998, С.87).

стане, строительство и эксплуатация промышленных объектов в Прибалтике, Закавказье, развитие ткацкого, алюминиевого и др. производств в Средней Азии. Кроме того, насильная депортация в 1930–1940-е гг. корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию, немцев из Поволжья в Казахстан, татар, чеченцев, ингушей и других народов из мест своего традиционного проживания оказало большое влияние на миграционные процессы в последующий период.

Примерно с конца 1960-х гг. начинают формироваться миграционные потоки русского населения из Грузии, Азербайджана, а следом за ними и других республик, носящие чисто этнический характер. Это было связано с постепенным вытеснением русских из сфер управления, услуг, науки и т.д. кадрами коренных национальностей, подготовленных к тому времени как в самих республиках, так и в университетах России. К концу 1970-х гг. центростремительные миграционные потоки в Россию становятся определяющими. Практически со всеми союзными республиками, куда прежде мигрировал основной поток переселенцев из России, сальдо миграции стало положительным. Так, за 1979–1988 гг. только из Казахстана в Россию переехало около 700 тыс. чел, из республик Средней Азии — около 800 тыс. чел. При этом нельзя не отметить, что помимо оттока русского населения во многих республиках в 1980-х гг. начался отток и титульных, коренных национальностей. Главными регионами эмиграции коренных жителей стали Закавказье, Средняя Азия, Молдавия. Эти миграционные потоки направлялись в основном в Россию, а также в Украину и Прибалтику (см. табл. 1–2)

Таблица 1. Нетто-миграция между Россией и бывшими союзными республиками СССР, 1989–1991 гг., тыс. чел.

Страны	1989	1990	1991	1989–1991
Украина	2,1	-4,2	-66,1	-68,2
Белоруссия	-4,6	23,3	-4,7	14
Молдавия	2,0	0,9	2,5	5,4
Литва	1,1	5,0	4,4	10,5
Латвия	2,5	3,9	5,8	12,2
Эстония	0,6	3,3	4,2	8,1
Грузия	10,8	14,5	28,7	54
Азербайджан	37,7	52,0	20,7	110,4
Армения	8,6	1,4	4,1	14,1
Узбекистан	41,6	65,9	35,9	143,4
Киргизия	5,0	21,2	17,7	43,9
Таджикистан	6,7	40,3	17,6	64,6
Туркмения	4,6	5,1	4,5	14,2
Казахстан	43,9	54,5	29,6	128
Всего	162,6	287,3	104,9	554,8

Источник: Население России на рубеже XX–XXI веков: проблемы и перспективы / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М., 2002. С. 255.

Таблица 2. Нетто–миграция между Россией и бывшими союзными республиками СССР, 1992–2002 гг., тыс. чел.

Страны	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	1992-2002
Украина	-110,0	17,3	139,0	89,0	87,1	68,7	54,6	22,4	39,1	12,5	16,2	435,9
Белоруссия	-21,3	-11,4	15,6	10,1	2,4	-1,5	-5,3	-7,6	-3,0	-4,7	-2,0	-28,7
Молдавия	9,9	4,5	12,0	10,4	11,0	7,9	6,0	4,8	9,4	5,9	6,2	88,0
Грузия	46,2	65,0	62,2	43,7	34,5	21,7	18,1	17,1	18,4	8,3	6,2	341,4
Азербайджан	50,7	43,1	43,4	37,8	35,4	25,5	18,3	12,0	11,7	3,4	3,9	285,2
Армения	12,0	27,9	44,6	31,3	22,4	16,4	14,4	12,4	14,4	4,5	5,7	206,0
Узбекистан	86,4	70,6	135,4	97,1	36,6	31,7	36,6	36,6	37,7	22,9	23,5	615,1
Киргизия	49,8	86,7	56,5	18,3	10,4	7,4	5,7	6,7	13,7	9,4	12,1	276,7
Таджикистан	66,7	62,9	41,9	38,5	29,9	20,7	16,4	10,3	9,9	5,8	5,1	308,1
Туркмения	12,0	6,8	17,4	17,2	21,4	15,2	9,0	6,8	6,1	4,1	4,3	120,3
Казахстан	96,6	126,9	304,5	191,0	134,5	207,8	183,2	113,5	107,0	50,0	41,8	1556,8
Литва	11,7	17,0	6,9	2,8	18	0,6	0,6	0,3	0,6	0,5	0,4	59,4
Латвия	23,2	23,7	25,0	13,7	7,4	5,1	3,0	1,5	1,4	1,0	0,7	105,7
Эстония	21,8	12,8	10,2	7,7	5,0	2,9	1,2	0,3	0,4	0,1	0,2	62,6
Всего	355,7	553,8	914,6	608,6	439,8	430,1	361,8	237,0	266,8	123,7	124,3	4416,2

Источник: Население России на рубеже XX–XXI веков: проблемы и перспективы / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М.: МАКС Пресс, 2002. С. 257.

Таким образом, Россия, в течение более трех столетий «отдававшая» своих граждан, стала их «собирателем». Эти процессы усилились в 1990-е гг., приобретая во многих случаях конфликтный характер обострившихся межнациональных отношений, что привело к появлению массовых потоков вынужденных мигрантов, что, в свою очередь, способствовало распространению одного из заблуждений о том, что международная миграция в России в 1990-е годы в определяющей мере имела в основном «вынужденный» характер.

Современный этап в изучении международной миграции населения в России

Давая краткий исторический обзор международной миграции в России, нельзя не сказать и о том, что ее научное изучение также имеет большую историю.

При этом мы придерживаемся мнения, которое высказал в начале XX столетия известный российский экономист, профессор Московского университета А.И. Чупров о становлении новых научных теорий или концепций: «Если разобрать любую новую теорию, то окажется, что при постройке нового научного здания на долю строителя редко приходится что-то большее, чем приведение в новый порядок и новые сочетания уже готовых материалов. Воззрения людей не слагаются сразу; они обыкновенно составляют результат работы длинного ряда поколений; новые воззрения являются по большей части или продолжением прежних, или оппозицией им, или компромиссом. Во всяком из этих случаев новая теория носит черты предшествующих.

Особенно важно считаться с исторической преемственностью идей в общественных науках...» (Чупров, 1911, С. 1–2).

И первый кирпич в «фундамент российского научного здания» о миграции был заложен нашим великим соотечественником М.В. Ломоносовым в его историческом труде «Древняя Российская история от начала российского народа ... до 1074 года» (1758 г.) и в небольшой по объему, но очень емкой по содержанию работе «О сохранении и размножении российского народа» (1761 г.). Ломоносов рассмотрел роль переселений славянских племен в формировании Российского государства, вскрыл основные причины международной миграции в России (характерные, кстати, и для многих других стран), а также дал конкретные предложения по ее эффективному регулированию. Так, М.В. Ломоносов первым обратил внимание на то, что строгими административными мерами решить проблемы эмиграции нельзя, или, как он сам писал, ее «силою запретить совершенно невозможно» (Ломоносов, 1986, С. 143). При этом самих эмигрантов он образно назвал «живыми покойниками», представляющими собой, наряду с «болезнями, несчастиями и убийствами», «потерю российского народа».

Восполнить же данную потерю М.В.Ломоносов предлагал, в частности, за счет привлечения иностранных граждан, добавляя, что «ежели к тому употреблены будут пристойные меры» (Ломоносов, 1986, С. 144).

Хотелось бы подчеркнуть, что М.В. Ломоносов фактически одним из первых обозначил международную миграцию как демографический процесс, предложив две пары демографических процессов: «эмиграция — смертность» и «иммиграция — рождаемость», противоположно воздействующих на рост и развитие населения. Данный подход получает развитие лишь в XX столетии в работах Птухи, Зелинского, Бувьера и других.

Но особый размах изучение международной миграции в России приобретает во второй половине XIX века и в начале XX века в работах Н.А. Бородина, К.Г. Воблого, А.А. Кауфмана, А. Велицына, А. Исаева и др.² При этом большая полемика разворачивается вокруг так называемой «желтой опасности», которая не менее остро возобновилась в 1990-е годы.

Хочется сразу подчеркнуть, что в изучении и объяснении китайской миграции сделан в эти годы наиболее значительный шаг, прежде всего в работах В. Гельбраса и В. Дятлова.

Вообще надо заметить, что в последнее десятилетие прошлого столетия и в начале XXI века в России появилось довольно много работ по международной миграции (по сравнению с советским периодом). Это более тысячи статей, сотни научных докладов, десятки монографий и научных сборников, но, к сожалению, в большинстве своем они имеют описательный характер и в них отсутствуют какие-либо серьезные теоретические наработки. Например, можно насчитать более десятка работ по трудовой миграции, но ни одна из них не дотягивает до уровня работы Э.П. Плетнева (Плетнев, 1962), в которой не только объясняются взаимосвязи международной миграции рабочей силы с движением капитала и товаров, но и разрабатывается концепция «мирового рынка труда».

Очень много исследований и, соответственно, статей и монографий было посвящено вынужденной миграции в России, но значительного теоретического шага, к сожалению, также не было сделано (много эмоций, но мало теоретического понимания и конкретных выводов). В определенном смысле это же можно сказать и о нелегальной иммиграции. Лучше обстоит дело в отношении анализа «утечки умов» и, в первую очередь, благодаря исследованиям и работам И. Ушкалова, И. Малахи (1999, 1999а), О. Иконникова (1993).

Заслуживают внимания и разработки отечественных ученых в области математического моделирования (хотя надо признать, что

² См., например, Велицын А. А. Немцы в России. С.-Пб., 1893; Воблый К.Г. За-атлантическая эмиграция, ее причины и следствие. Варшава, 1904; Кауфман А.А. Переселение и колонизация. С.-Пб., 1905.

на Западе в этой области сделан более значительный шаг) и прежде всего в работах М. Денисенко, С. Соболевой, О. Староверова и др. Например, очень интересную идею в 1993 г. предложил О.В. Староверов по объединению микро- и макроподходов в исследовании миграции населения.

В определенной мере можно выделить и отдельные исследования в области миграции, проводившиеся в последнее десятилетие под руководством Г. Витковской, М. Денисенко, Ж. Зайончковской, А. Каменского, Е. Красинца, И. Малахи, Л. Рыбаковского, А. Топилина, Е. Тюрюкановой, О. Чудиновских, отдельные работы которых представлены в библиографии статьи.

Значительное историческое полотно, включающее многовековое развитие населения России, в том числе обусловленное международной миграцией, раскрывается в работах В. Кабузана (1996, 1998). В них, в частности, мы находим подтверждение тому, что история России во многом определялась миграционными процессами и что исторический подход к их анализу позволяет глубже понять день сегодняшний.

Наконец, нельзя не отметить классификацию научных подходов к изучению миграции населения В. Ионцева (1999). Данная классификация включает 17 научных подходов (экономический, социологический, демографический, миграционный, географический, системный, типологический, методологический и др.), содержащих более 45 научных направлений, теорий и концепций. При этом заметим, что данная классификация, которая построена на 8 позициях (научный подход, теория, основные авторы, тип миграции, вид миграции, уровень анализа, объект исследования, краткая характеристика тех или иных теорий), продолжает совершенствоваться и пополняться. Например, добавлены «экономическая теория миграции» М. Тодаро, «теория общественного капитала» Д. Массея и др.

Заметим, что согласно данной классификации ведущую позицию в изучении и объяснении миграции населения занимает экономический подход. Но особый интерес представляет собственно миграционный подход, в котором можно выделить концепцию «мобильного перехода» В. Зелинского, концепцию «трехстадийности миграционного процесса» Т. Заславской и Л. Рыбаковского, «миграциологию» Б. Хорева, В. Ионцева и М. Денисенко. В последнем случае речь идет, по существу, о формировании самостоятельной науки о миграции, что перекликается с идеями В. Зелинского, Д. Массея, Л. Рыбаковского и др.

И тем не менее, несмотря на столь большое число исследований и работ по международной миграции, в 90-е годы прошлого столетия существенного теоретического прорыва в объяснении современных закономерностей международной миграции в России не произошло. Отчасти это, видимо, объясняется тем, что идет накоп-

ление эмпирического материала и «количество» не перешло пока «в качество», отчасти сохраняющимся непониманием особенностей появления такого феномена, как «ближнее зарубежье».

Именно слабое теоретическое объяснение современных особенностей международной миграции населения в России и породило, в частности, «мифы» о нынешней миграционной ситуации в стране, которые не только продолжают иметь место, но и приобрели некий официальный характер в России³.

Более того, исторические особенности длительного существования России в относительной миграционной изоляции от внешнего мира в советский период и концентрация внимания исследователей в то время на процессах внутренней миграции в стране, на изучении возможностей воздействия на нее с целью обеспечения более рационального расселения населения по территории СССР и достижения ускорения экономического развития — все это стало невольной причиной того, что когда в 1990-х гг. Россия оказалась вовлеченной в многочисленные потоки международной миграции, формирование новых подходов к изучению этих потоков натолкнулось на устойчивость прежних взглядов.

Тем не менее, несмотря на то, что современная международная миграция в России имеет определенные особенности, связанные в частности, с появлением так называемого нового зарубежья, она в то же время во все большей степени начинает соответствовать мировым закономерностям, определяющим это явление. Возникновение государственных границ между бывшими союзными республиками, несмотря на их «прозрачность» в первое время, потребовало осознания и объяснения миграционных потоков с точки зрения закономерностей, присущих международной миграции. Непонимание этого фактически привело к провалу попыток государства регулировать миграционные процессы, непоследовательности позиции правительства по отношению как к вынужденным потокам этнических русских, желающих въехать на территорию России, так и к другим формам современной миграции, в частности, экономической.

Миф первый связан с «отождествлением» прежних межреспубликанских миграций между Россией и союзными республиками с межгосударственными миграциями между ними после распада СССР. Отсюда — неверные подходы к разработке миграционной политики и выделению в ней соответствующих приоритетов, как и неверные выводы о том, что «межгосударственные миграции на постсоветском пространстве замирают» (Зайончковская, 2000). Та-

³ См., например, *Отчет о развитии человеческого потенциала Российской Федерации в 1999 г.* / Под ред. Ю.Федорова. Москва, ПРООН, 1999; Зайончковская Ж. Раздел «Миграционная политика» // В кн.: Проект Программы развития России до 2010 г. М.: Центр стратегических исследований, 2000; *Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации (Проект)*. Москва, 2002.

кие выводы базируются обычно или на сопоставлении с масштабами бывшей внутренней миграции в СССР (а ведь известно, что внутренняя миграция практически всегда и особенно если речь идет о крупных странах, больше, чем международная) или на таком показателе, как сальдо безвозвратной миграции. Если иметь в виду только переселения, действительно их сальдо снизилось с 880 тыс. чел. в 1994 г. до 72 тыс. чел. в 2001 г. Однако, если говорить о всех миграционных потоках (включая и переселения), то нельзя не признать, что валовая международная миграция россиян и иностранцев возросла с 1987 г. по 2001 г. почти в 7 раз, превысив 40 млн. чел. (см. диаграмму 1 и табл. 3).



Источник: построено по данным Госкомстата РФ.

Миф второй заключается в том, что современную международную миграцию в России составляет репатриация русских, причем часто под последними понимается все русскоязычное население бывших союзных республик. Репатрианты ассоциируются с вынужденными мигрантами, что далеко не всегда верно. Признавая всю остроту проблем, связанных с вынужденной миграцией (если рассматривать процесс шире), заметим, однако, что, по нашему мнению, не она, а экономическая миграция во все большей степени становится преобладающей в миграционных процессах в России, что, кстати, характерно и для современных тенденций международной миграции в мире вообще. Досадно, что все разрозненные действия государственных структур, «отвечающих» за миграцию в России, так и не сложившись в стратегически выверенную миграционную политику, были связаны в основном с вынужденной миграцией, что, надо сказать, не сильно защитило права вынужденных переселенцев и помогло решению их проблем.

Впрочем, в последний год, с передачей функций регулирования миграционных процессов в ведение Министерства внутренних дел, все внимание «вдруг» стало вращаться вокруг нелегальной миграции при том, что все остальные формы миграционного движения

Таблица 3. Миграция российских и иностранных граждан в России по целям поездок (без стран СНГ, тыс. чел.)⁴

Цель поездки	годы									
	1990	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Выезд российских граждан за рубеж	4202	8589	9244	8506	7887	9396	8510	8494	9881	10461
в том числе:										
на ПМЖ	104	114	105	110	99	85	80	85	62	59
Служебная	1082	2759	2283	1696	1600	1539	1415	1480	1611	1951
Туризм	1200	1577	2522	2555	3422	4084	3251	2580	4252	3972
Частная	720	2965	3024	2925	1448	2397	2522	2885	2867	3172
другие*	1096	1174	1310	1220	1318	1291	1242	1464	1089	1307
Въезд иностранных граждан в Россию	3098	5386	3315	5313	5498	6493	6285	7105	7419	7086
в том числе:										
на ПМЖ	1,2	2,4	3,3	2,4	2,4	3,6	3,2	2,9	9,0	7,2
Служебная	1094	2204	1267	2186	2274	1972	1876	1823	1997	1960
Туризм	1080	1543	915	1787	1716	2290	1904	1924	2215	2052
Частная	295	836	412	544	721	1139	1453	2265	2239	2059
другие**	628	801	718	794	785	1088	1049	1090	959	1008
Всего	7300	13975	12559	13819	13385	15889	14795	15599	17300	17547

*обслуживающий персонал транспортных средств (моряки, летчики и др.)

**транзитные мигранты и обслуживающий персонал транспортных средств (в 1997-2000 гг., напр., транзитники составили соответственно 128, 119, 73 и 90 тыс. человек.

Источник: Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999. С. 207; Россия в цифрах, 2001. Российский статистический ежегодник 2002. М.: Госкомстат, 2002. С. 268.

⁴ Заметим, что нередко наблюдается несоответствие как между данными различных российских ведомств (так, например, по данным Федеральной пограничной службы России в 2002 г. в Россию въехало 2259 тыс. иностранных туристов, тогда как по данным Госкомстата РФ — 2527 тыс. чел.), так и между некоторыми статистическими публикациями Госкомстата.

опять остались «за бортом». Собственно, в этом заключается третий миф, который стал складываться в мире, в том числе в России, после трагических событий 11 сентября 2001 г. в США⁵. Вся многообразная миграция стала преимущественно рассматриваться через призму нелегальной иммиграции, а последняя — сугубо как миграция террористов и уголовников. Это может стать очень опасным заблуждением, направленным в конечном счете на ужесточение мер миграционной политики, что в свою очередь приведет лишь к увеличению масштабов нелегальной миграции, как это всегда случается там, где легальные пути въезда перекрывают. Следует понимать, что в подавляющем большинстве случаев целью нелегальных мигрантов является трудоустройство в стране въезда, т.е. по своей сути нелегальная миграция представляет собой явление экономическое, требующее не столько запретительных, сколько регулирующих мер, направленных на легализацию самого процесса.

И еще одна из серьезных проблем, миф в отношении которой также хотелось бы обозначить и полемика по которой в настоящее время приобрела самый острый характер, заключается в явном преувеличении роли международной миграции в преодолении современного демографического кризиса в России. Некоторыми исследователями приводятся примеры опять же из советского прошлого, когда с помощью мер миграционной политики удавалось успешно преодолевать проблемы депопуляции в отдельных регионах. Острота демографического кризиса требует действительно серьезного внимания, и этому вопросу, как и упомянутому мифу, будет посвящен отдельный раздел настоящей статьи.

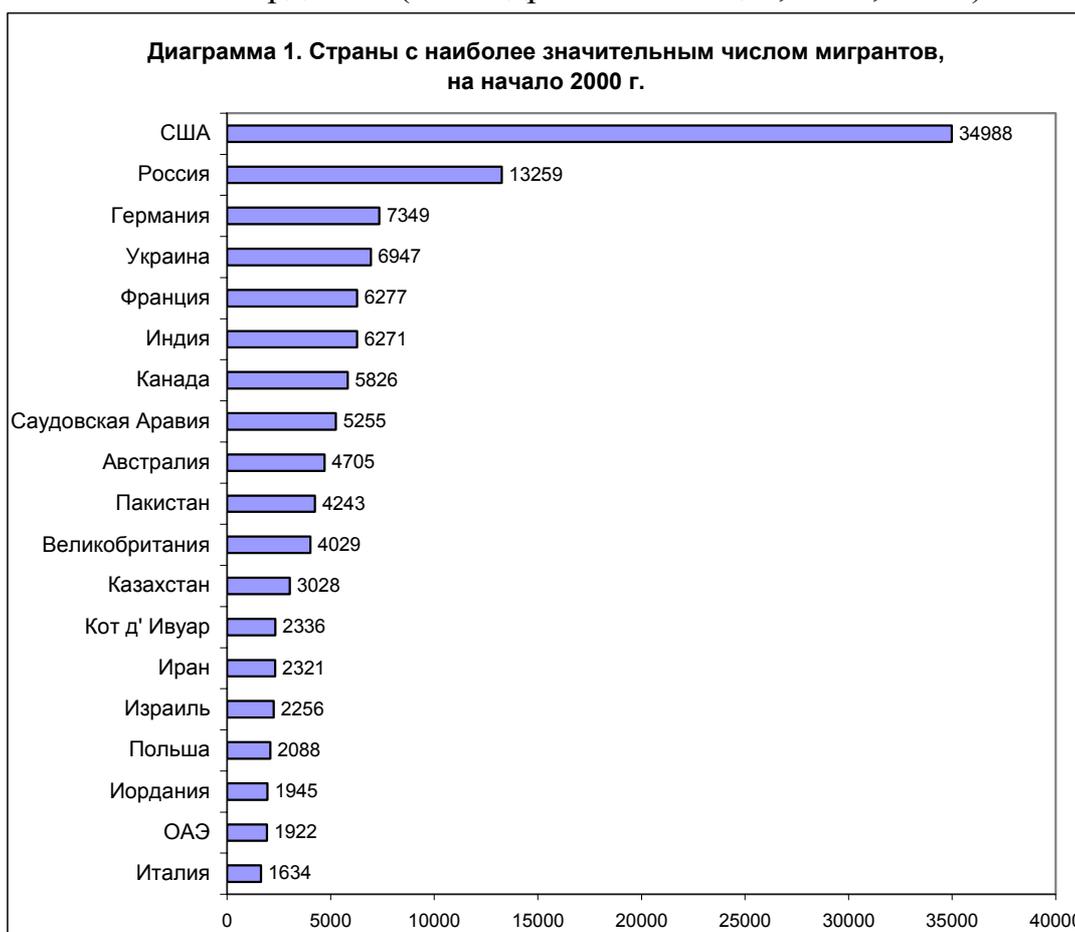
Современные закономерности международной миграции населения и место России

Последние десятилетия минувшего века характеризовались формированием целого ряда закономерностей международной миграции населения, что означает по существу качественно новый этап в миграционной истории современности. Важнейшие из этих закономерностей следующие:

- **Глобализация международной миграции** обуславливается, во-первых, вовлечением в орбиту мировых миграций практически всех стран мира (особенно после включения в естественное мировое миграционное движение огромного, прежде изолированного от остального мира региона, охватывающего государства бывшего СССР, Восточной и Центральной Европы), а с другой стороны — беспрецедентными масштабами международной миграции и формированием своеобразной «нации мигрантов» числом более 174 млн. человек (эта цифра, обнародованная в 2002 г. Организа-

⁵ См., подробнее, например, о мировой полемике по вопросам миграционной политики после событий 11 сентября 2001 года в «International Migration Review».

ей Объединенных Наций, основана на статистике лиц, родившихся за рубежом, а также беженцев, находящихся под юрисдикцией УВКБ ООН), что более чем в 3 раза превышает численность «классических» мигрантов в 1950-е гг. Заметим, что в эти цифры не включены международные туристы, численность которых в 2001 г. превысила 650 млн. человек против 69 млн. человек в 1960 г., а также долгосрочные, сезонные, маятниковые и эпизодические мигранты. Таким образом, общая численность лиц, в той или иной форме вовлеченных в международные миграции, в зависимости от оценки нелегальных мигрантов с большой долей вероятности приблизилась к 1 млрд. чел. (см. подробнее: Ионцев, 2001, С. 20).



Построено по: *International Migration 2002. New York, UN, 2002.*

В диаграмме 2, построенной на основании данных ООН, обращает на себя внимание вторая позиция России. Используемые ООН данные по категории «лица, родившиеся за рубежом», несколько отличаются от российской национальной статистики. По российским данным за 1992–2001 гг. в России официально было зарегистрировано 6,5 млн. чел., въехавших в нее на постоянное место жительства, 1,2 млн. беженцев, а также, по оценкам экспертов, около 3 млн. «мигрантов без статуса»⁶, т.е. в целом примерно 10,7 млн.

⁶ «Мигранты без статуса» в России — это не нелегальные иммигранты. Эта категория мигрантов возникла как результат «прозрачных» границ между быв-

чел., что также позволяет вывести Россию на второе место в мире по числу мигрантов.

- **Качественные изменения структуры международной миграции населения** связаны прежде всего с увеличением среди мигрирующих доли лиц с высоким уровнем образования и профессиональной квалификации. Данная тенденция несет в себе одну из самых, возможно, болезненных проблем, получившую образное выражение «утечка умов», т.е. безвозвратная миграция высококвалифицированных специалистов (ученые, инженеры, врачи и др.), включая потенциальных специалистов (студентов, аспирантов, стажеров), в отношении которых, проводится целенаправленная политика по их привлечению со стороны развитых стран иммиграции, прежде всего США.

Надо заметить, что в отечественной и зарубежной литературе нет однозначного подхода к определению самого понятия «утечка умов» и определения тех факторов и причин, которые обуславливают это, по сути, очень негативное для стран эмиграции явление. Его зачастую путают с временной межгосударственной интеллектуальной миграцией, с внутренним оттоком специалистов из научной и образовательной сферы в бизнес, промышленное производство и другие отрасли народного хозяйства, а в западной литературе «утечку умов» настойчиво пытаются представить как взаимовыгодный процесс для всех участвующих стран.

Вместе с тем, по оценкам ООН, только финансовые потери развивающихся стран от «утечки умов» за последние 30 лет превысили 60 млрд. долл. В 1990-е гг. активными поставщиками «умов» становятся страны СНГ, Балтии и Восточной Европы. Есть оценки зарубежных и отечественных экспертов, свидетельствующие о том, что только Россия ежегодно теряет от «утечки умов» до 50 млрд. долл., принимая во внимание так называемые потенциальные потери (Ушкалов, Малаха, 1999, С. 86)⁷.

- **Определяющее значение экономической, прежде всего трудовой миграции** имеет характер наиболее длительной и устойчивой тенденции международной миграции, которая получила значительный стимул развития со становлением капиталистических отношений и превращением рабочей силы в товар.

С точки зрения глобализации мирового хозяйства наиболее важным является становление мирового рынка труда, который находит выражение в экспорте и импорте иностранной рабочей силы, достигших в настоящее время небывалых масштабов. Достаточно

шими советскими республиками, когда люди, приезжавшие в Россию в начале 1990-х гг., оставались там жить и работать, однако, из-за несовершенства законодательства не могут до сих пор получить российское гражданство.

⁷ Более подробный анализ «утечки умов» в России представлен в статье И. Малахи в настоящем сборнике.

сказать, что в 2001 г. численность трудящихся-мигрантов оценивалась в более чем 40 млн. чел. (вместе с членами семей эта цифра возрастает до 120 млн.!) против 3,2 млн. в 1960 г.

В глобальных потоках трудовой миграции Россия выступает и как принимающая страна, и как страна-донор. В течение последнего десятилетия в Россию въехали более 1,8 млн. легальных трудовых мигрантов, в то время как около 1 млн. россиян работают в других странах. Кроме того, в 1990-х гг. Россия была источником миллионов «челночных» мигрантов, которые по своей сути являются не чем иным как международными экономическими мигрантами.

- **Неуклонный рост нелегальной иммиграции** тесно связан с процессом глобализации. Хотя среди нелегальных иммигрантов можно встретить и лиц, ищущих убежище, и различного рода террористов и других злоумышленников, вместе с тем, по своей сути нелегальная иммиграция имеет ярко выраженный трудовой характер.

При этом мигранты могут въехать в другую страну как легально (в качестве туристов, по приглашениям и т.п.), так и нелегально (по поддельным документам, незаконно пересекая границу и т.д.). Но и в том и другом случае цель одна — нелегально трудоустроиться. Оценить реальные масштабы нелегальной иммиграции практически невозможно. Различные косвенные методы позволяют дать лишь приблизительные оценки, которые могут значительно расходиться. Так, в США число нелегальных иммигрантов оценивается от 2 до 15 млн., в Европе от 1,3 до 5 млн., в Японии от 300 тыс. до 1 млн. человек в России — от 400 тыс. до 7 млн. чел.

Рост нелегальной иммиграции объясняется различными факторами. Например, если говорить о России и государствах ближнего зарубежья, то это более прочное экономическое положение России, чем других странах СНГ, «прозрачные» российские границы, существование обширных ниш теневой занятости, отсутствие сформировавшегося национального рынка труда и др. И все же самая главная причина увеличения масштабов нелегальной миграции состоит в том, что трудящиеся-мигранты, работающие нелегально, представляют для предпринимателей самую дешевую и бесправную рабочую силу, что является огромным стимулом к найму таких рабочих, несмотря на принятые в последние годы во многих странах иммиграции законы, запрещающие использование нелегального труда.

Более того, как ни парадоксально, нелегальные иммигранты выгодны не только для отдельных предпринимателей, но и для государства в целом, поскольку представляют собой «чистых налогоплательщиков», выплачивающих в большинстве случаев различные налоги, но очень редко получающих какие-либо социальные пособия и льготы.

Таким образом, проблема незаконной миграции не будет и не может быть решена до тех пор, пока на рынках труда стран назна-

чения продолжают существовать ниши для незаконного трудоустройства, сохраняется заинтересованность работодателей (и государства!) в существовании дешевой и бесправной иностранной рабочей силы, обеспечивающей снижение издержек производства, конкурентоспособность товаров, «экономия» на сфере социальной защиты. С другой стороны, экономическая ситуация в странах исхода незаконных мигрантов остается постоянно действующим выталкивающим фактором.

Нелегальная иммиграция в России с конца 1980-х и особенно в 1990-е гг. приобретает все большие масштабы. И если в начале она представляла из себя в основном транзитный характер (т.е. Россию рассматривали как некий «перевалочный пункт» в Западную Европу, США и другие развитые страны), то в последние годы наряду с увеличением ее масштабов она все больше меняет свою структуру, Доминирующей становится нелегальная миграция отчетливо трудового характера, и связано это, в первую очередь, со странами ближнего зарубежья.

• **Рост масштабов и расширение географии вынужденной миграции** (беженцев, лиц, ищущих убежище, перемещенных лиц и др.) является результатом сохраняющихся и вновь возникающих очагов политической напряженности, войн, этнических конфликтов, экологических катастроф. В течение последнего десятилетия XX века число вынужденных мигрантов, подпадающих под юрисдикцию УВКБ ООН (всего 27,3 млн. чел в 1995 г.) возросло в полтора раза в Азии, в четыре раза в Африке, в десять (!) раз в Европе.

В Европе распад Югославии, затянувшийся конфликт между сербами и албанцами, этнические «чистки» в Косово, военная операция НАТО в Югославии привели в движение огромные волны вынужденных миграций. Беженцы, прибывавшие из зон гражданских войн и этнических конфликтов в Афганистане, Руанде, Турции, Шри-Ланке, Сомали, а также СНГ и государствах Балтии дополнили картину. Европа не знала подобных вынужденных переселений со времен второй мировой войны: за период 1989–2000 гг. европейские страны приняли в общей сложности около 5 млн. вынужденных мигрантов (Рязанцев, 2001, С. 62).

Для России проблема вынужденной миграции стала по-настоящему острой в начале 1990-х гг. После распада СССР Россия стала центром притяжения более 3 млн. вынужденных мигрантов из других республик бывшего СССР.

Обращает на себя внимание распространение практики использования канала вынужденной миграции экономическими мигрантами. Международными конвенциями по беженцам и национальными законодательствами разных стран однозначно признается, что лица, которые хотят покинуть свою страну, чтобы повысить жизненный уровень или найти лучшую работу, не могут

претендовать на статус беженца. Это положение является принципиально важным для России, где в ряде программных документов по миграции в число вынужденных мигрантов включают и так называемых «экономических беженцев», что по сути является заблуждением, вытекающим из непонимания таких форм миграционного движения как «вынужденная» и «добровольная».

- **Увеличение значимости международной миграции населения в демографическом развитии** многих стран мира является прежде всего результатом растущего разрыва в демографическом потенциале групп развитых и развивающихся стран. Это, в свою очередь, связано с разными стадиями демографического перехода, на которых они находятся. На фоне почти повсеместного сокращения темпов роста населения в мире, это сокращение в развивающихся регионах мира лишь намечается, а в развитых странах часто доходит до отрицательных величин. Поэтому развивающиеся страны продолжают сохранять высокий миграционный потенциал, а развитые страны становятся зависимыми от притока международных мигрантов для того, чтобы заполнить рынок труда и соответственно снизить коэффициент демографической нагрузки, который неизбежно растет вследствие старения коренного населения.

Итак, сокращение темпов естественного роста населения и прогрессирующее старение населения в развитых странах превращает миграционный прирост в важный фактор их демографического развития. В Европе в 1990-е гг. почти 88% общего прироста населения приходилось на чистую миграцию (против 36% в 1960-е гг. и 48% в 1970-е гг.). Во многих странах Европы (Германии, Италии, России и др.), где естественный прирост является отрицательным, рост населения осуществляется исключительно за счет положительного сальдо миграции. В США доля миграционного прироста в общем приросте населения составляет около 40% (800 тыс. человек ежегодно), в Австралии – 50% (250 тыс. человек ежегодно); не менее важное значение чистая миграция имеет для роста населения Канады, Израиля, ряда других стран.

При этом важно, что международная миграция обеспечивает не просто увеличение общей численности населения, но изменение его структуры, если учитывать более молодую возрастную структуру мигрантов, а часто — иные, отличные от неудержимо стареющего коренного населения, демографические установки на многодетность.

Вопрос о том, сможет ли «замещающая миграция» решить проблемы, связанные со старением населения в развитых странах, является предметом научной дискуссии. Прогнозы говорят о том, что для того, чтобы странам, например, Европейского Союза «компенсировать» сокращение населения в трудоспособных возрастах, они должны ежегодно «импортировать» в общей сложности 12,7 млн. иммигрантов до 2050 г!

Не менее важным с демографической точки зрения является то, что в международной миграции участвует все больше женщин. Феминизация процесса станет, по мнению С. Кастла, одной из ведущих тенденций в ближайшие 20 лет (Castles, Miller, 1993). Уже к концу 1990-х гг. доля женщин среди мигрантов в большинстве развитых государств составляла более 50% (в целом по миру — 49%). Особенно велика доля женщин в миграционных трудовых потоках (более 60%) из Филиппин, Индонезии, Перу, стран Восточной Европы и др.

Необходимость гендерного анализа обуславливается, в частности, распространением такого негативного явления, как «вывоз и продажа мигрантов» («smuggling of migrants»), имеющего прежде всего женское лицо.

Особое значение в 1990-х гг. международная миграция населения приобретает в России, переживающей серьезный демографический кризис, став, по существу, единственным фактором, сглаживающим негативную демографическую ситуацию. Миграционный прирост за 1992–2001 гг. (около 3,4 млн. чел.) сумел лишь на 44% уменьшить естественную убыль, которая за эти годы составила 7,7 млн. чел. И в отличие от многих развитых стран мира, в которых миграция не только компенсирует естественные потери, связанные с депопуляцией, но и является важной компонентой общего роста населения, в России для выхода из демографического кризиса (более объемное понятие, чем депопуляция) уповать только на миграционный приток, на то, что только миграция может вывести Россию из демографического кризиса, крайне ошибочно.

- **Двойственный характер миграционной политики** является во многом результатом всех вышеперечисленных закономерностей. С одной стороны, во многих странах мира имеет место принятие все более жестких мер в отношении мигрантов, что обусловлено соображениями как политической, так и экономической безопасности. С другой стороны, активно идут интеграционные процессы, предусматривающие в рамках создающихся и расширяющихся союзов типа Европейского Союза, североамериканского союза НАФТА, арабского общего рынка и др. свободу перемещения рабочей силы граждан стран-участниц через внутренние государственные границы этих союзов. Идет формирование как мирового, там и отдельных международных региональных рынков труда, без чего, видимо, невозможно уже дальнейшее поступательное развитие мирового сообщества и его отдельных составляющих.

Двойственный характер миграционной политики отчетливо проявляется и на *международном уровне* (как результат противоречий между интересами международных организаций и национальными интересами отдельных государств), и на *региональном уровне* (как существование противодействующих тенденций либерализа-

ции миграционных режимов внутри интеграционных региональных союзов и ужесточения их миграционной политики по отношению к «третьим» странам), и на *национальном уровне* (как противоречие между демографическими и экономическими интересами, с одной стороны, и соображениями политической и социальной безопасности, с другой).

Россия в этом контексте могла бы послужить хорошим примером в качестве некоего объединяющего центра на миграционном пространстве государств бывшего СССР, тем более что ее экономические и демографические интересы насущно требуют притока мигрантов. Формирование единого рынка труда в рамках СНГ могло бы быть логическим решением, учитывая общность языка, близость системы профессионального образования, культурных и трудовых традиций. Однако эта естественная, казалось бы, тенденция наталкивается с одной стороны, на националистические идеи построения этнически гомогенных государств в Закавказье, Средней Азии и даже в Украине, а с другой — на отсутствие продуманной концепции поощрительной миграционной политики в России, что предопределяет непоследовательность проводимых в этой сфере мероприятий, расхождение декларативных заявлений и практических действий. Провозглашается целесообразность формирования единого рынка труда в рамках СНГ, а на практике возводятся все новые препятствия в передвижении между государствами-членами. В результате в последние 5 лет число иностранной рабочей силы, привлекаемой на работу в Россию из стран дальнего зарубежья (Китая, Турции, Югославии), устойчиво превышает число легально работающих в России трудовых мигрантов из стран бывшего СССР. В то же время масштабные потоки нелегальных мигрантов из стран ближнего зарубежья в Россию на деле показывают, что потенциал трудовой миграции в регионе огромен. Обеспечение легитимного поля этой миграции и рациональное использование имеющейся у мигрантов квалификации может быть достигнуто только с помощью разумной, стратегически выверенной миграционной политики, которая не допустила бы «триумфа националистического атавизма над логикой экономического развития» (Demeny, 2002, p. 73).

Некоторые итоги развития международной миграции населения в России в 1992–2002 гг.

Иммиграция и эмиграция: Россия после 1992 г.

Как уже говорилось выше, мы понимаем под иммиграцией въезд в страну иностранных граждан с целью постоянного в ней проживания и, как правило, получения ее гражданства. Под эмиграцией соответственно понимается выезд в другое государство с целью постоянного в нем жительства и, как правило, получения его гражданства. Именно эти потоки мигрантов в Россию и из нее являются объектом внимания настоящего раздела.

Во въезде и выезде на постоянное место жительства наиболее отчетливо по сравнению с другими видами миграции проявляется четкое разграничение роли стран ближнего и дальнего зарубежья как государств выезда и государств назначения. Иммиграционные потоки в Россию имеют своим источником бывшие республики Советского Союза, откуда стремились переехать в Россию оказавшиеся там после развала огромной страны этнические русские, а с середины 1990-х гг. — и представители титульных национальностей, гонимые экономическими трудностями. Эмиграция же из России была сориентирована преимущественно на развитые страны мира — Германию, США, Израиль, Канаду и, поскольку иммиграционная политика этих государств этнически детерминирована, эта эмиграция носила, по крайней мере, до конца 1990-х гг., выраженный этнический характер. Помимо этого в первые годы после распада СССР имел место поток «этнических» эмигрантов из России во вновь возникшие суверенные государства бывшего СССР: украинцы, белорусы, казахи, грузины, эстонцы и т.д. предпочли возвратиться на свою историческую родину. Впрочем, этот поток довольно быстро иссяк. В общей сложности миграционный прирост России за счет миграционного обмена с государствами бывшего СССР за 1992–2002 гг. составил 4,3 млн. чел. Движение было обоюдонаправленным, однако, соотношение прибывших в Россию из бывших советских республик и выбывших из России в эти государства составило 4 : 1.

Иммиграция в Россию. Говорить об иммиграции в Россию из стран ближнего зарубежья строго с научной точки зрения можно лишь после 1992 г., с момента образования отдельных самостоятельных государств на территории бывшего СССР и превращения межреспубликанских границ в межгосударственные. Вместе с тем, сам процесс возвращения русского населения из этих республик стал заметным, как уже говорилось, со второй половины 1960-х гг.

Особенность предшествующего периода заключалась в том, что это возвращение было обусловлено в первую очередь экономическими причинами и выступало, условно говоря, в форме «реэмиграции». Другими словами речь шла о мигрантах, выехавших в республики СССР из России в 1950-е — 1960-е гг. в добровольно-принудительном порядке: по «партийным призывам», как молодые специалисты по распределению, для строительства крупных проектов общесоюзного масштаба и т.п. Столкнувшись с возросшим давлением на рынке труда со стороны местного населения, в частности, в республиках Закавказья и Средней Азии, они в большинстве своем стали возвращаться в Россию; меньшая часть переехала в Украину и Прибалтику.

Ситуация коренным образом изменилась после 1992 г., когда между возникшими самостоятельными государствами на террито-

рии бывшего СССР была возведена государственная граница, а в самих этих государствах, за исключением России, стала проводиться политика (где-то более, где-то менее явная) по выталкиванию населения некоренной национальности. Использование местными правящими элитами этнического фактора для собственного самоутверждения вылилось в резкое обострение этнической нетерпимости, поощряемой на государственном уровне, возникновение открытых конфликтов на националистической основе, вытеснение некоренного населения с рынка труда и как результат — в массовые миграционные потоки туда, где, казалось, по крайней мере, этническая безопасность будет гарантирована.

За период 1992–2001 гг. в Россию въехали 6,4 млн. чел. (см. табл. 4) из государств бывшего СССР. 70% из них составляли этнические русские.

«Прозрачность» границ России с бывшими союзными республиками, существование множественных родственных, профессиональных и прочих связей усиливали мотивацию для возвращения русских в Россию. В то же время появились факторы, тормозящие этот процесс. Непроработанность юридических взаимоотношений между бывшими союзными республиками, в частности, отсутствие гарантий преемственности основных гражданских прав для желающих переехать из одного нового государства в другое, наконец, отсутствие четкой государственной позиции в России в отношении въезжающих бывших советских граждан — все это стало серьезным препятствием для многих потенциальных иммигрантов.

По оценке И.Г. Ушкалова (Ушкалов, 1999, С.84), реальные намерения иммигрировать в Россию имели около 50% из 24 миллиона русских и представителей других национальностей России, проживающих на территории бывших союзных республик. Это 12 млн. чел., которые могут пополнить население России в том случае, если государство продемонстрирует заинтересованность в этом.

Значение массовой миграции населения в Россию, которая уже имела место в течение 1990-х гг. (в среднем по 1 млн. чел. ежегодно) невозможно недооценить — она стала значимым фактором политического, экономического и демографического развития страны. *Политически* важным является превращение России в иммиграционный центр, готовый принять миллионы своих соотечественников, оказавшихся в «вынужденной эмиграции». *Экономическая* выгода России заключается в приобретении дополнительной рабочей силы, преимущественно квалифицированной, зачастую получившей образование и квалификацию в прошлом именно в российских университетах и учебных заведениях, так что хотя бы частично она может компенсировать экономические потери от «утечки российских умов». Если же речь не идет о высококвали-

Таблица 4. Динамика внешней безвозвратной миграции в России в 1990-е гг. (в тыс. чел.)

Направление миграционных потоков	Годы												
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Прибыло — всего	913,2	692,2	926,0	923,3	1146,7	842,1	633,6	584,6	498,8	369,6	359,3	193,4	184,6
в том числе из стран:													
Ближнего зарубежья	912,0	690,9	924,3	920,0	1142,4	839,7	631,2	581,0	494,8	366,7	350,3	186,2	177,3
дальнего зарубежья	1,2	1,3	1,7	2,4	3,3	2,4	2,4	3,6	3,2	2,9	9,0	7,2	7,3
Выбыло — всего	729,5	675,5	673,1	483,0	337,1	339,6	290,0	235,6	213,3	215,0	145,7	121,1	106,7
в том числе в страны:													
Ближнего зарубежья	625,8	587,1	562,8	369,2	231,7	229,3	191,4	151,2	133,0	129,7	83,4	62,5	53,0
дальнего зарубежья	103,7	88,4	110,3	113,8	105,4	110,3	-98,6	-84,4	80,3	85,3	62,2	58,6	53,7
Сальдо миграции	183,7	16,7	252,9	440,3	809,6	502,5	343,6	349,0	284,7	154,6	213,6	72,3	77,9
в том числе со странами:													
Ближнего зарубежья	286,2	103,8	361,5	551,7	910,7	610,4	439,8	429,8	361,8	237,0	266,8	123,7	124,3
дальнего зарубежья	-102,5	-87,1	-108,6	-111,4	-102,1	-107,9	-96,2	-80,8	-77,1	-82,4	-53,2	-51,4	-46,4

Рассчитано по: Демографический ежегодник России. М., 1996. С. 486—489; Социально-экономическое положение в России 1996 г. М., 1997. Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2000 г. М.: Госмостат, 2001. Россия в цифрах 2001. М.: Госкомстат, 2001. С. 73—74. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2002 году. М.: Госкомстат, 2003.

Таблица 5. Распределение эмигрантов из России по странам приема и национальностям (в % от общей численности выехавших в данную страну)

Годы	Германия			Израиль		США	
	Немцы	русские	Евреи	евреи	русские	евреи	русские
1993	76,8	18,4	1,8	60,0	30,3	52,3	37,8
1995	70,4	23,1	2,9	52,7	34,8	40,1	47,2
1998	61,0	29,7	4,0	31,3	55,5	16,9	63,9
1999	58,3	31,6	3,1	30,7	58,2	20,9	59,0
2000	55,6	33,4	2,7	26,1	60,0	17,7	65,1
2001	49,5	34,6	2,3	22,8	58,1	14,1	65,3
2002	43,2	35,5	1,6	19,9	56,6	7,9	68,3

Таблица 6. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья по национальным группам, 1993 — 2002

Этнические группы	1993		1994		1995		1996		1997		1998		1999		2000	
	'000	%	'000	%	'000	%	'000	%	'000	%	'000	%	'000	%	'000	%
Русские	21,3	18,7	24,1	22,8	28,8	26,1	29,2	29,5	29,8	35,3	29,3	36,4	34,5	40,4	25,8	41,5
Немцы	47,5	41,7	47,1	44,6	51,3	46,5	38,6	39,1	30,0	35,5	28,3	35,2	28,0	32,8	22,6	36,2
Евреи	14,0	12,4	13,6	12,8	12,8	11,6	12,5	12,6	9,5	11,4	7,3	9,3	9,0	10,7	4,5	7,2
Другие	31,0	27,2	20,6	19,8	17,4	15,8	18,3	17,8	15,1	17,8	15,4	19,1	13,8	16,1	9,4	19,1
Всего	113,8	100,0	105,4	100,0	110,3	100,0	98,6	100,0	84,4	100,0	80,3	1000	85,3	100,0	62,3	100,0

Источники: Демографический ежегодник России 1998, Москва 1999. Численность и миграция населения в Российской Федерации в 1999 г., М., Госкомстат, 2000. Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2000 г., М., Госкомстат, 2001. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2001 году. М.: Госкомстат, 2002. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2002 году. М.: Госкомстат, 2003. С. 84–85.

фицированных кадрах, иммигранты могут быть эффективно использованы для «людских вливаний» в обезлюдившие районы Центрального Нечерноземья, северных районов, Сибири. *Демографические* преимущества массовой иммиграции в Россию из стран ближнего зарубежья наиболее очевидны. В условиях демографического кризиса и высокой естественной убыли населения, которая составила за 1992-2002 гг. 7,7 млн. чел., миграционный приток более чем наполовину компенсировал эту убыль и фактически получил такую роль в демографическом развитии страны, какой он не имел никогда ранее.

Эмиграция из России. Эмиграция из России на современном этапе ее развития приняла стабильно высокий (в сравнении с советским периодом) уровень — в среднем 100 тыс. чел. в год (см. рис. 1). В самые последние годы наблюдается некоторое снижение этого уровня — до 60 тыс. чел. в год.

При этом важно подчеркнуть, что не оправдались многочисленные прогнозы середины 1980-х — начала 1990-х гг. о возможной многомиллионной миграции из бывшего СССР (оценки составляли от 1,5 до 50 млн. мигрантов за период до 2000 г.) (См. подробнее, например, Ионцев, 1992.). Впрочем, эти прогнозы, вероятно, имели под собой основания. В условиях экономического спада, безработицы, кризиса с поставками продовольствия, с выплатой заработной платы и т.д. граждане бывшего СССР стали эмигрировать. Несмотря на значительный рост эмиграции из России — с 10 тыс. чел. в 1987 г. до 104 тыс. чел. в 1991 г. (а в целом по б. СССР с 39 тыс. до 452 тыс. чел. в те же годы), многомиллионного характера она не приобрела. В частности, это было связано с тем, что большинство европейских стран уже давно выработали ограничительные, селективные меры миграционной политики, и здесь эмиграционные устремления бывших советских граждан натолкнулись на «железный занавес» с другой стороны, вполне естественный для стран, защищающих свою национальную безопасность.

Исключения касались только отдельных групп российских граждан, этническая принадлежность которых позволяла им эмигрировать в те несколько стран, которые проводили открытую иммиграционную политику в отношении лиц определенной этнической принадлежности. В первую очередь это Германия, куда из общего числа эмигрировавших из России в 1992–2000 гг. — около 900 тыс. чел. — выехали 550 тыс., или 60%. Это также Израиль, принявший около 180 тыс. чел., или 20%. Это также США, имеющие многочисленную еврейскую диаспору. В общей сложности на эти три страны — Германию, Израиль и США — в 2000 г. пришлось 92% российской эмиграции (Ионцев и др., 2001, С. 317).

Однако за последние 3–4 года как в этнической структуре, так и в географической направленности эмиграции из России происхо-

дят существенные изменения. К концу 1990-х гг. российская эмиграция начинает охватывать такие страны, как Австралия, Канада, Финляндия, Италия и др.

Изменение этнической структуры эмигрантов характеризуется прежде всего возрастанием доли русских на фоне заметного снижения доли преваляровавших ранее этнических групп — немцев и евреев. Если в 1993–1995 гг. около половины эмигрантов составляли немцы и примерно 12% евреи, то к 2000 г. доля немцев, например, упала до 1/3. В то же время возросла эмиграция русских: по сравнению с 1993 г. в 1,5 раза. В 2000 г. русские составили 41,5% эмигрантов, заметно превзойдя немцев и почти в 5 раз евреев (см. табл. 5 и 6).

Характерно, что даже в эмиграции в Израиль, по данным российской официальной статистики, доля русских более чем в два раза превысила долю евреев, в США — почти в 4 раза. Значительно возросла эмиграция русских в Германию, составив в 2001 г. около 35% от общего числа эмигрировавших из России в эту страну.

Причин возрастания доли русских в эмиграционном оттоке из России несколько. Во-первых, иссякает миграционный потенциал тех этнических групп, которые могли воспользоваться облегченным режимом въезда в Германию, Израиль, Грецию и другие страны, т.е. немцев, евреев, греков и т.д. С другой стороны, для все большего числа преуспевших российских граждан (которые, тем не менее, хотят сменить место жительства) реальным становится путь иммиграции в эти и другие страны по категории инвесторов, приобретая там бизнес и недвижимость. Русских в этой категории эмигрантов — подавляющее большинство. Не имея соответствующей статистической информации, мы, тем не менее, на основании данных посреднических миграционных фирм можем предположить, что не меньше половины из вышеуказанной растущей доли русского населения в эмиграционном потоке в последние годы связано именно с этим.

Кроме того, получившая широкое распространение временная миграция российских граждан в зарубежные страны (учебная, деловая, трудовая, туризм) «чревата» превращением в постоянную: выпускники европейских университетов подчас предпочитают остаться работать в стране обучения, трудовые мигранты в случае успешного «закрепления» в стране пребывания начинают ходатайствовать о статусе постоянного жителя, деловые поездки могут на самом деле служить формой поиска возможностей будущей эмиграции и т.д.

Эмиграция из России несет в себе серьезные негативные последствия для страны. Эти последствия связаны не столько с численными потерями населения, хотя почти 1 миллион человек, выехавших только в страны дальнего зарубежья за 10 лет — это ощутимый урон в условиях демографического кризиса. Гораздо бо-

лее болезненным является тот факт, что в эмиграцию вовлечены высококвалифицированные специалисты, ученые, талантливые люди искусства, что чревато утратой значительной части интеллектуального и духовного потенциала нации, экономической, научно-технической и культурной стагнацией общества. По данным ректора МГУ академика В.А. Садовниченко отток дипломированных специалистов из России за последние два года составил 100 тыс. человек, что говорит о том, что проблемы «учечки умов» в начале нового столетия еще более обострились и нельзя недооценивать ее пагубные последствия для современного этапа развития страны. Утрата человеческого капитала становится реальной угрозой для существования целых отраслей фундаментальной науки и технического прогресса.

Помимо «утечки умов», эмиграция из России сопряжена с «утечкой капиталов». Не затрагивая вопрос о незаконном вывозе капитала из России, что является самостоятельной сложной проблемой, мы можем приблизительно оценить, — поскольку статистика такого рода отсутствует — вывоз капитала легальными эмигрантами. По нашим расчетам, за последние 10 лет из России эмигрировали около 300 тыс. семей. В среднем на каждую семью пришлось по 100 тыс. долл. (накопления, деньги за квартиры, дачи, мебель и т.д.). Таким образом, по самым скромным оценкам, за эти годы было вывезено выезжающими из России на постоянное местожительства порядка 30 млрд. долл. При этом мы не приняли во внимание, что иммигранты-инвесторы, например, которые пользуются режимом наибольшего благоприятствования при въезде в большинство развитых стран, должны только прямых вложений в экономику принимающей страны сделать в размере 150–250 тыс. долл. (в зависимости от иммиграционного кодекса страны).

*Экономическая миграция*⁸

Распад СССР и выделение Российской Федерации в суверенное государство качественно изменило ее роль в миграционном обмене трудовыми ресурсами и другими категориями экономической миграции (бизнес-миграция, челночная миграция и др.). Экономическая миграция со странами ближнего зарубежья, несмотря на «прозрачность» границ, приобрела международный характер. Одновременно Россия стала открыта для остального мира, и это привело как к активизации выезда национальной рабочей силы за рубеж, так и к притоку экономических мигрантов из стран дальнего

⁸ Поскольку в настоящий сборник включена статья д.э.н. А.Н. Каменского «Современное участие России в международной трудовой миграции», авторы сочли возможным опустить подробный анализ международной трудовой миграции в России и остановится вкратце на ряде других, не менее важных в эти годы, категориях экономической миграции.

зарубежья (Китая, Турции, КНДР, Вьетнама). Таким образом, Россия включилась в процесс международной экономической миграции и стала реальным участником мирового рынка труда.

При этом ее роль двойка: Россия выступает и как принимающая, и как посылающая страна.

Трудовая миграция в Россию. В 1990-е гг. Россия превратилась в центр притяжения трудовых мигрантов, преимущественно из государств бывшего СССР. Это объясняется рядом причин, и прежде всего экономических. По сравнению со многими соседними государствами Россия выглядит более благополучной. Уровень ВВП на душу населения в России, по данным Госкомстата РФ, составлял в 1996 г. 6742 долл., что вдвое больше, чем в Украине (3325 долл.), больше чем в три раза больше, чем в Молдове (2100 долл.), в пять раз больше, чем в Таджикистане (Трудовая миграция в России, 2001. С. 82.). Уровень средней заработной платы (в долларовом эквиваленте) в Украине в 2,1 раза ниже, чем в России, в Казахстане — в 1,7 раза, в Киргизии — в 3,8 раза, в Молдове — в 4,5 раз, в Армении — в 6,6 раз, в Азербайджане — в 9,4 раза, в Таджикистане — в 30 раз.

Это лишь одна сторона вопроса. С другой стороны, важным фактором, определяющим приток трудовых мигрантов, является ситуация на рынке труда. Структура спроса и предложения на только еще формирующемся в новых экономических условиях рынке труда России отличается несбалансированностью. Высокий спрос на представителей рабочих профессий и лиц, готовых заниматься физическим трудом в сельском хозяйстве, строительстве, транспорте, не покрывается за счет национальных трудовых ресурсов. Российские граждане не готовы или не желают занять эти рабочие места из-за низкого уровня оплаты, непрестижности, тяжелых условий труда. Число только зарегистрированных в службах занятости свободных рабочих мест в целом по России составляет около 800 тыс. вакансий (Трудовая миграция в России, 2001. С. 83).

Из этого можно сделать вывод, что сегодня в России при наличии безработицы существует потребность в иностранной рабочей силе на низкооплачиваемые работы в отраслях материального производства. Именно в этих отраслях концентрируется иностранная рабочая сила, привлекаемая в Россию: 39,3% — в строительстве, 12,5% — в промышленности, 11,4% — в сельском хозяйстве, 12,1% — в торговле (Трудовая миграция в России, 2001).

В целом число зарегистрированных иностранных работников в 2001 г. составило 283,7 тыс. человек (см. табл. 7), что немного по сравнению с общей численностью национальных трудовых ресурсов (70 млн. чел.) Однако в ряде регионов — Центральном, Дальневосточном, Западной Сибири (на них приходится около 70% всей легальной трудовой миграции в Россию) — иностранная рабочая сила стала важным структурным компонентом местных рынков труда.

Таблица 7. Численность иностранной рабочей силы, привлеченной в Российскую Федерацию, 1994–2001 гг.

	1994		1995		1996		1997		1998		1999		2000		2001	
	Чел.	%	чел.	%	чел.	%										
Всего в том числе	129000	100	281081	100	292236	100	241488	100	242292	100	211361	100	213293	100	283728	100
<i>из стран</i> <i>СНГ:</i>	70800	54,88	134423	47,82	145628	49,8	114044	47,23	111081	45,85	94720	44,8	108800	51,0	148629	52,4
Беларусь	5790	4,49	11123	3,96	10277	3,52	987	0,41	-	-	-	-	7	0,0	17	0,0
Молдова	3692	2,86	6713	2,39	9462	3,23	9881	4,09	10469	4,32	8619	4,08	11925	5,6	13302	4,7
Украина	55079	42,70	94242	33,5	98696	33,77	76636	31,73	73717	30,42	62856	29,74	64141	30,1	91917	32,4
Азербайджан	426	0,33	1331	0,47	2200	0,75	3183	1,32	4011	1,66	2826	1,34	3336	1,6	4415	1,6
Армения	1687	1,31	6092	2,17	7150	2,45	6893	2,85	7472	3,08	5167	2,44	5514	2,6	8457	3,0
Грузия	915	0,71	7015	2,50	8090	2,77	6689	2,76	6297	2,6	5214	2,47	5173	2,4	4972	1,8
Казахстан	1007	0,78	2069	0,74	2165	0,74	1816	0,75	1802	0,74	1662	0,79	2885	1,4	3606	1,3
Кыргызстан	142	0,11	695	0,25	1184	0,41	1259	0,52	728	0,3	549	0,26	871	0,4	1721	0,6
Таджикистан	572	0,44	1497	0,53	2027	0,69	3112	1,29	3296	1,36	4135	1,96	6210	2,9	10020	3,5
Туркменистан	16	0,01	99	0,04	305	0,10	382	0,16	324	0,13	281	0,13	204	0,1	134	0,0
Узбекистан	1474	1,14	3547	1,26	4108	1,41	3236	1,64	2965	1,22	3411	1,61	6091	2,9	10058	3,5
Прибалтика	2959	2,29											1831	0,9	4836	1,7
<i>Дальнее</i> <i>Зарубежье:</i>	58200	45,12	146658	52,2	46608	50,2	127444	52,8	131211	54,15	16641	55,2	102662	48,1	130278	45,9
Турция	12068	9,35	36168	12,9	39043	13,4	33186	13,7	35697	14,7	26708	12,64	17847	8,4	20915	7,4
Китай	20301	15,74	26423	9,4	24043	8,2	22227	9,2	23318	9,6	24256	11,48	26222	12,3	38611	13,6
Республики бывшей Югославии	3516	2,73	16021	5,7	18613	6,4	16864	7,0	14096	5,8	9771	4,62	8020	3,8	10187	3,6
КНДР	5862	4,54	14897	5,3			10416	4,3	9383	3,9	10110	4,78	8700	4,1	20137	7,1

По данным Федеральной миграционной службы МВД России

Необходимо отметить, что в последние годы география регионов России, принимающих иностранную рабочую силу, значительно расширилась. Так, если в начале 1994 г. трудящиеся-мигранты были заняты на предприятиях и организациях только 23 из 89 территориальных единиц Российской Федерации, то в 2000 г. таких территорий было уже 83 (Трудовая миграция в России, 2001. С. 92).

Нельзя не отметить, что официальная оценка иностранной рабочей силы в России — чуть более 200 тыс. человек — лишь в незначительной мере отражает реальную картину. Она лишь является видимой частью айсберга, подразумевающей, но не выявляющей действительный масштаб международной трудовой миграции в стране. Своеобразие нынешней экономической системы в России с ее значительным сегментом теневой экономики обуславливает тот факт, что большая часть трудовой миграции осуществляется в нелегальной форме. Мигрантам, приезжающим в Россию на заработки, проще найти рабочее место в теневой сфере, где не будут требовать регистрации и прочих документов.

Производство в теневом секторе экономики России оценивается Госкомстатом в четверть ВВП, а занятость в нем — в 15–30% от общего числа работников. (Радаев, 1999, С. 10).

Теневая занятость характерна и для коренных жителей, и для мигрантов. Однако среди мигрантов число незаконно занятых во много раз превышает число легально работающих. По оценкам специалистов, численность незаконных мигрантов в России составляет до 4,5 млн. чел. (Красинец и др., 2000, С. 82). Подавляющее большинство из них, если не по форме, то, по сути, являются трудовыми мигрантами, поскольку, какова бы ни была их цель прибытия в Россию (транзит в Западную Европу, вынужденная миграция, собственно нелегальная трудовая миграция), они в поисках средств к жизни ищут возможности трудоустройства, причем чаще всего в неформальном, теневом секторе экономики.

Нельзя не заметить и то, что в самые последние годы (после 1996 г.) на фоне некоторого сокращения числа официально зарегистрированных в стране иностранных работников происходит переориентация потоков трудовой миграции с легальной занятости на теневую, незаконную занятость. Это связано как с общим ухудшением финансового положения многих предприятий, ранее успешно привлекавших трудовых мигрантов, так и с ужесточением требований к приему иностранных работников в регионах, где обостряется безработица среди местного населения.

Трудовая миграция из России. Сочетание двух факторов, возникших почти одновременно в России — резко ухудшившаяся экономическая ситуация и соответственно снижение уровня жизни граждан, с одной стороны, и гарантированное право на свободный выезд и трудоустройство за рубежом, с другой, — стало предпо-

сылкой возникновения в 1990-х гг. потока трудовой миграции из России. В 2000 г., по официальной оценке Департамента внешней миграции Министерства по делам федерации РФ, около 150 тыс. россиян работали в зарубежных странах. Эта цифра, однако, имеет мало общего с реальным числом российских трудовых мигрантов и может служить лишь отправной точкой анализа, поскольку в поле зрения официальной статистики попадают лишь два канала зарубежного трудоустройства россиян: (1) те, кто выезжают в соответствии с межгосударственными соглашениями для осуществления строительных, монтажных, изыскательских и др. работ; (2) трудоустроенные через сеть посреднических фирм, имеющих федеральную лицензию на право заниматься деятельностью по трудоустройству российских граждан за рубежом.

«В тени» остается большая часть трудовых мигрантов, которые самостоятельно — через личные связи, по рекомендации, через иностранные рекрутинговые фирмы, через Интернет — заключают трудовые контракты с иностранными работодателями. Кроме того, естественно, не попадают в официальную статистику нелегально трудоустроенные в зарубежных странах. В общей сложности, по оценкам экспертов, за рубежом работают не менее 500 тыс. российских граждан (и это самая скромная оценка).

Не вдаваясь подробно в проблемы трудовой миграции, заметим, что включение россиян в потоки международной трудовой миграции имеет неоднозначные последствия для российской экономики и общества. Несомненно, возможность найти работу, относительно хороший заработок, получить новый жизненный опыт, использовать его в будущем на благо себя и своей семьи является благом для индивидуума, а значит, в конечном счете, и для общества. Однако процесс трудовой миграции из России несет в себе и ряд очевидных негативных моментов:

1. Во многих случаях трудовая миграция (при соответствующем отношении со стороны государства) превращается в безвозвратную. В особенной мере это относится к высококвалифицированным специалистам, которым удается преуспеть в зарубежных странах. «Утечка умов» сказывается очень болезненно на состоянии многих отраслей российской науки и производства. Конечно, причина кризиса российской науки не в том, что уезжают ученые, а наоборот: отток специалистов из науки и высокотехнологичных отраслей производства вызван катастрофическим сокращением финансирования. Однако, как бы то ни было, потеря Россией значительной части своего научного потенциала может стать, а быть может, уже стала невосполнимой.

2. Большая часть российских трудовых мигрантов находятся за границей незаконно (просроченные визы, контракты, отсутствие разрешений на работу, неоформленные взаимоотношения с работо-

дателями и т.д.). Это ставит их вне рамок социальной и юридической защищенности, лишает помощи российского государства в случае ущемления их прав. Для государства эта ситуация оборачивается формированием негативной «репутации» поставщика незаконных мигрантов на мировой рынок труда. Для будущих трудовых мигрантов – подозрительностью принимающей стороны при трудоустройстве и оформлении визы. Многочисленны, например, случаи отказов в визе российским гражданам, желающим принять участие в молодежных международных программах трудоустройства Work & Travel, Work & Study, Au Pair, имеющих широкое распространение в европейских странах, США и Канаде. Причина — частые нарушения молодыми россиянами условий трудоустройства, незаконное пребывание в стране после разрешенного срока.

3. Массовый выезд российских граждан на работу за рубеж может уже в ближайшие годы крайне негативно сказаться на национальных трудовых ресурсах. Тенденции демографического развития и возрастная структура населения в России таковы, что уже в 2007-2010 гг. начнется резкое сокращение численности населения в трудоспособных возрастах. Выбывающие из трудоспособного возраста старшие возрастные группы (родившихся в послевоенные годы компенсационного повышения рождаемости) будут в два раза многочисленнее вступающих в трудоспособный возраст малочисленных когорт родившихся в 1990-е гг. Если российская экономика преодолет кризис и выйдет на поступательное развитие, нехватка рабочих рук станет ощутимой, и экспорт рабочей силы вступит в противоречие с потребностями экономического и демографического развития страны. Вместе с тем было бы ошибочно, учитывая демографическую ситуацию, ориентироваться на строго запретительные меры, поскольку хотим мы или нет, но в российском обществе уже сформировалась прослойка людей, желающих выехать работать за рубеж и лучше будет, если государство будет контролировать этот процесс, более того, помогать более эффективному его осуществлению, извлекая экономические выгоды (например, валютные переводы) и препятствуя тем самым росту безвозвратной миграции из страны.

Миграция российских «челноков»

Среди категорий экономической миграции, получивших развитие в начале 1990-х гг., наиболее массовой и значимой была циркулярная миграция российских мелкооптовых торговцев, получивших в России название «челноков».

Возникновение «челночной» миграции было вынужденной реакцией населения на разрушение существовавшей экономической системы, на массовое сокращение занятости в госсекторе. Тысячи людей, потерявших работу или ищущих возможность заработать, оказались вовлеченными в торговлю особого рода, когда продавец

лично периодически выезжает за товаром в зарубежные страны и обеспечивает его доставку и реализацию в России. (Чудиновских, Жулин, 2001, С. 4)

Стихийно возникший как результат демонополизации внешнеторговой деятельности в России и упрощения порядка выезда российских граждан за рубеж, «челночный» бизнес быстро заполнил ту нишу, которая всегда существовала в российской официальной внешней торговле и была связана с ее неспособностью полностью обеспечить потребительский спрос населения на импортные товары. Благодаря «челночной» миграции был буквально спасен потребительский рынок России.

По некоторым оценкам, в России в середине 1990-х гг. в «челночном» и «околочелночном» бизнесе было занято около 30 млн. россиян, а его ежегодный товарооборот достигал 15 млрд. долл., что значительно превышает объем официальных экспортно-импортных операций России с соответствующими странами.

Возникновение и быстрое развитие челночной миграции было результатом сочетания ряда объективных предпосылок: существования в России острого дефицита на потребительские товары, высвобождение из остановившихся предприятий госсектора значительной части трудовых ресурсов, готовых к освоению альтернативных видов деятельности, которые позволили бы им выжить в условиях экономического кризиса, а также правовые и экономические нововведения, обеспечившие свободу выезда российских граждан за рубеж и внутреннюю конвертируемость рубля в твердые валюты.

Географически поездки российских челноков были сориентированы преимущественно на те страны, с которыми существовал упрощенный режим въезда и в которых было развито массовое производство дешевых потребительских товаров. Первые поездки «челноков» были направлены на страны Восточной Европы — Болгарию, Польшу, Румынию, — куда не требовалось визы. Отсутствие возможности покупать и продавать твердую валюту вынуждало предприимчивых граждан тогда еще СССР везти в восточноевропейские страны советские товары — водку, часы, консервы, мелкую электротехнику — на продажу с тем, чтобы на вырученные деньги приобрести одежду, белье, обувь и другие товары для реализации в России.

В самом начале 1990-х гг. для российских «челноков» «открылся» турецкий рынок, причем инициатором этого было турецкое правительство, искавшее новые пути для продвижения турецкого экспорта. Специальные постановления турецкого правительства поддерживали инициативу ориентированных на экспорт частных фирм и обеспечили создание отлаженного механизма закупки российскими «челноками» товара, его оформления

и доставки. С 1990 г. и до кризисного 1998 г. Турция оставалась «столицей» российского «челночного» бизнеса. (См. подробнее: Ивахнюк, 2000, С. 8–20).

В 1992 г., с подписанием российско-китайского соглашения о безвизовом режиме для туристических групп обеих стран, российские «челноки» начали осваивать китайский рынок. Дешевые китайские товары крайне низкого качества, производимые, как правило, на полуправильных китайских фабриках, наводнили российские рынки, особенно в дальневосточном и сибирском регионах. Примечательно, что в «челночную» миграцию между Россией и Китаем вовлечено также большое число китайских граждан, самостоятельно или в кооперации с российскими «челноками» доставляющих китайские товары в Россию.

Массовые миграции российских «челноков» оказали заметное влияние на экономическое развитие как России, так и других участвующих стран. «Челночная» миграция стимулировала производство потребительских товаров, ориентированных на российский рынок, повлекла за собой развитие «сопутствующих» сфер экономики — расширение международных транспортных перевозок, создание чартерных авиакомпаний, расширение сети мелкооптовых и розничных торговых предприятий, — что соответственно увеличивало занятость населения. Однако, с другой стороны, стихийность, полуправильность этого вида предпринимательской деятельности, уход от налогов, низкое качество перевозимых товаров наносили прямой экономический и моральный ущерб как России, так и странам-контрагентам. Это вынудило государственные службы заинтересованных стран предпринять шаги по регулированию коммерческой деятельности российских «челноков». Было введено обязательное документальное оформление всех торговых сделок, ужесточены таможенные тарифы на провоз мелкооптовых партий товаров, наложены ограничения на вывоз наличной валюты.

Постепенно «челночная» миграция россиян утратила свой массовый характер. «Челночная» форма торговли сыграла свою роль в создании стартового капитала и базы для развития мелких и средних предпринимательских структур. Челночники-одиночки частично переориентировались на внутреннюю «челночную» торговую миграцию.

Однако, в экономической и миграционной истории современной России «челночная» миграция оставила заметный след. Российские «челноки» были самым массовым потоком международной миграции в страны дальнего зарубежья. Краткосрочные коммерческие поездки россиян в Турцию, Польшу, Китай стали для них серьезной «школой бизнеса», формирования экономического образа мышления, стимулировали их активную экономическую позицию в

условиях экономического развала страны. Несмотря на очевидные трудности, моральные, а подчас и материальные издержки, люди, получившие опыт «челнока», лучше адаптируются к непростым условиям современной жизни в России, в том числе в поисках новых форм занятости и экономической деятельности.

Кроме того, «челночная» миграция подчас стимулировала развитие трудовой миграции российских граждан в те страны, которые входили в «сферу особого интереса» российских «челноков». (Несмотря на то, что некоторые авторы и саму «челночную» миграцию относят к формам трудовой миграции (см., например, Трудовая миграция в России, 2001), вряд ли это верно, поскольку «челночный» мигрант продолжает считать местом своего жительства и работы Россию.) В Турции, например, «русский челночный бум» вызвал спрос на русскоязычный персонал в магазинах, гостиницах, ресторанах и т.д. За очень короткий период времени в Стамбуле и других крупных городах Турции оказались десятки тысяч молодых россиян, «выталкиваемых» трудностями с трудоустройством в России и подгоняемых стремлением заработать. Спектр рабочих мест, которые им удалось занять, ограничен преимущественно сферой обслуживания – переводчики, продавцы, официанты, служащие туристических бюро и чартерных авиакомпаний, танцовщицы, посыльные и т.д. Однако, весьма распространенной чертой трудоустройства этой категории российских мигрантов является нелегальность.

Россия как евразийский центр транзитной нелегальной миграции

Включение России в мировые миграционные потоки имело для нее самые разнообразные, подчас непредвиденные последствия. Одно из таких последствий вытекает из ее особого геополитического положения и, как выяснилось, исключительной прибыльности переправки нелегалов для организаторов и посредников этого процесса. В результате Россия является ныне страной, через которую проходят многочисленные явные и скрытые транзитные пути мигрантов из азиатских и африканских стран, стремящихся попасть в Европу.

Привлекательность России как «перевалочного пункта» для транзитных (по большей части нелегальных) мигрантов определяется относительной «прозрачностью» российских границ с другими странами СНГ, в то время как эти страны заключили соглашения о безвизовом въезде с третьими странами, а также непроработанностью российского законодательства, касающегося въезда, пребывания и трудоустройства иностранцев на территории России. Важным фактором выступает также географическое положение России, удобное для транзита из Азии в Европу, и несформированность российского национального рынка труда со значительной долей

неформального сектора, где чаще всего и находят источники дохода нелегальные мигранты. По статистике МВД в России в настоящее время «застряли» около 300 тыс. транзитных мигрантов из Афганистана, Китая, Анголы, Пакистана, Индии, Шри-Ланки, Турции, Эфиопии. Помимо этого, существует значительный поток нелегально переправляемых через российские границы мигрантов, конечной целью которых являются государства ЕС.

Присутствие в стране нелегальных транзитных мигрантов совершенно не отвечает интересам России. Многие из них связаны с криминальным бизнесом, места их концентрации становятся источником «экзотических» инфекционных заболеваний, наркомании и проституции.

Следует признать, что, к сожалению, до настоящего времени российским официальным структурам не удалось наладить должного контроля за пребыванием транзитных мигрантов в стране. Въезжая по транзитной или туристической визе (или переправляясь через границу нелегально), они часто просто теряются на огромных просторах России. В то же время в России существует достаточно жесткий пограничный контроль при выезде в страны назначения. Пресекая незаконный выезд вследствие нарушения условий пребывания, оформления документов и т.п., российские пограничные службы фактически превращают территорию России в «отстойник» для нелегальных мигрантов.

Переправка нелегальных мигрантов — это серьезный, хорошо организованный бизнес во многих странах. (По ряду оценок, общая прибыль только от переправки нелегальных мигрантов в мире составляет 5–7 млрд. долл.). Теперь он распространился и в России, чему способствует его исключительно высокая доходность. На границах России, особенно на российско-китайской, российско-казахстанской, российско-украинской, сложились многочисленные налаженные каналы незаконной переправки мигрантов. (90% незаконной миграции идет через границу с Казахстаном, с которым Россия имеет 7,6 тыс. км фактически открытой границы. Явно поспешное решение о безвизовом въезде в Россию граждан КНР в начале 1990-х гг. открыло «шлюз» китайской миграции, которая вследствие огромной разницы демографического потенциала по обе стороны российско-китайской границы несет в себе многочисленный поток трудовых мигрантов в Россию, а также и тех, кто ставит своей целью достичь Западной Европы, используя российскую территорию как «перевалочный пункт».)

Только в 1999 г. Федеральная пограничная служба России совместно с правоохранительными органами пресекла деятельность 400 организованных преступных группировок, специализирующихся на переправке иностранных граждан и лиц без гражданства. Эта деятельность российских правоохранительных служб в первую очередь

направлена на защиту интересов России и ее национальной безопасности. Но одновременно она обеспечивает интересы тех стран, которые являются странами назначения для этих транзитных мигрантов. Логично было бы предположить, что совместные интересы требуют совместных усилий (в рамках информационного обмена, взаимовыгодных международных соглашений по пресечению незаконной миграции и т.д.). Если европейские страны заинтересованы в борьбе с нелегальной миграцией «на дальних подступах», — а они не могут быть не заинтересованы, иначе эти мигранты станут для них реальной проблемой уже на их собственной территории, — то они должны стать инициаторами совместных международных программ и соглашений в этой области, совместных научных исследований по международной миграции в регионе во всех ее формах.

Международная миграция и демографическое развитие России

Очевидное ухудшение демографических показателей России в 1990-х гг., выражающееся прежде всего в нарастающей убыли населения в результате отрицательного естественного прироста, дало повод для широкой дискуссии в обществе о том, оправдаются ли пессимистичные прогнозы демографов о предстоящем чуть ли не двукратном сокращении численности российского населения в течение ближайших 50 лет (Население России 2000, С. 141), и о том, каковы могут быть усилия, чтобы не допустить этой демографической катастрофы.

Табл. 8 и Диаг. 3 показывают, что в 1990-х гг. в России сложилась ситуация, аналогичная военному периоду 1941–1945 гг., когда впервые наблюдалась значительная абсолютная убыль населения. Однако тогда это было связано с войной и колоссальными людскими потерями.

Динамика естественного и миграционного прироста в России. 1897 - 2002 гг.

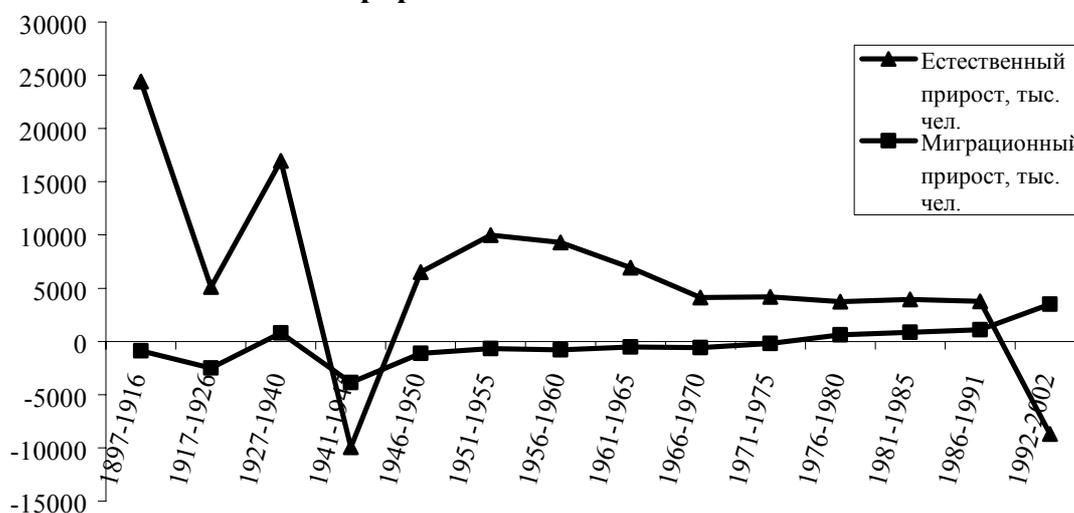


Таблица 8. Компоненты изменения численности населения России (тыс. чел.)

Периоды, годы	Численность населения на конец периода, года, тыс. чел.	Общий прирост (убыль), тыс. чел.	В том числе	
			Естественный прирост, тыс.	Мигр. прирост (тыс.)**
1897*	67473	-	-	-
1897–1916	91000	23527	24392	-865
1917–1926	93600	2600	5100	-2500
1927–1940	111359	17759	16960	799
1941–1945	97547	-13812	-9953	-3859
1946–1950	102945	5398	6505	-1107
1951–1955	112266	9321	9991	-670
1956–1960	120766	8500	9283	-783
1961–1965	127189	6423	6944	-521
1966–1970	130704	3515	4107	-592
1971–1975	134690	3986	4180	-195
1976–1980	139028	4338	3731	607
1981–1985	143835	4807	3938	869
1986–1991	148704	4869	3759	1110
1917–1991	148704	57704	64545	-6841***
1992	148750	46	-207	253
1993	148452	-298	-738	440
1994	148393	-59	-869	810
1995	148063	-330	-833	503
1996	147591	-472	-816	344
1997	147191	-400	-750	350
1998	146771	-420	-705	285
1999	146003	-768	-923	165
2000	145263	-740	-954	214
2001	144392	-871	-943	72
2002	143534	-858	-935	77
1992–2002	143534	-5170	-8673	3503

* На начало года

**С учетом сальдо миграции со странами дальнего зарубежья, которое в 1927-1940 гг. и 1951-1987 гг. было относительно небольшим (например, в 1986 г. оно равнялось – 2,3 тыс. человек, против –20,4 в 1989 г., –102,5 тыс. в 1990 г.). Наиболее значимым оно было в 1917-1925 гг., когда более 2,5 млн. человек эмигрировало в Западную Европу, США и др. страны дальнего зарубежья.

***из них почти 3,6 млн. человек приходится на дальнее зарубежье.

Источники: Население СССР. 1973. М., 1975. С.14, 70. Численность и миграция населения в РФ в 1995 г. Госкомстат РФ. М., 1996. С. 14. Социально-экономическое положение России. Госкомстат РФ. М., Январь 1997. С. 192. Е.М.Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова. Демографическая история России 1927-1959. М. 1. Население России за 100 лет (18 97-1997). М., 1998. С. 32-34, 84-85. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2002 году. М.: Госкомстат, 2003.

За период 1992–2001 гг. естественная убыль российского населения составила 7,7 млн. чел. (в самые последние годы более чем по 900 тыс. чел. ежегодно). При этом устойчивый отрицательный

прирост населения наблюдается в подавляющем большинстве субъектов Федерации (77 из 89).

Нынешний глубокий демографический кризис следует рассматривать шире, чем просто процесс депопуляции населения, переживаемом практически всеми развитыми странами мира. Он связан с ухудшением всех демографических показателей: быстрое снижение рождаемости, сокращение брачности и рост разводимости, снижение средней продолжительности жизни, резкий рост смертности, в первую очередь, среди мужчин трудоспособного возраста, сохранение относительно высокой младенческой смертности, относительно высокие показатели эмиграции, приводящей, в частности, к «утечке умов», и как результат — устойчивая абсолютная убыль населения, ухудшение качественных его характеристик, кризис семьи и нарастающее старение населения. Важную роль в формировании предпосылок для демографического кризиса сыграли политические и социально-экономические преобразования 1990-х гг., а в самом ближайшем будущем тенденции демографического развития могут стать препятствием для осуществления экономических программ. В непомерную тяжесть для бюджета могут превратиться социальные расходы, связанные с постарением населения, а некоторые регионы просто обезлюдеют.

В этих условиях миграционный прирост может показаться «панацеей» для улучшения ситуации и обеспечения роста населения. Действительно, чистая миграция в Россию в 1992–2002 гг. составила 3,4 млн. чел, и таким образом почти наполовину компенсировала естественную убыль населения (см. табл. 8). Однако уповать только на то, что миграция выведет Россию из демографического кризиса, по крайней мере, наивно.

Прогнозы авторов ежегодного демографического обзора России свидетельствуют о том, что только для того, чтобы вновь достичь режима простого воспроизводства, в России ежегодное сальдо миграции должно быть устойчиво положительным и составлять от 700 тыс. до 1,7 млн. чел. (по разным сценариям) (Население России 2000, С. 143). Ясно, что такая перспектива нереальна (в 2001 г. миграционный прирост в Россию составил 72 тыс. чел.!).

Иммиграция может лишь сгладить в определенной мере существующий демографический кризис, что само по себе, конечно, важно, смягчить отрицательные демографические последствия, в определенной мере решить отдельные региональные демографические проблемы, но не более. Пример развитых стран убедительно показывает, что миграция может быть относительно эффективным средством лишь в условиях депопуляции⁹. Выход из демографиче-

⁹ На наш взгляд депопуляция — это суженное воспроизводство населения, при котором каждое новое поколение не восполняет предыдущее. Это процесс, который может наблюдаться довольно длительное время и не обязательно сопро-

ского кризиса в России и ее дальнейшее поступательное развитие возможны только при комплексном подходе, а именно: стимулировании роста рождаемости или, по крайней мере, ее стабилизации; уменьшении смертности; привлечении мигрантов; формировании отношения к человеческой жизни как самой главной ценности государства. В соответствии с этим и следует разрабатывать меры демографической политики в целом и миграционной политики, в частности.

В то же время на определенных отрезках времени и для решения конкретных задач международная миграция может сыграть положительную роль. Так, уже через 7-8 лет Россия столкнется с абсолютным сокращением численности рабочей силы, поскольку в трудоспособный возраст будут вступать немногочисленные родившиеся в кризисные годы распада СССР, а выходить из трудоспособного возраста многочисленные когорты послевоенного поколения. И это будет не просто проявлением очередной демографической волны: впоследствии число вступающих в трудоспособный возраст будет устойчиво меньше, чем число выходящих из него. По крайней мере, отчасти это сокращение численности национальной рабочей силы может быть компенсировано за счет привлечения иностранных работников. Эти и другие вопросы и должны были быть заложены в основу миграционной политики, концепция которой, несмотря на почти 5-летние дискуссии по ней, так и не принята до сих пор, как нет и стратегического государственного мышления в этой области, и пример шарахания от одной крайности в виде вынужденной миграции к другой крайности — нелегальной миграции — наглядное тому подтверждение.

Миграционная политика

После распада СССР и сохранения относительно прозрачных границ на постсоветском пространстве Россия за короткий исторический период времени испытала на себе явление международной миграции населения во всем его многообразии. Фактически это застало страну врасплох. С одной стороны, все попытки сформулировать целостную государственную *концепцию миграционной политики* (или хотя бы ориентиры отношения к международной миграции в общегосударственном масштабе) оказались несостоятельными.

вождаться отрицательным естественным приростом, а тем более абсолютной убылью населения. В Германии, например, депопуляция наблюдается с конца 1960-х гг., однако, естественная убыль населения измеряется вот уже много лет сотыми долями процента и это не дает оснований зафиксировать «глубокий демографический кризис» в Германии. В России же ситуация имеет качественно иной характер. Подробнее по этому вопросу см, напр., Население России на рубеже XX–XXI веков. М., 2002. С. 370-382.

С другой стороны, сказалось практически полное отсутствие опыта регулирования *международной* миграции. Миграционная политика в СССР в течение многих десятилетий была сведена к управлению миграционными потоками *внутри страны*, а в области международных миграций носила преимущественно административный характер запретов и ограничений.

Импульсивная реакция государственных служб на появление массовых стихийных — уже межгосударственных — миграционных потоков после распада СССР была негативной, ее лейтмотив формировался в рамках нежелательности, опасности как значительного по численности притока населения из соседних стран бывшего СССР, так и оттока российского населения за рубеж.

Другой реакции трудно было ожидать в тех условиях. Стихийные миграционные потоки выступали дополнительным дестабилизирующим фактором в условиях глубокого экономического и политического кризиса. Еще не появилось серьезных исследований и научных работ, всесторонне анализирующих феномен международной миграции в России в ее взаимосвязи с экономическим и демографическим развитием страны. То есть работ, которые могли бы быть положены в основу разработки долгосрочной рациональной государственной стратегии в области миграционной политики. Не было также кадров, которые могли бы грамотно такую политику осуществлять (собственно и в настоящее время подготовке и переподготовке специалистов в этой области уделяется очень мало внимания).

Серьезным просчетом в формировании новых межгосударственных отношений явилось то, что не была гарантирована преемственность основных гражданских прав для желающих переехать из одной бывшей союзной республики в другую.

Был пропущен момент, когда необходимо было безотлагательно заключить двусторонние соглашения о гарантировании прав соответствующих этнических меньшинств, находящихся на территории новых государств. И здесь основную роль могла бы сыграть именно Россия, потому что этнических русских на территории окраинных республик СССР было расселено за все время существования единого государства не один десяток миллионов человек.

В то же время миграция нарастала и требовала действий со стороны государства. В 1992 г. была создана Федеральная миграционная служба РФ. Однако ее деятельность была сконцентрирована почти исключительно на беженцах и вынужденных переселенцах. При этом различие между внутрироссийскими мигрантами, бежавшими из «горячих точек» и зон этнических конфликтов, и международными мигрантами, переселявшимися в Россию из соседних стран бывшего Советского Союза, практически не проводилось.

В 2000 г. ФМС была ликвидирована, и функции управления миграционными процессами были переданы Министерству по делам

Федерации, национальной и миграционной политики. Уже само название Министерства предопределяло понимание миграции как внутреннего, а не международного процесса. В октябре 2001 г. Министерство было упразднено и через несколько месяцев осуществление миграционной политики было включено в компетенцию Министерства внутренних дел РФ. Основной целью деятельности этого ведомства в миграционной сфере было провозглашено обеспечение безопасности страны путем пресечения нелегальной миграции.

Конечно, разработка и осуществление эффективных мер в области борьбы с нелегальной и тем более криминальной миграцией в России необходимо. Тот факт, что Россия оказалась включенной в глобальную структурную сеть, превратившую нелегальную переправку людей в прибыльный бизнес, требует больших усилий в пресечении этой незаконной деятельности. Однако по-прежнему неоправданно мало внимания уделяется другим видам международной миграции, прежде всего экономической и, в первую очередь, трудовой.

Актуальность этой темы объективно возрастает, и не исключено, что следующее изменение ориентиров российской миграционной политики выдвинет на первый план регулирование именно трудовой миграции. Неизбежность этого предопределена рядом обстоятельств.

Первое обстоятельство связано с тем, что, как уже говорилось, в самые ближайшие годы Россия столкнется с ощутимым дефицитом трудовых ресурсов вследствие сложившейся возрастной структуры населения и тенденций демографического развития. В этих условиях привлечение иностранной рабочей силы станет одной из приоритетных задач миграционной политики. Причем если государство не отладит механизм легального временного трудоустройства иностранных граждан, оно все равно получит тех же трудовых мигрантов, но в нелегальном статусе, теряя при этом как контроль над передвижением населения, так и экономические выгоды, например, в виде налоговых поступлений. Нарастающая в самые последние годы волна трудовой миграции в Россию из центрально-азиатских государств дополняет уже сложившиеся миграционные потоки из Украины, Китая, государств Закавказья и делает задачу регулирования международной трудовой миграции еще более актуальной.

Второе обстоятельство связано с изменением европейского миграционного пространства. В России (как и в Украине, например) сложилась определенная прослойка граждан, жизнь и трудовая деятельность которых прочно связаны с поездками в другие страны. Это и челноки, и сезонные рабочие, и мигранты-контрактники. Есть оценки, которые определяют численность российских граждан, заработки которых связаны с зарубежными поездками, в 2–2,5 миллионов человек (это примерно треть занятых в неформальном сек-

торе экономики России). Многие из них сориентированы на страны Восточной и Центральной Европы, которые в ближайшее время станут членами Европейского Союза. Неизбежное ужесточение режима границ либо оставит многих из этих россиян без доходов, либо превратит их в нелегалов на территории ЕС. Чтобы этого избежать, представляется важным на межгосударственном уровне поиск форм обеспечения легитимного поля миграции, тем более что в некоторых из принимающих стран Центральной и Восточной Европы присутствие дешевой иностранной рабочей силы из соседних восточных стран стало структурным элементом ряда отраслей экономики. Как в свое время угольные шахты Рурского бассейна в Германии во многом зависели от присутствия польских рабочих, так сейчас швейная промышленность Польши (в некоторых регионах) значительно повысила свою конкурентоспособность благодаря нелегальным украинским и российским женщинам-мигрантам.

Сейчас проблемы формирования миграционной политики в России все чаще поднимаются в научных и политических дискуссиях, в средствах массовой информации. Миграционная политика, отвечающая потребностям реально складывающейся миграционной политики в стране, стала насущной необходимостью. Тот факт, что по масштабам и последствиям первое место в России сегодня занимает уже не вынужденная миграция (проблемы которой, впрочем, так и не были решены), а экономическая миграция и особенно ее нелегальная составляющая, заставляет искать новые подходы и решения. Не может не учитываться миграционной политикой и меняющаяся ситуация в мире, в частности, расширение зоны Евросоюза до границ России.

Наконец, очень важным вопросом остается продолжающееся ухудшение демографической ситуации и роли миграции в ее стабилизации, что непосредственно выходит и на проблемы национальной безопасности государства. Острой остается и проблема российских соотечественников (хотя и принят специальный закон «Государственной политики в отношении соотечественников за рубежом»), причем в первую очередь тех, кто проживает в странах дальнего зарубежья, моральная и экономическая политика со стороны которых могла бы сыграть существенную роль в экономическом развитии России (пример Китая лучшее тому подтверждение).

В то же время решение новых задач, встающих перед необходимостью разработки и принятия миграционной политики, тормозится сохраняющимся непониманием сути современной международной миграции в России, непроработанностью законодательства в сфере регулирования международной миграции, отсутствием законов, гарантирующих обеспечение прав мигрантов (как находящихся на территории России, так и российских граждан, выезжающих за рубеж), несмотря на то, что за последние 10 лет в России было при-

нято столько законов, постановлений, указов и положений в области миграции, сколько ни в одной стране мира за последние 30 лет.

И, главное, российское государство должно наконец определиться в стратегическом направлении разрабатываемой миграционной политики, учитывающей, конечно, вопросы экономического, демографического, этнического и других аспектов развития России. Но в основу которой закладывается понимание того, что *миграция — это благо для России, а не зло, против которого надо бороться, используя весь мощный репрессивный аппарат.*

Литература

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. (1998) Этносоциология. М.
2. Билсборроу Р.Е., Хьюго Г., Обераи А.С., Злотник Х. (1999) Статистика международной миграции. Рекомендации по совершенствованию систем сбора данных. Международное бюро труда, М., Academia (перевод с английского).
3. Введение в демографию (2002) / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС.
4. Зайончковская Ж.А. (2001) Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности // В кн. Трудовая миграция в России. Миграция населения. Выпуск 2 / Под общей ред. О.Д. Воробьевой. Приложение к журналу «Миграция в России». М.
5. Гельбрас В.Г. (2001) Китайская реальность России. М.: ИД «Муравей».
6. Дятлов В.И. (2000) Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М.: «НАТАЛИС».
7. Ивахнюк И.В. (1999) Опыт государственного регулирования международной трудовой миграции (на примере Турции) // В кн.: «Международная миграция населения: Россия и современный мир», выпуск 2. М.: Диалог МГУ.
8. Ивахнюк И.В. (2000) Взаимодействие России и Турции в области международной трудовой миграции // В кн.: «Международная миграция населения: Россия и современный мир», выпуск 4. М.: Диалог МГУ.
9. Ионников О.А. (1993) Эмиграция научных кадров из России: сегодня и завтра. М.
10. Ионцев В.А. (1992) Мировые миграции. М.: Знание.
11. Ионцев В.А. (1996) Проблемы «утечки умов» в России (методологические аспекты изучения) // Вестник МГУ, Серия «Экономика», № 5.
12. Ионцев В.А., Магомедова А.Г. (1999) «Внешняя» миграция между Россией и странами ближнего зарубежья (исторический обзор) // В кн.: «Международная миграция населения: Россия и современный мир», выпуск 2. М.: Диалог МГУ.

13. Ионцев В.А. (1999) Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог МГУ.
14. Ионцев В.А. (2001) Международная миграция // В серии «Миграция населения». Выпуск 3 / Под общей редакцией О.Д. Воробьевой. Приложение к журналу «Миграция в России», М.
15. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окорочков А.В. (2001) Эмиграция и репатриация в России. М.
16. Ионцев В.А. Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России (2002) / Под ред. В.П. Колесова. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС.
17. Кабузан В. (1996) Русские в мире. С.-Петербург.
18. Кабузан В.М. (1998) Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX вв. М.
19. Каменский А.Н. (1999) Проблемы международного трудового обмена и Россия. М.: Московский общественный научный фонд.
20. Красинец Е.С. (1997) Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. М.
21. Красинец Е.С., Кубишин Е.С., Тюрюканова Е.В. (2000) Нелегальная миграция в Россию. М.: Academia.
22. Линдерт П. (1992) Экономика мирохозяйственных связей. Глава 23: Международное перемещение трудовых ресурсов. М.: Прогресс.
23. Ломоносов М.В. (1986) Избранные произведения. Т. 2. М.: Наука.
24. Мкртчян Н. (2001) Источники информации о миграции в России // В серии Миграция населения. Выпуск 1: Теория и практика исследования. М.
25. Народонаселение. Энциклопедический словарь (1994) М.
26. Население России 2000 (2001) Восьмой ежегодный демографический доклад / Ответственный редактор А.Г. Вишневский. М.
27. Население России на рубеже XX–XXI веков: проблемы и перспективы (2002) / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М.: МАКС-Пресс.
28. Плетнев Э.П. (1962) Международная миграция рабочей силы. М.: Наука.
29. Радаев В. (1999) Теневая экономика России. Изменение контуров // Pro et Contra, Зима.
30. Рыбаковский Л.Л. (1991) Население Дальнего Востока за 150 лет. М.
31. Рязанцев С.В. (2001) Вынужденная миграция в Европе: современные тенденции и проблемы управления // В сб.: Вынужденная миграция. Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир», выпуск 6. М.: МАКС-Пресс.
32. Социально-экономическое положение России (2001) Статистический сборник. М.: Госкомстат.
33. Староверов О.В. (1993) Миграция: объединение микро- и макро-подходов // Экономика и математические методы, №3. С. 426–435.
34. Стокер П. (1996) Работа иностранцев: Обзор международной миграции рабочей силы М.: Academia (перевод с английского).

35. Топилин А.В. (2002) СНГ: демографический потенциал, миграция, рынок труда. М.: «Экон-информ».
36. Трудовая миграция в России (2001) // В серии Миграция населения. Выпуск 2 / Под общей редакцией О.Д. Воробьевой. Приложение к журналу «Миграция в России». М.
37. Ушкалов И.Г., Малаха И.А. (1999) «Утечка умов»: масштаб, причины, последствия. М.: Наука.
38. Ушкалов И.Г. (1999 а) Эмиграция и иммиграция: российский феномен // В кн.: «Международная миграция населения: Россия и современный мир», выпуск 2. М.: Диалог МГУ.
39. Федеральная миграционная служба (2002). Информационно-статистический сборник. №1. М.: ФМС МВД РФ.
40. Чудиновских О.С. (2001) Состояние и перспективы текущего учета миграции в России // В кн.: Статистика и учет миграции населения. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир», выпуск 8. М.: МАКС Пресс.
41. Чудиновских О.С., Жулин А.Б. (2001) Экономико-демографические аспекты челночного бизнеса в России. М.
42. Чупров А.И. (1911) История политической экономии. Ученые труды. Ч. 3. Вып. 1. М.
43. Appleyard, Reginal T. (1991) International Migration: Challenge for the Nineties. Geneva.
44. Borjas G (1999) Heaven's Door. Immigration Policy and American Economy. Princeton, New Jersey.
45. Chesnais J.-C. L'émigration soviétique: passé, present et avenir // Migrations internationales: le tournant. Paris, OCDE.
46. Constant A. and D.S. Massey (2002) Return Migration by German Guestworkers: Neoclassical Versus New Economic Theories // International Migration. Vol. 40, №4. Pp. 5–38.
47. Demeny, Paul (2002) Prospects for International Migration: Globalization and its Discontents // Journal of Population Research, Vol.19 №1.
48. International Migration (2002) UN, New York, October 2002.
49. Van de Kaa, Dirk J. (1993) European Migration at the End of History // European Review, №1. Pp. 87–108.
50. Kritz, Mary H. (2002) Time for National Discussion on Immigration // International Migration Review, Vol. 36, №1. Pp. 33-36.
51. Les migrations internationales (2002) // Cahiers français, No : 307, Mars-Avril 2002.
52. Okolski, Marek (2000) Illegality of International Population Movements in Poland // International Migration, Vol. 38 (3). Pp. 57–90.
53. Poulain, Michel et Herm, Anne (2002) Les flux migratoires internationaux en Europe // Futuribles, №279. Pp. 5–28.
54. UN Demographic Yearbook 1978. UN, New York.
55. Zlotnik, Hania (1998) International Migration 1965–96: An Overview // Population and Development Review, Vol. 24, №3. Pp. 429–468.

О МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ И КОНЦЕПЦИИ ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

О концепции второго перехода

Если бы меня попросили составить список демографических публикаций, которые произвели на меня наибольшее впечатление и были мне наиболее полезны, это оказался бы весьма многообразный список. Несомненно, он отражал бы разные этапы моей профессиональной жизни и различные регионы, в которых я работал. Центральной работой был бы доклад, представленный историком культур Филиппом Арье (Philippe Aries) на конференции по теории рождаемости, организованной Международным союзом научных исследований в области народонаселения (IUSSP) и членами демографического сообщества Германии в 1980 г. в Бад Гомбурге (Эссен, Германия). В этом докладе, озаглавленном «Две убедительные мотивации снижения уровня рождаемости на Западе», Арье доказывает, и весьма убедительно, что снижение рождаемости, возобновившееся в западноевропейских странах после середины 1960-х гг., не может быть объяснено как простое продолжение процесса, начавшегося в конце 18 века. По его мнению, внутренние мотивации этого абсолютно иные, если не прямо противоположные. При первом снижении рождаемости родители сокращали размер семьи для того, чтобы иметь возможность «делать вложения» в своих детей. Они пытались дать им хороший жизненный старт, они хотели быть в состоянии оплатить их образование. Где это было необходимо, они ставили эмоциональное благополучие детей выше своего собственного. Например, супружеская пара не разводилась, даже если любовь между ними давно угасла. В противоположность этому, второе снижение рождаемости, по мнению Арье, было отражением того факта, что время *l'enfant roi* — ребенка-короля — закончилось. Поколения, которые родились после 1940-х гг., ввели нас в новую эпоху, одной из черт которой стало значительное понижение роли ребенка. Ребенок не исчез из жизненных планов родителей, но стал лишь одним из элементов, которые помогали «взрослым процветать как личностям» (Aries, 1980, p. 130).

Вполне объяснимо, что Арье сфокусировал свое внимание почти исключительно на ребенке. Он не просто написал главную книгу о месте детей в обществе во все времена, но им были впервые описаны и обоснованы новые демографические тенденции в области рождаемости в более развитых обществах. В первой совместной статье, написанной на голландском языке (которую по этой причине, видимо, реже читают и реже на нее ссылаются), Лестег и ван де

Каа (Lesthaeghe and van de Каа, 1986) отметили, что менялся не только уровень рождаемости. Очевидно, что происходили важные изменения в структуре семьи. Они посчитали это изменением модели семьи: на смену «буржуазной» модели семьи приходила «индивидуалистическая» модель (там же, р. 19). Возросшее число разводов, сожитительство и внебрачная рождаемость были проявлениями этих самых перемен в модели семьи. Они использовали термин *второй демографический переход* для того, чтобы подчеркнуть, что Европа вошла в новую фазу своего демографического развития. Однако две другие составляющие роста населения — смертность и миграция — не затрагивались в этих первых публичных дискуссиях. Первая попытка включить и их в анализ, относится к декабрю 1988 г. (Van de Каа, 1988, р. 27).

О месте международной миграции

Простейшая формула, используемая в демографии, это так называемое уравнение баланса. Оно заключается в основополагающем утверждении, что численность населения, проживающего в данном месте в конце определенного периода времени, равняется численности населения в начале этого периода плюс число рождений и иммигрантов, имевших место в течение этого периода, и минус число смертей и эмигрантов, имевших место за тот же период времени:

$$P_{t+1} = P_t + (B + I)_{t-t+1} - (D + E)_{t-t+1}.$$

Существует несколько причин, по которым это уравнение является столь интересным и фундаментальным. Первая заключается в том, что оно устанавливает взаимосвязь между всеми тремя компонентами роста населения. Вторая заключается в его названии. «Уравнение баланса» не просто устанавливает факт; оно несет в себе допущение, что взятое за больший период времени оно сохранит приблизительное равновесие. Понятно, что колебания могут случаться, и они случаются, но они временны. Третья причина происходит из того, что обычно считается, что связь между рождаемостью и смертностью крепче, чем связь между этими двумя компонентами естественного роста населения и миграцией. В конце концов, первые два в гораздо большей степени внутренне присущи изучаемому населению.

Положения уравнения баланса, похоже, сыграли главную роль в демографической оценке снижения рождаемости, которое началось в Европе — в большей степени это касалось Франции и Венгрии — в конце XVIII века. Тогдашние французские ученые расценили добровольное ограничение брачной рождаемости как революционное новшество, тем не менее, термин «демографическая революция» не нашел поддержки в международной демографической литературе. Под воздействием работ весьма влиятельных американских ученых,

таких как Кингсли Дэвис (Kingsley Davis), Дадли Кирк (Dudley Kirk) и Фрэнк Ноутстейн (Frank Notestein), этот процесс получил название «демографический переход». Что означает переход от состояния квази-равновесия, сочетающего высокую рождаемость и высокую смертность, к новому состоянию квази-равновесия, возникающему при низких уровнях и смертности, и рождаемости, при этом последняя находится на уровне простого воспроизводства или весьма близко к нему. Снижение смертности определялось как фактор, «ответственный» за временное нарушение баланса и временный период быстрого роста населения. Когда завершился процесс снижения рождаемости, все опять встало на свои места. Нет необходимости говорить о том, что не было никаких эмпирических данных для того, чтобы подтвердить это предположение, но в тот момент это было не так важно. Это была захватывающая теория, я бы даже сказал захватывающая повесть или рассказ, и у меня никогда не было причин ставить ее под вопрос. Последствием появления нового подхода стала дискуссия по поводу «перехода» и условий, необходимых для того, чтобы он наступил, при этом внимание было приковано преимущественно к факторам естественного роста населения. Конечно, различные авторы признавали, что эмиграция играла некую незначительную роль, когда речь шла об излишнем приросте населения во время перехода. Однако в графиках, претендующих на изображение модели демографического перехода, бросалось в глаза отсутствие переменной величины чистой миграции.

Когда я готовил свой вступительный доклад к открытию Европейской конференции по народонаселению в Гааге в 1999 г., это показалось мне странным, и я попытался усовершенствовать свой подход. Рис. 1 представляет собой график, который я тогда нарисовал. Строя кривую чистой миграции, я в значительной степени опирался на очень интересную статью Хаттона и Вильямсона (Hatton and Williamson, 1994) о тенденциях европейской миграции в Америку. На основании своего исследования они выделили четыре фазы миграционных потоков из Европы через Атлантический океан. После начала миграции ее объем резко возрастает до тех пор, пока, спустя некоторое время, не происходит насыщение. Затем поток сокращается, сначала медленно, затем быстрее, так что в конце концов остается лишь тонкая струйка. Авторы назвали эти этапы соответственно: *вводная фаза, фаза роста, фаза насыщения и фаза спада*. Они сумели связать эти фазы с теми меняющимися социальными и экономическими обстоятельствами, с которыми потенциальные мигранты сталкиваются как в своей стране, так и в стране назначения. Например, поначалу значительные различия в заработной плате создавали мощный стимул к миграции, но намерение мигрировать сокращалось по мере того, как эти различия уменьшались. К концу цикла на первый план выходят другие мотивы. Например, очень важным стимулом к миграции становится наличие

родственников, которые уже мигрировали ранее и готовы принять вновь приезжающих. Очевидно, даже тогда, когда процесс идет «естественным путем», число мигрантов падает, по мере исчезновения неравенства.

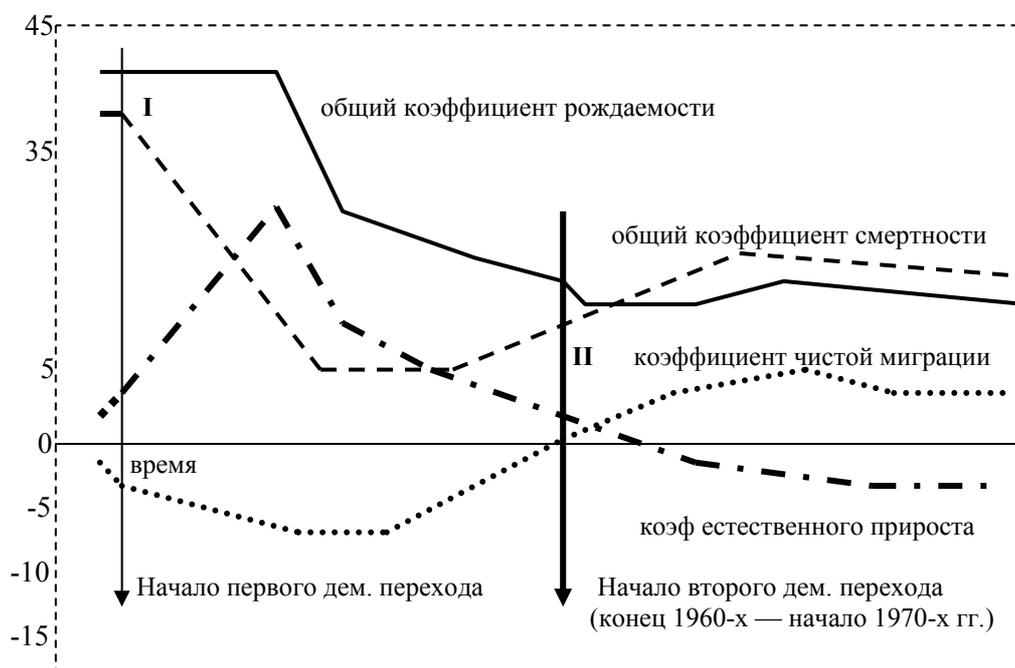


Рисунок 1. Модель первого и второго демографического перехода

Источник: ван де Каа, 1999.

Есть большое искушение провести параллель между тем миграционным процессом и процессом, который в настоящее время происходит на европейской сцене. В Северной и Западной Европе *вводная фаза* должна была начаться с набора неквалифицированной рабочей силы по так называемым схемам гастарбайтеров в начале и середине 1960-х гг. Гастарбайтеров привлекали официально, и, как это предполагалось и в посылающих, и в принимающих странах, они должны были вернуться на родину по завершении контракта. Наборы осуществлялись обычно в наименее престижных районах Турции или Марокко; они обеспечивали доставку рабочей силы из тех регионов, в которых наблюдалось излишнее ее предложение, в те регионы, где производству не хватало рабочих рук. Последнее происходило, по крайней мере отчасти, из-за того, что предлагаемые рабочие места не могли дать местным рабочим того статуса или дохода, на который бы они согласились. В Южной Европе *вводная фаза* началась позже; она охватила также возвращение на родину эмигрантов, проработавших некоторое время в Западной и Северной Европе. В Центральной и Восточной Европе начало первой фазы относится в целом к ноябрю 1989 г., хотя граждане тех стран, с которыми существовали особые связи (Куба, Северный Вьетнам), стали гастарбайтерами в этих регионах Европы гораздо раньше.

О региональных различиях

По моему мнению, большая часть Европы сейчас находится в *фазе роста*, однако, со значительными различиями в плане времени и интенсивности процесса. В Западной и Северной Европе *фаза роста* началась, когда начался процесс воссоединения семей или образования семей первого поколения мигрантов и их детей. В ряде бывших колониальных держав (Франция, Великобритания, Нидерланды, Португалия) этот процесс получил дополнительный стимул из-за присутствия граждан, которые поселились в метрополии на заре послевоенного процесса деколонизации. В Германии так называемые **Aussiedler** и **Ubersiedler** оказали значительное влияние на растущее число иммигрантов, но, как и везде, с начала 1990-х гг. мигранты прибывают из гораздо большего числа стран. Так называемыми «новыми» миграционными странами стали Иран, Афганистан, Сомали и многие другие государства мира, где диктаторы и / или коррумпированные режимы тормозят социально-экономический прогресс и угнетают права человека. Новые мигранты стремятся въехать как беженцы, выбирают пути нелегального въезда, превышают срок пребывания сверх установленного визой и чаще всего пытаются найти средства к существованию в неформальном секторе экономики. С течением времени воздействие второго демографического перехода на численность когорт, вступающих в трудоспособный возраст, также начинает играть важную роль. В результате длительного снижения рождаемости предложение рабочей силы в странах назначения становится более ограниченным. Это уже привело к нехватке рабочей силы во многих секторах экономики. Особенно ощутима нехватка няnek, сиделок и вообще медицинского персонала, работников общественного транспорта, уборщиц, а также занятых в садоводстве. Есть примеры, когда отсутствие хорошо подготовленной национальной рабочей силы вынуждало государство даже возобновить практику организованного набора иностранной рабочей силы.

В Центральной и Восточной Европе ситуация более сложная. После того, как 1 апреля 1991 г. формально закончилось военное давление Советского Союза на страны Центральной и Восточной Европы, эти государства стали потенциальными поставщиками мигрантов. В ряде западных государств мигранты из Восточной Европы ныне составляют необходимую часть рабочей силы. Особенно это касается таких секторов, как уход за детьми, строительство, а также сезонные работы, например, сбор спаржи или винограда. Временные мигранты также часто вовлечены в мелкую торговлю и аналогичную деятельность, например, перевоза потребительские товары, купленные на Западе, с целью перепродажи их своим друзьям и родственникам с небольшой прибылью. Более того, государства Центральной и Восточной Европы сами стали гораздо бо-

лее привлекательными для иммигрантов: по отдельности — как страны назначения или как регион — в качестве транзитной зоны для мигрантов из множества государств. Российская Федерация пережила особенно глубокие перемены в миграционной ситуации. После распада Советского Союза в 1991 г. в Россию хлынули волны «возвращающихся» граждан. В течение некоторого времени эти миграционные потоки были самыми многочисленными на континенте (UN / ECE, 1995).

Наблюдается все большее сходство миграционной ситуации в индустриальных странах Северной Америки и Океании и государствах Европы. Возросло число стран выезда; мигранты, пытающиеся въехать в более развитые государства как лица, ищущие убежище, или вообще без документов, составляют все большую долю от общего числа въезжающих; контрабандный ввоз мигрантов, особенно женщин, стал трудноразрешимой проблемой; молодежь, мигрирующая на свой страх и риск, становится все более многочисленной. Даже Япония находит невозможным держать границы абсолютно закрытыми. Глобализация оказывает воздействие на все передовые индустриальные страны, и все они испытывают изменения возрастной структуры вследствие продолжительного периода низкой рождаемости и роста продолжительности жизни. Это несомненно делает теорию второго демографического перехода более широко применимой.

О будущих миграционных тенденциях

Предвидение будущего остается рискованным делом. Вот четыре наиболее безопасных предсказания относительно будущих тенденций международной миграции:

1. Наиболее экономически развитые страны будут продолжать испытывать сильное миграционное давление на свои границы еще в течение некоторого времени.
2. Поскольку они также будут испытывать потребность в иностранной рабочей силе, они будут пытаться навести порядок в отношении притока иммигрантов и держать его под контролем.
3. Чем больше миграционные проблемы европейских стран будут схожи с проблемами традиционных стран иммиграции, тем больше будет схожа их миграционная политика.
4. В конечном итоге миграционная политика всех европейских стран будет отражать их статус «стран иммиграции» *de facto*. Однако ввиду сильного — и, видимо, все более усиливающегося — сопротивления по отношению к иммигрантам среди электората, эта политика будет носить жесткий ограничительный характер.

Эти четыре соображения приводят к выводу о том, что миграционные процессы, которые в настоящее время воздействуют на европейские страны, не пройдут в исторической последовательности все фазы, выделенные Хаттоном и Вилльямсоном. Пик *фазы роста* серьезно не дотянет до потенциально возможного. *Насыщения* вообще не произойдет; вместо нее будет наблюдаться длительный период весьма скромных показателей чистой иммиграции. Отсюда и полуслияние линий, представленных во второй части рис. 1.

Перевод с английского И.В. Ивахнюк

Литература

1. Ariès Philippe (1980) Two successive motivations for the declining birth rate in the West // Population and Development Review, № 6 (4), pp. 645–650.
2. Economic Commission for Europe (1995) Economic Survey of Europe in 1994–1995 // United Nations, New York and Geneva.
3. Hatton Timothy J. and Jeffrey G. Williamson (1994) What drove mass migrations from Europe? // Population and Development Review, № 20 (3), pp. 533–561.
4. Lesthaeghe Ron and Kaa Dirk J. van de (1986) Twee demografische transitities? // in Bevolking: Groei en Krimp / Dirk J. van de Kaa and Ron Lesthaeghe (eds). Van Loghum Slaterus, Deventer. pp. 9–25.
5. Kaa Dirk J. van de (1988) The Second Demographic Transition Revisited: Theories and Expectations // PDOD Werkstukken No. 109, Amsterdam (abbreviated version published in Population and the Family in the Low Countries, 1993).
6. Kaa Dirk J. van de (1999) Europe and its Population; the Long View // in European Populations: Unity in Diversity / Dirk J. van de Kaa et. al. (eds.). Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, pp. 1–49.

СОВРЕМЕННОЕ УЧАСТИЕ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Введение

В данной статье ставится задача раскрыть позицию России на международном рынке труда. Для этого показана ситуация в области экспорта рабочей силы из России по основным странам, демографические характеристики трудовых мигрантов, их состав по образовательному уровню, роду и стажу профессиональной деятельности, а также по регионам выезда.

Аналогичному анализу подвергнут импорт рабочей силы в Россию, что позволяет сделать ряд интересных выводов относительно особенностей участия России в международном трудовом обмене и перспективности этого процесса.

Однако особенности статистического учета трудовой миграции в России позволяют учитывать в качестве временных трудовых мигрантов только тех, кто выехал либо через посреднические фирмы, имеющие лицензию, выдававшуюся Федеральной Миграционной Службой (1999–2001 гг. — Министерством по делам Федерации, национальной и миграционной политики РФ; после 2001 г. — Миграционной службой Министерства внутренних дел РФ). Посредническим фирмам было вменено в обязанность предоставлять сведения о численности трудоустроенных ими за рубежом, их возрасту, полу, профессиональному стажу, странам, куда они выезжали работать, и сроку, на который заключен контракт. Вся эта статистика продолжает выпускаться и сейчас.

С другой стороны, лица, которые выезжают за рубеж не на правах временных трудовых мигрантов, а на постоянное место жительства, учитываются в публикациях Государственного комитета по статистике, и их численность составляет от 60 до 120 тысяч в последние десятилетия. Они не анализируются в данной статье по нескольким причинам. Во-первых, на постоянное место жительства уезжают вместе с семьями, часть которой может состоять из нетрудоспособных членов семьи (детей, престарелых родителей). Во-вторых, большая часть не имеет контрактов на работу за рубежом, а в лучшем случае некие договоренности, тогда как посреднические фирмы обязаны подавать в Миграционную службу сведения о тех, кто уехал по подписанному контракту и, более того, они не имеют права направлять на работу без предварительно подписанного контракта. В-третьих, Госкомитет по статистике не дает информации по характеру работы, стажу, квалификации работника отрасли применения и т. д., то есть всего того, что является предметом нашего анализа.

Кроме того, существует и третий канал учета отъезжающих. Это статистика пограничных органов о числе лиц, пересекших границу. В этом потоке учитываются туристы, дипломаты, спортсмены, едущие на соревнования, частные визиты, служебные командировки, учебные обмены и т. д. Здесь же проходят, видимо, и нелегальные трудовые мигранты, которые выезжают по одной из целей, перечисленных выше, и пытаются найти (и часто находят) временную работу, а затем некоторые из них пытаются легализоваться в стране пребывания. Этот миграционный поток также не анализируется в данной статье.

Кроме того, в статье не анализируются беженцы, которые трудоустраиваются не одновременно с приездом и не всегда легально (подробно см., например, Зайончковская, 1997). Нелегальное трудоустройство также выходит за рамки данной статьи. Численность нелегально работающих определяется в основном на базе экспертных оценок (например, Красинец, 1997), а не статистикой.

Таким образом, мы опираемся в нашем исследовании на статистику Миграционной службы, которая охватывает основную группу временных легальных трудовых мигрантов и не включает членов их семей, не имеющих контракта на работу на момент въезда.

Что касается иностранной рабочей силы, то механизм ее использования в России подробно будет описан ниже. Сейчас достаточно сказать, что источником изучения иностранной рабочей силы является статистика на базе учета Миграционной службы, выданных ею разрешений на использование иностранной рабочей силы по странам происхождения, возрасту мигрантов, отраслям и регионам их использования.

Это противоречит устоявшимся взглядам о том, что в постсоциалистических странах мало данных для подробного анализа миграции. Например, как считает известный специалист Мишель Пулэн (2000), статистические данные, которыми мы располагаем в настоящее время для описания международной миграции в странах Центральной и Восточной Европы, являются весьма ограниченными.

Автор еще раз хочет подчеркнуть хороший уровень статистики, собираемой и распространяемой Миграционной службой России, которая, несмотря на регулярные ведомственные переподчинения, продолжает свою работу. Это и позволяет сделать столь подробный анализ в данной статье.

В современный период для России международная миграция — это не нечто совершенно новое и характерное только для 1990-х гг. Говоря об историческом опыте России, отметим лишь, что с конца XIX века и вплоть до первой мировой войны Россия активно привлекала иностранных рабочих (греков и персов на юго-востоке страны и побережье Каспия, китайцев, японцев и особенно корейцев на Дальнем Востоке и др.) в основном для работы в сель-

ском хозяйстве, рыболовстве и в качестве чернорабочих. В отдельные годы этого периода численность трудовых мигрантов превышала 250 тыс. чел.

Что касается советского периода, то всплески привлечения иностранцев приходится на годы индустриализации и период с середины 1970-х гг. по начало 1980-х гг., когда численность иностранных рабочих и специалистов, главным образом из стран Восточной Европы, Вьетнама, КНДР и Кубы доходила в отдельные годы до 200 тыс. чел.

С 1992 г. начинается новый этап привлечения иностранной рабочей силы в Россию, при этом география стран-экспортеров рабочей силы, в частности, значительно расширяется: от Китая и Кореи до США, Германии, Марокко и многих других стран, включая практически все бывшие республики СССР. К середине 1990-х гг. число стран-поставщиков рабочей силы превысило 120, причем, как это ни парадоксально, доля легальных иностранных рабочих и специалистов из бывших союзных республик, несмотря на недавние тесные хозяйственные связи, языковую общность и другие объективно благоприятные факторы, по данным Федеральной Миграционной Службы РФ, составляет, начиная с 1995 г., меньшую долю в общем числе иностранных работников. Вопреки провозглашаемой идее формирования единого рынка труда стран СНГ, фактически происходит сокращение трудовой миграции из стран ближнего зарубежья, точнее ее легальной составляющей.

Что касается исторического опыта в отношении эмиграции, то и он не менее богат, начиная с эпохи Петра I. Например, в вопросе трудовой миграции складывается примерно такая же картина, что и сто лет назад, когда, став одним из основных поставщиков дешевой рабочей силы как в Европу (только в Германии в 1910–1913 гг. ежегодно работали около 300 тыс. россиян), так и за океан, Россия каких-либо экономических и политических выгод от этого не имела. (Ионцев, Каменский, 1998).

Экспорт рабочей силы из России

В последнее десятилетие экспорт рабочей силы из России приобрел устойчивый, хотя и небольшой по масштабу, характер. Надо заметить, что, вопреки прогнозам многих политических деятелей, журналистов и даже некоторых ученых, Россия не стала крупным экспортером рабочей силы. Несмотря на разницу в зарплатах между Россией и экономически развитыми странами Запада, значительно оттока рабочей силы из России не произошло.

Мы предсказывали это, мотивируя целым рядом причин. Основными из них были: языковой барьер, возникший из-за «железного занавеса», слабая информационная база по трудоустройству за рубежом, почти полное отсутствие опытных посреднических фирм

в России и неблагоприятные условия вхождения российской рабочей силы на международный рынок труда, т.е. россиянам пришлось конкурировать с представителями других стран, многие из которых уже имеют опыт работы в странах приема и пользуются помощью национальных иммиграционных общин.

Таблица 1. Импортёры российской рабочей силы, 2001

№	Страна	Общая численность трудоустроенной РРС	Удельный вес, %
	Всего, в том числе	45759	100,00
1	Кипр	9539	20,85
2	Великобритания	3904	8,53
3	Германия	3894	8,51
4	Греция	3481	7,61
5	Мальта	3100	6,77
6	Япония	2441	5,33
7	Камбоджа	2025	4,43
8	Южная Корея	1746	3,82
9	Либерия	1590	3,47
10	Сингапур	1449	3,17
11	Норвегия	1373	3,00
12	Нидерланды	1260	2,75
13	США	1153	2,52
14	Югославия	861	1,88
15	Панама	732	1,60
16	Португалия	508	1,11
17	Белиз	468	1,02
18	Гонконг	400	0,87
19	Сент-Винсент	396	0,87
20	Бельгия	368	0,80
21	Испания	359	0,78
22	Прочие	4712	10,30

Источник: Сведения о численности и составе российских работников, выехавших на работу за границу за январь-декабрь 2001 г. Форма 1Т Минфедерации РФ. М., 2002.

Рассмотрим трудовую эмиграцию из России по странам. Так, из России в течение 1990-х гг. экспорт рабочей силы шел в одни и те же страны в объемах от 30 до 50 тыс. чел. ежегодно. Следует сразу отметить, что основной группой трудовых мигрантов являются экипажи морских судов, контрактующиеся для работы в иностранных компаниях. Этот факт оказывает влияние и на набор стран, принимающих российскую рабочую силу. Из 13 основных стран-импортёров более половины — 7 стран — являются морскими державами, традиционно ориентированными во многом на российских моряков (Кипр, Великобритания, Греция, Мальта, Япония, Либерия, Сингапур). Их общая доля составляет более 80% всех российских граждан, выехавших на работу за рубеж через посредничество фирм по трудо-

устройству. Следует учесть, что и страны, не являющиеся типично морскими, тоже используют некоторое количество моряков.

Направление российских граждан за рубеж на объекты, строящиеся на условиях подряда, составляет незначительную долю от общего числа и используется в основном в странах, с которыми в период существования СССР были установлены соглашения о технической помощи. Многие объекты, сооруженные в этих странах, до сих пор эксплуатируются с использованием российских специалистов, но уже на коммерческой основе. Это — Мальта, Индия, Пакистан, Йемен, Португалия.

В перспективе, по мере усиления экономических позиций России в отношениях со странами — традиционными торгово-экономическими партнерами, роль экспорта рабочей силы на условиях подряда может быть несколько усилена, но это произойдет только при увеличении экспорта машин и оборудования из России или при возобновлении практики технической помощи России развивающимся странам.

Проанализируем образовательный уровень россиян, выезжающих за рубеж. По данным за 2001 г. высшее образование есть у более чем трети, а среднее специальное — почти у половины выезжающих. Если считать лиц с высшим и средним специальным образованием квалифицированной рабочей силой, то в целом в российском экспорте трудовых ресурсов она составила в 2001 г. 37,5 тыс. чел. из 45,8 тыс., т.е. 82%. Доля квалифицированных кадров в отдельных странах составила: Либерия — 93,8%, Нидерланды — 92,3%, Греция — 91,2%, Кипр — 89,5% (наиболее высокие показатели), в то время как наименьшие показатели оказались в: Республике Корея — 63,4%, Японии — 66,7%, Великобритании — 71,4%, Сингапуре — 78,6%.

Если выделить лиц только с высшим образованием, то их средняя доля в экспорте рабочей силы из России составляет 38,4%, но наиболее «обогащенную» рабочую силу получают США — 66,7%, Либерия — 62,5% и Нидерланды — 61,5%.

Интересно рассмотреть контингент отправляемых за рубеж по стажу профессиональной деятельности. Так, доля лиц, имеющих профессиональный стаж менее 6 месяцев и стаж от 6 месяцев до года, показывает, что страны-импортеры привлекают молодые кадры с минимальным стажем работы, поскольку им требуется способность к адаптации и обучаемости и быстрая реакция. По-видимому, эти работники нужны на вспомогательных и исполнительских работах.

Потребность в таких работниках особенно велика в таких странах, как Южная Корея — 97,8%, Сингапур — 81,0%, Кипр — 77,4%, Германия — 73,7%, Норвегия — 83,7%, США — 73,7%, и намного ниже в таких странах, как Мальта — 32%, Либерия — 44%, тогда как в среднем по всем странам она составляет 48,9%.

**Таблица 2. Численность российских граждан, выехавших на работу за рубеж,
по странам, уровню образования и продолжительности профессиональной деятельности, тыс. чел., 2001 г.**

№	Страна	Всего	Образование		Профессиональный стаж			Удельный вес, %
			Высшее	Среднее специальное	менее 6 месяцев	6–12 месяцев	более 3 лет	
	все страны, в т.ч.	45,8	17,6	19,9	12,4	21,2	8,9	100
1	Кипр	9,5	3,1	5,4	2,1	5,3	1,4	20,85
2	Великобритания	3,9	1,6	1,2	1,0	2,6	0,2	8,53
3	Германия	3,8	1,8	1,6	0,9	2,8	0,1	8,51
4	Греция	3,4	1,4	1,7	0,4	2,1	0,7	7,61
5	Мальта	3,0	1,1	1,4	1,2	0,9	0,7	6,77
6	Япония	2,4	0,4	1,2	1,6	0,2	0,5	5,33
7	Камбоджа	2,0	0,8	1,0	0,7	0,5	0,7	4,43
8	Южная Корея	1,7	0,3	0,8	1,0	0,7	0,0	3,82
9	Либерия	1,6	1,0	0,5	1,2	0,9	0,7	3,47
10	Сингапур	1,4	0,6	0,5	0,1	1,1	0,3	3,17
11	Норвегия	1,4	0,7	0,5	0,3	0,3	0,4	3,00
12	Нидерланды	1,3	0,8	0,4	0,3	0,3	0,4	2,75
13	США	1,2	0,8	0,2	0,8	0,15	0,3	2,52

Примечание: Указаны те страны, где общая численность трудовых мигрантов из России составляет более 1.000 чел.

Источник: Форма 1Т Минфедерации РФ. М., 2002.

Таблица 3.Экспорт рабочей силы по стажу профессиональной деятельности, 2001 г., в % от общего числа

№	Страна	Профессиональный стаж		Всего без опыта, %
		до 6 месяцев, %	от 6 месяцев до года, %	
	Всего	46,8	2,1	48,9
1	Кипр	21,6	55,9	77,4
2	Великобритания	66,2	0,6	66,8
3	Германия	71,3	1,2	97,4
4	Греция	58,9	0,5	59,3
5	Мальта	31,3	0,7	32,0
6	Япония	65,3	10,0	75,3
7	Камбоджа	36,6	27,0	63,6
8	Южная Корея	55,1	42,7	97,8
9	Либерия	4,8	39,2	44,0
10	Сингупур	3,5	77,5	81,0
11	Норвегия	32,8	50,0	83,3
12	Нидерланды	22,9	26,6	49,5
13	США	69,5	4,3	73,7

Источник: Сведения о численности и составе российских работников, выехавших на работу за границу за январь-декабрь 2001 г. Форма 1Т Минфедерации РФ. М., 2002.

По профессиональному составу выехавшие за рубеж на работу через посреднические фирмы распределялись в 2001 г. следующим образом: из общего числа 45,8 тыс. чел. 24,2% (11,1 тыс. чел.) были представителями морских профессий (исключая капитанов судов, которые учтены в категории «руководители»), 17,5% (7,5 тыс. чел.) — инженерно-технические работники, 9% (4,1 тыс. чел.) — работники искусства (в основном музыканты, певцы, танцоры).

Что касается регионального распределения экспорта рабочей силы, то основными регионами выхода трудовых мигрантов традиционно являются: Санкт-Петербург (26% всего количества), Приморский край (14%), Москва (11%), Краснодарский край (12%, в основном порт Новороссийск), а также Хабаровский край (7,6%), Сахалинская область (3,1%).

Импорт рабочей силы в Россию

Общая численность иностранной рабочей силы, используемой по контрактам на территории Российской Федерации, составила в 2001 г. 283 тыс. чел., что примерно на 20% больше, чем в 2000 г. Надо отметить, что иностранная рабочая сила, нанимаемая по контрактам или по межправительственным соглашениям, всегда составляла в нашей стране от 200 до 300 тыс. чел. еще с периода существования СССР, т.е. с 1960-х — 1970-х гг.

В принципе российской экономике больше требуется импорт рабочей силы, чем экспорт. Это ясно видно из соотношения экспорта и импорта рабочей силы в 1990-ые годы, которое постоянно составляло 1 : 5.

Исторический анализ миграционных процессов дает основание сделать вывод о том, что отношения между миграцией и развитием выражаются весьма разнообразно (Таринос, 1974). Между тем все чаще специалисты приходят к выводу о том, что увеличение притока иммигрантов в страну может иметь и негативный эффект, поскольку неквалифицированные мигранты увеличивают нагрузку на социальную сферу (Ионцев, 1999).

Демографические характеристики иностранной рабочей силы в 2000 г. и 2001 г. были примерно одинаковыми. Мужчины составляли около 90% всех работников. Основная доля иностранных работников находится в возрастной группе 30–39 лет (более 33%), в возрастной группе 40–49 лет — около трети, тогда как на возрастную группу 18–29 лет приходится немного менее трети, что указывает на несколько более высокий средний возраст иностранной рабочей силы, используемой в России, по сравнению с общемировым опытом. Интересно, что подобные возрастные приоритеты характерны и для женской иностранной рабочей силы, что тем более необычно для мировой практики.

В течение 1990-х гг. рынок труда России был сориентирован на иностранную рабочую силу одной и той же основной группы

стран, главными из которых являются: Украина (32,4% от общего числа), Китай (13,6%) и Турция (7,4%). Более подробные данные по основным 28 экспортерам иностранной рабочей силы в России в 2001 году приведены в таблице 4.

Таблица 4. Экспортеры иностранной рабочей силы в Россию, чел., 2001 г.

№	Страна	Общая численность привлекаемой ИРС	%
	Экспорт ИРС в Россию, в том числе	283728	100,00
1	Украина	91917	32,40
2	Китай	38611	13,61
3	Турция	20915	7,37
4	Вьетнам	20137	7,10
5	Молдова	13302	4,69
6	республики бывшей СФРЮ	10187	3,59
7	Узбекистан	10058	3,54
8	Таджикистан	10020	3,53
9	КНДР	9941	3,50
10	Армения	8457	2,98
11	Болгария	5709	2,01
12	Грузия	4972	1,75
13	Азербайджан	4415	1,56
14	Казахстан	3606	1,27
15	Литва	2836	1,00
16	Польша	2621	0,92
17	Афганистан	2118	0,75
18	США	1997	0,70
19	Финляндия	1891	0,67
20	Великобритания	1758	0,62
21	Кыргызстан	1721	0,61
22	Индия	1647	0,58
23	Германия	1610	0,57
24	Эстония	1278	0,45
25	Франция	1228	0,43
26	Канада	856	0,30
27	Южная Корея	761	0,27
28	Италия	695	0,24
29	Прочие страны	8464	2,98

Источник: Сведения о численности и составе российских работников, выехавших на работу за границу за январь-декабрь 2001 г. Форма 1Т Минфедерации РФ. М., 2002.

Примечательно, что все основные экспортеры рабочей силы в Россию, т.е. первые в списке 15–17 стран являются странами с избыточным трудоспособным населением.

В небольших количествах (от 500 до 2000 человек) в России используются кадры из ведущих экономически развитых стран, в основном менеджеры или высококвалифицированные рабочие,

в том числе из США, Финляндии, Великобритании, Германии, Франции, Канады, Италии.

Иностранная рабочая сила в 1990-е гг. использовалась в наибольшей степени в строительстве и промышленности, а в начале нового века в строительстве, торговле и промышленности. Так, в 2001 году иностранные граждане работали преимущественно в строительстве (39,1%), в сфере торговли и общественного питания (15,9%), в промышленности (13,0%), сельском и лесном хозяйстве (10,1%), общественной деятельности по обеспечению рынка (7,0%). На вышеперечисленные отрасли приходится 85,1%.

Интересно посмотреть на занятость иностранной рабочей силы в этих отраслях по странам, чтобы выявить «национальные профориентации», замеченные нами и доложенные на ряде российских семинаров и на Международной Конференции по демографии афро-азиатских стран в Каире в 1996 г.

Под «национальной профессиональной ориентацией» мы понимаем стремление иностранцев одной национальности и выходцев из одной страны занимать рабочие места в сферах, близких им по национальной традиции или в сферах, где они наиболее успешно конкурируют с национальной рабочей силой. Это явление становится заметным, когда мы видим, что большая часть иностранцев из одной страны занимает рабочие места в определенной отрасли (отраслях), либо они в этой области представлены как основной иностранный трудовой контингент.

Анализ иностранной рабочей силы в России показал, что армяне представлены в основном в строительстве (65%), азербайджанцы — в торговле и строительстве (37%), представители бывшей Югославии — в строительстве (90,2%), вьетнамцы — в торговле и коммерческой деятельности (91,6%), китайцы — в торговле, сельском и лесном хозяйстве (61%), белорусы — в промышленности (100%), турки — в строительстве (75%), аргентинцы — в рыболовстве (70%), а украинцев в Москве на транспорте — более половины.

Теперь обратимся к еще одному аспекту эффективности трудовой миграции. Нами были разработаны (Каменский, 1999) формулы эффективности использования иностранной рабочей силы, которые мы приводим ниже:

$$\mathcal{E}_{ИРС} = \frac{П_{П}}{З_{ТР}}, \quad (\text{формула 1})$$

где $\mathcal{E}_{ИРС}$ — эффективность использования иностранной рабочей силы; $П_{П}$ — прибыль предприятия (проекта); $З_{ТР}$ — затраты труда (или издержки на рабочую силу).

Для получения конкретной цифры по этой формуле следует взять всю прибыль за период работы и разделить на сумму тех

средств, которые были истрачены на рабочую силу, а именно (по контингенту иностранных рабочих):

1. Зарплата (включая надбавки, премии, доплаты).
2. Выплаты в социальные, пенсионные, страховые фонды и проч.
3. Стоимость жилья, питания, спецодежды и т. д.
4. Прочие выплаты, сделанные нанимателем для обеспечения использования контингента иностранной рабочей силы (например, оплата проезда, доставка багажа, таможенные формальности и т.д.).

Все эти выплаты суммируются и вводятся в знаменатель формулы как Z_{TP} .

Что касается числителя формулы P_{II} , то здесь следует решить, брать ли за основу валовую или чистую прибыль (т. е. после уплаты налогов с прибыли, выплат в фонды и т.д.). Учитывая специфику нашей экономической ситуации, можно было бы посоветовать брать валовую прибыль, т. к. многие предприятия (особенно крупные) не имеют прибыли или искусственно минимизируют ее.

$$\mathcal{E}_{ИРС} = \frac{D_C}{Z_{TP}}, \quad (\text{формула 2})$$

где $\mathcal{E}_{ИРС}$ — эффективность использования иностранной рабочей силы; D_C — добавленная стоимость; Z_{TP} — затраты труда (или издержки на рабочую силу).

Z_{TP} считаются так же, как было сказано выше, а добавленная стоимость состоит из стоимости созданной продукции (освоенных средств при возведении и монтаже объектов) за вычетом всех затрат прошлого периода: 1) материалов, сырья; 2) малоценных инструментов (списываемых в процессе работы); 3) стоимость износа основного оборудования; 4) других платежей.

Эта формула необходимо применяется в строительстве (где нет как такового понятия прибыли), а в нынешней ситуации может быть применена и в сельском хозяйстве, и в промышленности.

Далее, получив $\mathcal{E}_{ИРС}$ по контингенту, работающему на данном объекте (например, строительства или сельского хозяйства), следует сравнить его с аналогичным показателем по всей рабочей силе на предприятии, получив таким образом показатель сравнительной эффективности применения иностранной рабочей силы на предприятии ($\mathcal{E}_{СРС}$).

$$\mathcal{E}_{СРС} = \frac{\mathcal{E}_{ИРС}}{\mathcal{E}_{РС(\text{в целом})}}, \quad (\text{формула 3})$$

$\mathcal{E}_{СРС}$ — где сравнительная эффективность использования рабочей силы; $\mathcal{E}_{ИРС}$ — эффективность использования иностранной рабочей силы; $\mathcal{E}_{РС(\text{в целом})}$ — эффективность рабочей силы в целом.

Если \mathcal{E}_{CPC} больше 1,0, то иностранная рабочая сила используется более эффективно, чем в целом на предприятии. Как правило, если контракт составлен правильно и контроль за работой иностранного контингента осуществляется качественно, то иностранная рабочая сила используется сравнительно эффективнее, чем отечественная по следующим причинам:

1. за тот же срок проводят больший объем работ;
2. работают качественнее;
3. получают меньшую оплату труда.

Если трудно проводить сравнение по срокам (например, бригада китайцев работает с апреля по октябрь, а все рабочие колхоза – круглый год), то можно взять один показательный месяц сельхозсезона (например, июль), для иностранцев и россиян.

Этот вариант не исчерпывает всей проблемы эффективности использования иностранной рабочей силы, особенно если речь идет об объектах, где работают практически одни иностранцы или о трудонедостаточных регионах, и является показателем на уровне одного предприятия или одной отрасли (Каменский, 1999).

Распространение иностранной рабочей силы по территории России очень дисперсно, однако, в каждом экономическом регионе есть один из субъектов Российской Федерации, который является для данного региона ведущим, т.е. концентрирует у себя обычно от половины до двух третей иностранной рабочей силы. Так, в Северо-Кавказском регионе Краснодарский край привлекает 63,6% иностранной рабочей силы, в Уральском районе Башкортостан — 45%. В Западно-Сибирском районе Ханты-Мансийский автономный округ — 57%, в Восточно-Сибирском районе — Красноярский край (44%), в Дальневосточном районе — Приморский край (44%), в Северо-Западном районе — Санкт-Петербург и Ленинградская область (95%), в Центральном районе — Москва (71,4%), в Волго-Вятском районе — Новгородская область (73,4%), в Центрально-Черноземном районе — Белгородская область (63%), в Поволжском районе — Астраханская и Волгоградская области (57,2%).

Обычно наибольшее число иностранной рабочей силы по России используется в областях, наиболее успешно развивающихся в экономическом плане. Так, в Москве используется 29% от общего числа используемой в России иностранной рабочей силы, в Ханты-Мансийском автономном округе — 10%, в Белгородской области — 3,2%, в Ленинградской области — 1,5%. В то же время в депрессивных регионах ее очень мало: Чеченская республика — 0%, Ингушетия — 0%, Республика Мари-Эл — 0,005%.

Одновременно в успешных регионах использование иностранной рабочей силы расширилось в 2001 г. по сравнению с 2000 г., кроме Москвы и Санкт-Петербурга, где наблюдалось уменьшение в связи с усилением контроля властей над миграцией из-за рубежа.

Важно также рассмотреть распределение иностранной рабочей силы в России по экономическим районам и субъектам Российской Федерации и отраслям. Это позволяет выявить профиль региона, а также те сферы, где существует нехватка рабочей силы.

Так, в Северном экономическом районе большая часть иностранных трудовых ресурсов сосредоточена в строительстве и промышленности, а в Северо-Западном и Центральном — в строительстве и торговле, в Волго-Вятском — в торговле, в Центрально-Черноземном — в сельском и лесном хозяйстве, в Поволжском — в сельском хозяйстве и строительстве, в Уральском — в строительстве и торговле, в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском — в строительстве и промышленности, в Дальневосточном — в промышленности и торговле.

Таким образом, мы видим разное отраслевое распределение иностранной рабочей силы по регионам. Причем, чем экономически более развит регион, тем больше используется иностранцев в строительстве и торговле.

В целом импорт рабочей силы для российской экономики — традиционное явление, хотя ее использование и невелико с точки зрения доли среди всех занятых. Если в России занятые составляют 50–55 млн., то на иностранцев приходится около 0,5% и даже в годы усиленного использования иностранной рабочей силы (1994–1996 гг.) этот показатель не превышал 1%. Однако иностранная рабочая сила использовалась практически на всех важных участках экономики.

Выводы

1. Современная Россия начала свое вхождение в мировой рынок труда прежде всего как импортер иностранной рабочей силы, хотя большинство экспертов предрекали обратное. После принятия Закона «О въезде в Российскую Федерацию и выезде из Российской Федерации» в 1991 г. прошел период времени, достаточный для анализа места России в международных миграциях.
2. Официально организованный экспорт рабочей силы из России ориентирован прежде всего на морские страны, т.е. основной контингент трудоустраиваемых за рубежом представляют экипажи морских судов (прежде всего грузовых и рыболовецких). Это вызвано тем, что профессиональная подготовка российских моряков соответствует существующим в мире стандартам. С другой стороны, работа моряка во всем мире — это работа с тяжелыми и вредными условиями труда, то есть именно та, которую стараются избегать коренные жители стран-импортеров рабочей силы.
3. Главной причиной, мешающей трудоустройству за рубежом российских граждан, является незнание иностранных языков, т.е. языковой барьер. Исключение составляют моряки, проходящие профессиональную языковую подготовку в мореходных училищах и

имеющие языковую практику. Кроме экипажей морских судов в экспорте рабочей силы из России представлены работники искусства (музыканты, танцоры, артисты цирка, выступающие без знания языка) и технические специалисты.

4. Российскими районами выхода рабочей силы являются регионы, имеющие крупные морские порты (Санкт-Петербург — Ленинградская область, Краснодарский край — порт Новороссийск, Приморский край — порт Владивосток и др.). Основная часть фирм, занимающихся трудоустройством моряков, зарегистрирована там же.

5. Несмотря на то, что официальный экспорт рабочей силы незначителен (до 50 тыс. ежегодно), его изучение позволяет проследить некоторые важные процессы социально-экономического развития России, в том числе различия между отдельными регионами России (демографические, квалификационно-профессиональные, отраслевые), динамику и структуру занятости. Так, например, выявлено, что в основе экспортируемой рабочей силы — молодежь с высоким образовательным уровнем, но без профессионального опыта.

6. Как импортер рабочей силы Россия имеет существенный исторический опыт. Так, еще 200 лет назад существовала практика привлечения иностранных специалистов во все сферы жизни российского общества. В период с 1816 по 1917 гг. значительное число китайцев использовалось на Дальнем Востоке. В период СССР также привлекались иностранные специалисты на официальном, государственном уровне — до 200 тыс. чел. Это показывает нам, что структура российской экономики постоянно испытывала потребность в иностранной рабочей силе.

7. Изучение импорта рабочей силы в СССР и особенно в Россию показало, что ее использование может быть довольно эффективным. Иностранная рабочая сила может на ряде объектов работать интенсивнее, качественнее, а в настоящий период — также быть значительно дешевле. Кроме того, иностранная рабочая сила успешно применяется в регионах освоения.

8. Основная масса иностранной рабочей силы используется в экономически успешных регионах ускоренного развития: Москве, Ханты-Мансийском автономном округе, южных регионах. Основной отраслью использования иностранных рабочих остается строительство. Кроме того иностранная рабочая сила используется в промышленности, оптовой и розничной торговле, общественном питании, а также сельском хозяйстве.

9. Выявлена тенденция к «национальной профессиональной ориентации», т.е. отдельные национальные общины иностранцев группируются в «своих» сферах экономики, либо какая-то из сфер становится полем деятельности одной из национальных общин. Эта тенденция наиболее характерна для южных восточных народов (армяне, турки, арабы, азербайджанцы, а также украинцы, молдаване и др.)

Литература

1. Зайончковская Ж.А. (1997) Миграционные тенденции в СНГ // Миграция в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество. М.
2. Ионцев В.А., Каменский А.Н. (1998) Россия и международная миграция населения // Научная серия Международная миграция населения: Россия и современный мир / Под ред. В.А. Ионцева. Выпуск 1. М: Диалог-МГУ.
3. Ионцев В.А. (1999) Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ.
4. Каменский А.Н. (1997) Экспорт рабочей силы. Командирование специалистов за рубеж // Внешнеэкономический бизнес в России. Словарь-справочник. М.
5. Каменский А.Н. (1999) Проблемы международного трудового обмена и Россия. М: Московский общественный научный фонд.
6. Каменский А.Н. (2000) Международная миграция рабочей силы // Внешнеэкономический толковый словарь / Под ред. проф. И.П. Фаминского. М.: ИНФРА-М.
7. Красинец Е.С. (1997) Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. М.: Наука.
8. Пулэн М. (2000) Источники данных для измерения международной миграции в странах Центральной Европы // Научная серия Международная миграция населения: Россия и современный мир / Под ред. В.А. Ионцева. Выпуск 5. М.: МАКС Пресс.
9. Varinova N., Kamenskiy A. (1996) The Geographical Dispersion of Foreign Labour in Russia // X International geographical congress. The Hague.
10. Tapinos G.L. (1974) L'Economie des Migrations Internationales. Paris: Armand Colin-Press de la Fondation Nationale des Sciences Politiques.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ ПРИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ СТРАН НАЗНАЧЕНИЯ

Расширяется научная дискуссия о том, как меняется международная миграция в ходе процессов глобализации (Cohen, 1995; Richmond, 1994; Findlay, 1993; Sassen, 1988). Глобализация вообще увеличивает экономические, политические и технологические потоки между странами. Хотя миграционное движение населения тесно связано с движением других факторов международного взаимодействия стран, тем не менее, понимание миграционных потоков между государствами, их объемов, направлений и причин, достигнуто в гораздо меньшей степени, чем, скажем, понимание потоков капиталов, товаров и т.д. В то время как Международный Валютный Фонд регулярно собирает и издает статистику экономических потоков, никакая международная организация не занимается такого рода деятельностью в отношении международной миграции. Правда, существуют некоторые приблизительные оценки. Например, Международная организация по миграции (International Organization for Migration, 2001) дает оценку, что в мире более 160 миллионов человек проживают вне их стран рождения или гражданства. Другие утверждают, что при наблюдающемся росте численности международных мигрантов они тем не менее составляют относительно небольшую — не более 3% — долю мирового населения (Martin and Widgren, 2002).

Несмотря на то, что наше понимание того, как меняется международная миграция, ограничено, тем не менее очевидно, что существующие ныне типы международной миграции отличаются от тех, которые преобладали в предыдущие столетия. Типология, предложенная в 1961 г. Петерсеном (Petersen), выделяла переселенцев, мигрирующих с целью смены постоянного места жительства, как доминирующий тип международного мигранта. Когда после Второй Мировой войны многие государства ввели ограничения на иммиграцию, ряд ученых предрекли, что эра многочисленной международной миграции закончилась (Davis, 1947; Petersen, 1975, p. 326) Однако в действительности эра международной миграции не закончилась и доля населения, рожденного за рубежом, возросла в последние десятилетия во многих странах.

Впрочем, верно, что переселенческая миграция, которая доминировала в миграционных потоках в течение нескольких веков, практиче-

ски прекратилась. Переселенцы — это постоянные мигранты, которые переезжают из одной страны в другую, часто вместе с семьями, с намерением начать за границей новую жизнь. Хотя переселение часто является конечным результатом современных миграций, тем не менее сегодня миграции обычно начинаются как временные, имеющие определенную цель — работа, учеба, брак с иностранным гражданином или даже продолжительный отпуск, — а не переезд на постоянное местожительство. Направления сегодняшних миграций также отличаются от тех, что были в прошлом. В то время как постоянная миграция была направлена из относительно перенаселенных стран Европы в слабо заселенные регионы мира, сегодня миграция является по преимуществу трудовой и направлена из менее развитых государств в более развитые. Согласно неоклассической парадигме, современной международной миграцией управляет экономическое неравенство, и устойчивое экономическое развитие менее развитых регионов может лишь ее сократить (Cohen, 1995). Массей и его коллеги (Massey and others, 1994, p. 741) сформулировали, как работает эта модель: «По мере экономического роста и усиления эмиграции в посылающих регионах, постепенно уменьшается разрыв в уровне заработной платы..., сокращая стимулы для миграции. Если посылающая страна в конечном счете интегрируется в мировой рынок как развитая урбанизированная экономика, чистая миграция сводится к нулю и бывшая посылающая страна может превратиться в чистого импортера рабочей силы».

Какие данные свидетельствуют в пользу неоклассического тезиса о том, что экономическое неравенство управляет международной миграцией и что чистая миграция сокращается, по мере того, как страна продвигается по пути экономического прогресса? Исследования пиков и спадов трансатлантической миграции в течение 1800-х и в начале 1990-х гг. часто приводятся как доказательство положения о том, что экономический рост замедляет эмиграцию (Hatton and Willianson, 1994; Thomas, 1973; Massey, 1988). Некоторые ученые заявляют, однако, что если в историческом плане экономический рост и может быть коррелирован со спадами эмиграции, то сегодня это не так. Ричмонд (Richmond, 1994, p. 217), например, утверждает, что «в противоположность той точке зрения, что экономический рост сам по себе устранил потребность в миграции, следует признать, что в складывающейся глобальной экономической и социальной системе миграция населения будет скорее продолжаться и возрастать, нежели сокращаться». Солт (Salt, 1992, pp. 1080–1081) делает аналогичное заявление: «... многие процессы, которые создают и направляют эти (миграционные) систе-

мы, действуют во всемирном масштабе, являясь следствием экономической глобализации, движения капиталов, деятельности международных корпораций и распространения понимания правительствами того факта, что человеческие ресурсы могут быть предметом торговли ради прибыли, как любые другие ресурсы».

В этой статье я рассмотрю эмпирически вопрос о том, продолжают ли развитые страны выступать важными поставщиками мигрантов. В частности, я рассмотрю детерминанты двух показателей: 1) общая численность легальных мигрантов, отправившихся из 159 стран в восемь развитых государств — Австралию, Бельгию, Канаду, Германию, Нидерланды, Швецию, Великобританию и США; и 2) количество развитых стран назначения, в которые направлялись мигранты из каждой страны выезда в изучаемый период. Рассматривая из каких страны мигранты выезжали в наибольшее число стран назначения, а также общее количество мигрантов, выехавших из той или иной страны в восемь стран назначения, а не только в одну страну назначения, я ставлю вопрос, о котором миграционная литература молчит, а именно: продолжают ли развитые страны порождать существенное количество мировых мигрантов? Установив *масштаб* миграций, я, используя многофакторный регрессионный анализ, рассмотрю экономические, демографические и социальные *детерминанты* миграции в различных направлениях.

Измерение миграции при множественности стран назначения

Миграция из стран выезда обычно рассматривается с точки зрения единоподнаправленности, существования одной страны назначения. Это ограничение несомненно является результатом отсутствия сравнительных данных по международной миграции. Большая часть данных о международных мигрантах предоставляется странами въезда и неизбежно фокусируется только лишь на происхождении мигрантов, допущенных в страну. Однако нет никакой причины полагать, что мигранты выезжают из своей страны лишь в одну страну назначения. Ключевым вопросом является: из каких стран мигранты выезжают во множество стран назначения и почему? По мере расширения глобализации логично ожидать появления все более и более сложной матрицы глобальной миграции, характеризующейся потоками мигрантов из страны во множество направлений и во множество стран назначения. Было бы также логично ожидать, что в одних странах возникнет больше потоков в различные страны назначения, чем в других, и что список основных стран, откуда мигранты выезжают предпочтительно в одну

страну назначения, может отличаться от списка основных стран, откуда выезжают мигранты во множество стран назначения. Задача настоящей статьи — определить, из каких стран мигранты скорее всего будут выезжать в различные страны назначения и как это отразится на их общей миграционной характеристике.

Источником статистических данных для этого анализа является «Справочник по международной миграции Юг-Север», составленный Отделом народонаселения ООН (South-to-North International Migration File, 1995). Этот справочник содержит временные ряды данных о легальной миграции в восемь развитых стран — Австралию, Бельгию, Канаду, Германию (Западную), Нидерланды, Швецию, Великобританию и США. По пяти из этих государств (Австралия, Нидерланды, Швеция, Великобритания и Соединенные Штаты) исследуются данные за 1989–1993 гг., поскольку это наиболее поздний пятилетний период, для которого получена статистика. По Канаде и Германии последние данные есть за 1988–1992 гг., а для Бельгии — 1986–1990 гг. Хотя последний период выпадает из временных рамок, исследованных для других стран, тем не менее я включаю Бельгию в анализ, чтобы осветить другую миграционную систему и поскольку страны происхождения мигрантов не слишком сильно меняются от года к году.

Восемь принимающих государств используют разные системы регистрации притока мигрантов, что является результатом различных концепций их политики в отношении иммиграции (Zlotnik, 1996a). По трем из этих принимающих государств — Австралии, Канаде и США — данные представлены по иностранцам, получившим право постоянного проживания в определенном году. Великобритания данные о миграционном потоке получает из Обследования международных пассажиров (International Passenger Survey) и определяет иммигранта как иностранца, намеревающегося пребывать в стране более одного года. Оставшиеся четыре страны (Бельгия, Германия, Нидерланды и Швеция) получают информацию о притоке въезжающих из регистров населения, которые определяют иммигрантов как иностранцев, которые намерены поселиться в стране. Несмотря на то, что в системы сбора данных этих государств, кроме Австралии, Канады и США, включаются также данные о гражданах, возвращающихся после пребывания за рубежом, в данной статье анализируются данные только по иностранцам. Рассматриваемые восемь принимающих государств также используют разные критерии определения страны происхождения мигрантов. Три страны постоянной иммиграции классифицируют мигрантов по их месту рождения; Бельгия и Нидер-

ланды определяют их по стране гражданства; Германия, Швеция и Великобритания классифицируют их по стране последнего проживания (см. United Nations Population Division, 1995 и Zlotnik, 1996a для обсуждения данных ООН и сопоставимости стран).

Хотя база данных ООН включает данные по постоянной миграции США, я использую статистику текущего учета Службы иммиграции и натурализации США (СИН) за 1989–1993 гг., поскольку они включают информацию по большему числу стран выезда, чем ежегодники СИН, которые используются в ходе подготовки базы данных ООН¹. Статистические данные о потоках мигрантов из 159 посылающих стран имелись для всех восьми принимающих государств. Страны, для которых сопоставимые данные не были доступны, были, как правило, небольшими или вновь возникшими государствами, для которых миграционная или иная статистика не была полной за пятилетний период. Среди них страны, возникшие на месте бывшего СССР. В тех случаях, когда во временных рядах не хватало данных за один год из пяти лет исследуемого периода, я рассчитывала число для пятилетнего периода, основываясь на имеющихся данных за четыре года.

В базе данных есть некоторые особенности, которые ограничивают возможность обобщения выводов. Наиболее существенное ограничение связано с тем фактом, что статистические данные для трех государств — Австралии, Канады и США — включают только постоянных легальных мигрантов. Несмотря на то, что изменение статуса мигрантов с временного на постоянный становится все более широко практикуемым в США и Канаде (Michalowski and Fortier, 1990; Zlotnik, 1996b), ни одна из этих стран не публикует данные по численности временно въезжающих, которые можно было бы объединить с данными по постоянной миграции². В европейских странах, с другой

¹ Возможность изменения статуса с нелегального на постоянный, допущенная в соответствии с Законом США 1986 года об иммиграционной реформе и контроле (IRCA 1986), «раздувает» статистику по постоянной миграции для того года, когда происходит изменение статуса, по этой причине я исключаю тех, кто изменил статус, из базы данных. Поскольку год въезда нелегальных мигрантов, меняющих статус, неизвестен, они считаются въехавшими в США до 1 января 1982 г. для того, чтобы подпасть под программу IRCA, и таким образом отвечают иным условиям происхождения, чем иммигранты, получившие разрешение на постоянное проживание в период 1989–1993 гг.

² СИН публикует данные о въезде неиммигрантов, или иностранцев, которым была выдана временная виза, в своих ежегодных отчетах. Однако неиммигранты, которые уже являются резидентами Соединенных Штатов, включаются в эти счета, если они выезжают за пределы США и вновь возвращаются в определенном году,

стороны, все мигранты въезжают на правах временных мигрантов. Хотя статус мигрантов, получивших разрешение на въезд в одну из европейских стран, может быть впоследствии изменен с временного на постоянный, они все равно попадают в статистику временной миграции. Ограничение анализа постоянной миграцией для одних стран и временной миграцией для других приводит к недооценке миграционного притока в Австралию, Канаду и Соединенные Штаты по сравнению с европейскими странами.

Еще одна особенность проистекает из того факта, что мы можем исследовать только приток мигрантов, а не чистую миграцию, поскольку в США и Канаде не собирают данные по эмиграции. Хорошо известно, что возвратная миграция является важной составной частью большинства миграционных потоков, несмотря на то, что доля возвращающихся варьируется по странам назначения и происхождения. Другой фактор – нелегальная миграция – ведет к недооценке масштаба миграции. Нелегальную миграцию приходится исключить из анализа, поскольку ни одна из стран не имеет статистических данных по этим потокам. Поскольку нелегальная миграция, по всей вероятности, в большей степени типична одних стран выезда, чем других, проблема недоучета нелегальных мигрантов в разной степени искажает реальную миграционную картину в различных странах въезда.

Масштаб и источники современной миграции в восемь развитых стран

В таблице 1 перечислено по 30 основных стран, из которых выехало наибольшее и наименьшее число мигрантов в восемь развитых государств за период 1989-1993 гг. В течение этого периода 9 587 579 человек мигрировали в одно из принимающих государств. На пять стран — Польшу, Турцию, СССР, Вьетнам и Филиппины — пришлось 29% от этого числа мигрантов; еще 17% мигрантов прибыли из пяти других стран — Мексики, Великобритании, Румынии, Китая и Соединенных Штатов.

наряду с теми иностранцами, которые получают впервые разрешение на въезд. Так как большая часть категорий временных мигрантов включают в себя лиц высокого социально-экономического статуса, разумно предположить, что большая доля их выезжают за границу с целью навестить семью или с деловыми целями в определенном году. К сожалению, никто не знает, сколько неиммигрантов, входящих в различные категории, выезжают и вновь въезжают в течение определенного года, и поэтому нет никакого основания для применения этих данных.

Таблица 1. 30 стран, из которых выехало наибольшее число мигрантов, и 30 стран, из которых выехало наименьшее число мигрантов в восемь развитых государств в 1989–1993 гг.

Страна выезда	Общее число мигрантов	Количество стран-назначения	Страна выезда	Общее число мигрантов	Количество стран-назначения
Польша	1,107,718	6	Монголия	0	0
Турция	500,631	7	Бутан	7	1
СССР	400,377	5	Мавритания	45	2
Вьетнам	397,363	4	Лесото	67	2
Филиппины	388,095	4	ЦАР	71	2
Мексика	356,973	3	Конго	110	2
Великобритания	327,770	7	Ботсвана	113	2
Румыния	320,306	4	Оман	136	2
Китай	308,404	4	Малави	355	2
США	295,460	7	Бурунди	485	3
Индия	279,089	4	Чад	553	3
Нидерланды	240,330	6	Мозамбик	646	2
Италия	217,592	6	Руанда	697	3
Гонконг	196,634	3	Нигер	798	3
Домин. респуб.	176,447	3	КНДР	845	1
Греция	161,092	6	Магаскар	952	3
Австралия	153,907	5	Мали	1,064	3
Южная Корея	151,879	4	Папуа-Новая Гвинея	1,067	3
Ливан	129,892	4	Ангола	1,086	2
Пакистан	122,475	5	Бенин	1,247	3
Новая Зеландия	122,393	5	Буркина-Фасо	1,320	3
Франция	122,343	6	Замбия	1,581	2
Ямайка	116,007	2	Гвинея	1,634	3
Канада	115,050	6	ОАЭ	2,358	2
Чехословакия	113,912	3	Албания	2,574	2
Сальвадор	107,277	4	Кот д'Ивуар	3,095	3
Венгрия	106,178	3	Ливия	3,786	3
Германия	94,275	6	Марикий	3,824	3
Португалия	91,722	5	Парагвай	3,836	3
Марокко	91,120	5	Непал	3,867	3

^a В список стран, из которых выезжает наименьшее число мигрантов, включены лишь те страны, численность населения которых в 1985 г. составляла более 1 млн. чел. К странам и территориям с численностью населения меньше 1 млн. чел. и уровнем миграции, сопоставимым со странами, включенными в список, относятся: Экваториальная Гвинея, Мальдивские острова, Вануату, Коморские острова, Гвинея-Биссау, о. Новая Каледония, Свазиленд, Габон, Французская Полинезия, Мартиника, Джибути, Гамбия, Гваделупа, Антильские острова, Катар, Бахрейн, Сейшельские острова, Мальта, Тонга, Бруней, Кипр, Сент Китс и Невис, Самоа, Сент Люсия, Багамские острова, Антигуа и Барбуда.

Данные таблицы 1 подтверждают утверждение о том, что развитые государства продолжают оставаться важным источником международных мигрантов. Действительно, тот факт, что Великобритания, США, Нидерланды, Италия, Греция, Австралия, Новая Зеландия, Франция, Канада и Германия входят в список 30 основных стран выезда, на которые приходится наибольшее число мигрантов, ставит под сомнение утверждение о том, что развитые государства не являются более источником международных мигрантов.

Из каких стран мигранты направляются в наибольшее количество стран назначения? Информация об этом по восьми принимающим государствам представлена в третьей колонке таблицы 1. Складывается четкая картина — государства, из которых выехало относительно большее число мигрантов, отличались и большим многообразием стран назначения, в то время как те, из которых выехало меньшее число мигрантов, имели и меньшее число стран назначения. Среднее число стран назначения для 30 основных стран выезда мигрантов составляет 4,7, а для 56 стран, из которых выезжает наименьшее число мигрантов, — лишь 2,1. Из трех государств — Турции, Великобритании и США — мигранты направлялись в семь стран назначения, и из семи других государств — Польши, Нидерландов, Италии, Греции, Франции, Канады, Германии — мигранты выезжали в шесть стран назначения. Среди государств, из которых мигранты направлялись в пять и более стран назначения, только две — Пакистан и Марокко — являются традиционными развивающимися странами. Все другие представлены странами с высоким или средним уровнем дохода или государствами с относительно высоким уровнем развития человеческого капитала (как, например, восточноевропейские государства). С другой стороны, все 30 государств, представленных в таблице 1 как страны, из которых выезжает наименьшее число мигрантов, — развивающиеся страны.

Детерминанты объема миграции и числа стран назначения

В этом разделе я использую множественный регрессионный анализ для исследования детерминантов двух показателей, описанных в таблице 1: общей численности легальных мигрантов, выехавших из 159 стран в восемь развитых государств в изучаемый период времени; и количество стран назначения, в которые въехали мигранты из каждой страны в этот период. Контрольными являются два демографических показателя: численность населения на 1985 г. и темп прироста населения на 1985 г. Несмотря на то, что неоклассическая теория постулирует прямую зависимость между ростом населения и эмиграцией, я рассчитываю выявить обратную зависимость, основываясь на

предыдущих работах Критц (Kritz, 1998, 2001) и Злотник (Zlotnik, 1994). Я исследую два экономических показателя: ВВП на душу населения за 1993 г. и прирост рабочей силы за период 1965–1995 гг. Предпочтительнее брать ВВП за 1993 г., ввиду отсутствия данных за более ранний период. Впрочем, показатель 1993 г. тесно коррелирован с ВВП более ранних периодов (0,86 с ВВП на душу населения в 1960–1965 гг.) Для анализа значимости влияния уровня социально-экономического развития стран на миграцию рассчитывается соотношение между миграцией и индексом человеческого развития (ИЧР). ИЧР публикуется ежегодно ПРООН и основывается на показателях долголетия, уровня образования взрослого населения и ВВП по паритету покупательной способности. Наконец, я оцениваю влияние степени интегрированности страны в мировую экономику на основе двух показателей: объема экспорта промышленных товаров в страны ОЭСР в 1988 г. и общего объема экспорта в 1988 г.

Статистические данные по этим показателям взяты из Доклада о мировом развитии 1988; они имеют некоторые ограничения. Например, некоторые показатели представлены только по некоторым из стран выезда, поэтому в ряде случаев возможно рассчитать только сокращенные модели. В целом международная торговая статистика отсутствует по малым странам и территориям, по недавно возникшим государствам Восточной Европы и других регионов, а также по странам, где происходят гражданские войны. Если распределение показателей искажено, я использую натуральные логарифмы. В таблицах 2 и 3 указано, в каких случаях они используются.

Для того, чтобы облегчить сравнения различных моделей, я использую стандартизованные коэффициенты регрессии, которые показывают изменение стандартного отклонения зависимой переменной в расчете на единицу изменения стандартного отклонения независимой переменной. Стандартизованные коэффициенты позволяют нам оценить значимость переменных, которые существенно различаются по своим размерностям. Однако, если число рассмотренных стран различно в разных моделях из-за отсутствия статистических данных, сравнения должны быть сделаны с оговорками. Я провела оценку того, различаются ли отношения для моделей, рассчитанных на сокращенном числе стран, и выяснила, что знаки коэффициентов и уровни их значимости остаются сопоставимыми, хотя величина коэффициентов может быть несколько различной.

Рассчитан ряд моделей, которые выявляют, во-первых, регрессию нулевого порядка между объясняемой переменной величиной и объемом миграции (таблица 2) или количеством стран назначения

(таблица 3). Далее представлены модели, где контрольным показателем является численность населения (модель 2) и ВВП на душу населения (модель 3).

Таблица 2. Регрессионная модель (метод наименьших квадратов) общего числа въехавших в восемь развитых стран в период 1989–1993 гг., стандартизованные коэффициенты регрессии

	Модель 1 Регрессионная модель нулевого порядка	Модель 2 Контрольный показатель — численность населения	Модель 3 Контрольные показатели — численность населения и ВВП на душу населения
(ряд 1) логарифм численности населения в 1985 г. (pop85tlg)	.59*** (34.1%) N=153	--	--
(ряд 2) логарифм ВВП на душу населения в 1993 г. (gnp93lg)	.19* (3.1%) N=153	.33*** (44.1%) N=153	--
(ряд 3) количество стран назначения (emigms8)	.72*** (51.2%) N=153	.57*** (54.8%) N=153	.51*** (55.0%) N=153
(ряд 4) темп прироста населения в 1985 г. (natic85)	-.35*** (11.4%) N=153	-.33*** (44.8%) N=153	-.21 (46.1%) N=153
(ряд 5) темп прироста рабочей силы в 1965–1995 гг. (glab6595)	-.26** (5.8%) N=121	-.16* (35.2%) N=121	-.09 (47.6%) N=121
(ряд 6) ИЧР в 1991 г. (hdi1991)	.52*** (26.7%) N=144	.54*** (60.0%) N=144	.78*** (62.1%) N=144
(ряд 7) логарифм объема экспорта в 1988 г. в страны ОЭСР (impavlg)	.63*** (39.2%) N=115	.49*** (47.8%) N=115	.44** (47.3%) N=115
(ряд 8) логарифм объема экспорта в 1988 г. (exp88log)	.59*** (34.8%) N=108	.43*** (44.8%) N=108	-.22 (47.4%) N=108

Примечание: Каждая ячейка представляет результаты отдельной модели. Модель 1 включает только саму объясняемую переменную; модель 2 — эту переменную и численность населения; модель 3 — указанные два фактора, а также ВВП на душу населения. Первая строка в каждой ячейке таблицы представляет стандартизованный коэффициент регрессии; вторая строка — скорректированный коэффициент R^2 для модели; третья строка — количество стран в выборке.

Сравнение изменений коэффициентов регрессии в этих трех моделях позволяют нам оценить, имеют ли объясняемые факторы существенное отношение к миграционным процессам в связи с численностью населения и ВВП на душу населения.

Таблица 3. Регрессионная модель (метод наименьших квадратов) общего числа направлений для каждой страны-выезда в 1989–1993 гг., стандартизованные коэффициенты регрессии

	Модель 1 Регрессионная модель нулевого порядка	Модель 2 Контрольный показатель — численность населения	Модель 3 Контрольные показатели — численность населения и ВВП на душу населения
(ряд 1) логарифм численности населения в 1985 г. (pop85tlg)	.62*** (38.0%) N=158	--	--
(ряд 2) логарифм ВВП на душу населения в 1993 г. (gnp93lg)	.35*** (11.7%) N=158	.47*** (59.5%) N=158	--
(ряд 3) темп прироста населения в 1985 г. (natinc85)	-.45*** (19.8%) N=158	-.42*** (55.4%) N=158	-.19** (61.2%) N=158
(ряд 4) темп прироста рабочей силы в 1965–1995 гг. (glab6595)	-.40*** (15.6%) N=122	-.32*** (34.8%) N=122	-.23*** (57.1%) N=122
(ряд 5) ИЧР в 1991 г. (hdi1991)	.40*** (15.8%) N=149	.41*** (53.6%) N=149	.02 (61.0%) N=149
(ряд 6) логарифм объема экспорта в 1988 г. в страны ОЭСР (impavlg)	.67*** (44.2%) N=108	.57*** (47.6%) N=108	-.43 (54.1%) N=108
(ряд 7) логарифм объема экспорта в 1988 г. (exp88log)	.69*** (46.8%) N=116	.59*** (50.5%) N=116	.22 (53.3%) N=116

Примечание: Каждая ячейка представляет результаты отдельной модели. Модель 1 включает только саму объясняемую переменную; модель 2 — эту переменную и численность населения; модель 3 — указанные два фактора, а также ВВП на душу населения. Первая строка в каждой ячейке таблицы представляет стандартизованный коэффициент регрессии; вторая строка — скорректированный коэффициент R^2 для модели; третья строка — количество стран в выборке.

Детерминанты числа мигрантов. Как следует из таблицы 2, наиболее тесно объем миграции в регрессиях связан с количеством стран назначения, куда направляются мигранты. Не удивительно, что страны, откуда мигранты направляются в большое количество стран назначения, дают и наибольшее число мигрантов (ряд 3, модель 1). Контрольный показатель численности населения и ВВП на душу населения сокращает это отношение лишь в незначительной степени (модели 2 и 3). В то время как все остальные отношения, исследованные в таблице 2, являются важными на уровне регрессии нулевого порядка, только два из них – социальное неравенство и торговые потоки – не являются функциями ни численности населения, ни ВВП на душу населения. Более высокие показатели индекса социального неравенства, измеряемого индексом человеческого развития (ряд 6) имеют тесную прямую корреляцию нулевого порядка с объемом миграции. Этот вывод вполне соответствует порядку расположения основных стран выезда, представленному в таблице 1. Так, к примеру, в этом списке оказались несколько восточноевропейских государств. В этих странах относительно высок показатель человеческого капитала, но относительно низок ВВП на душу населения. Оба торговых показателя (ряды 7 и 8) являются важными на уровне регрессии нулевого порядка и после введения контрольного показателя численности населения, но только показатель объема экспорта в страны ОЭСР остается значимым после контроля ВВП на душу населения. Этот вывод подтверждает идею теории мировых систем о том, что экономические и другие формы обмена между странами стимулируют миграцию между ними.

Детерминанты количества стран назначения. Что определяет количество миграционных потоков, которые из посылающих государств нацелены на восемь основных стран-реципиентов? Таблица 3, в которой представлены те же переменные величины, что и в таблице 2, содержит ответ на этот вопрос. В совокупности численность населения и ВВП на душу населения объясняют 59,5% различий в количестве стран назначения, куда направляются мигранты (ряд 2, модель 2). Иными словами, чем больше численность населения и ВВП на душу населения, тем больше количество пунктов назначения. Напротив, страны с быстро растущим населением (ряд 3) значительно меньше склонны посылать мигрантов в многочисленные пункты назначения, и эта закономерность остается значимой после введения контрольного показателя численности населения и ВВП на душу населения. Аналогично этому соотношение роста рабочей силы с количеством стран назначения — из государств с быстро растущей численностью рабочей силы мигранты менее склонны выезжать в разнообразные страны на-

значения, и примерно на 50% эта закономерность является результатом различий в численности населения и ВВП на душу населения между странами. Хотя социальное равенство тесно связано с количеством стран назначения в регрессионных моделях нулевого порядка, это отношение исчезает после введения контрольных показателей ВВП на душу населения и роста численности населения.

Два показателя, определяющие степень интегрированности страны в мировую экономику — объем экспорта в страны ОЭСР и общий объем экспорта — характеризуются высокой степенью корреляции с числом стран назначения мигрантов в приведенных регрессионных моделях нулевого порядка. Поскольку страны с большей численностью населения отличаются большим объемом экспорта, коэффициенты зависимости несколько уменьшились после введения контрольного показателя численности населения (модель 2). Нам также известно, что страны с высоким доходом отличаются большим объемом экспорта, и выясняется, что после введения контрольных показателей в модели 3 объем экспорта перестает быть важным детерминантом количества стран назначения. Из этого следует вывод, что не объем экспорта и не экономические связи между странами, а лишь уровень доходов является показателем, определяющим число стран назначения, куда направляются мигранты.

Выводы и заключения

В настоящей статье я рассматриваю детерминанты, определяющие из каких государств *наибольшее количество мигрантов* выезжали в восемь развитых стран назначения, и из каких государств мигранты выезжали в *наибольшее количество стран назначения* в исследуемый период. Путем сравнения общего объема миграции в восемь развитых стран и выяснения, почему из одних государств мигранты более склонны выезжать во множество стран назначения, чем из других, можно прийти к некоторым выводам, которые нельзя получить путем изучения притока только в одну страну назначения. Анализ показывает, например, что развитые страны являются важными поставщиками мигрантов, если мы принимаем во внимание количество мигрантов, которые направляются из них в множество стран назначения. И действительно, после суммирования чисел мигрантов, которые направляются из развитых государств в восемь стран назначения, стало ясно, что развитые государства входят в число наиболее значимых стран выезда в мировых миграциях.

Научная миграционная литература умалчивает о том, что является основным выводом этой статьи, а именно: значительное число мигран-

тов, прибывающих в развитые страны, приезжают из других развитых стран, из развитых стран в гораздо большей степени, чем из развивающихся, мигранты склонны выезжать в разнообразные страны назначения. Можно было бы возразить, что эти выводы ставят под вопрос и неоклассическую теорию миграции, и теорию мировых систем — доминирующие парадигмы в области миграции. Обе теории утверждают, что сегодняшние международные миграции характеризуются прежде всего трудовыми миграциями из более бедных стран в более богатые и что, соответственно, миграционные потоки из развивающихся регионов в развитые будут уменьшаться по мере сокращения экономических различий между двумя группами стран (как утверждают сторонники неоклассической теории) и экономической эксплуатации бедных стран (как утверждают сторонники теории мировых систем).

Как следует из моего анализа, некоторые части этой парадигмы не действуют так, как об этом заявлено. К примеру, если взять неоклассический тезис о том, что демографические и экономические неравенства между странами являются принципиально важными детерминантами современных потоков международной миграции, то приведенный мною анализ рисует совершенно иную картину роли этих неравенств, в том случае, если мы принимаем во внимание потоки мигрантов во много стран назначения, а не лишь в одну принимающую страну. Миграционные потоки не только не прекращаются или не уменьшаются в размере по мере сокращения экономического неравенства, но в действительности масштаб миграционного движения между странами с сопоставимыми экономическими, демографическими и социальными показателями может возрасти. Более того, демографические различия, на которые часто указывают как на детерминанты миграции, не действуют в ожидаемом направлении. Из государств, в которых наблюдается быстрый рост населения и как одно из его следствий — быстрый прирост рабочей силы, мигранты в значительно меньшей степени склонны выезжать в развитые страны и разнообразить выбор этих стран назначения, чем мигранты из тех стран, в которых экономический рост идет медленно или не идет вовсе. На самом деле единственным демографическим показателем, который имеет непосредственное отношение к объему миграции и множественности выбора стран назначения, является численность населения стран выезда.

В настоящей статье не исследовалось принципиальное положение теории мировых систем, заключающееся в том, что миграционные потоки находятся в прямом отношении со степенью развития экономического и политического взаимодействия и историческими связями

между любыми двумя странами, но в связи с этим возникает вопрос, действительно ли этот процесс действует точно так, как заявляют ученые. Я нахожу, например, что два показателя экономических связей — общий объем экспорта и объем экспорта в страны ОЭСР — находятся в прямой связи с миграцией, как и провозглашено сторонниками теории мировых систем. Более того, экспорт в страны ОЭСР оказывает большее воздействие на показатели миграции, чем общий объем экспорта во все страны мира. Поскольку все восемь принимающих государств, рассмотренные в этой статье, являются членами ОЭСР, этот вывод подтверждает утверждения теории мировых систем о том, что экономические связи между посылающими и принимающими странами формируют миграционные процессы. Теория мировых систем, однако, концентрируется преимущественно на экономической экспансии богатых государств в периферийные страны и на миграционных потоках из этих периферийных стран в богатые. Проведенный мною анализ приводит к выводу, что поскольку торговля и миграция взаимосвязаны, эти миграционные потоки формируются преимущественно между странами с высоким и средним уровнем дохода, а не из бедных стран в богатые.

Выявление непосредственного влияния численности населения на объем миграции и количество стран назначения на первый взгляд выглядит как аномалия. Почему численность населения должна оказывать столь сильное воздействие на объем миграции и на количество пунктов назначения вне зависимости от размера ВВП на душу населения? Наиболее прямолинейный ответ заключается в том, что чем больше численность населения страны, тем больше в ней потенциальных мигрантов. Однако следует отметить, что хотя крупные страны и являются источником относительно большого числа мигрантов, тем не менее в них не наблюдаются самые высокие коэффициенты эмиграции. В моих работах было доказано, что коэффициенты эмиграции в Соединенные Штаты на самом деле ниже для таких стран, как Мексика, Индия и Китай, в которых численность населения относительно велика, и выше для стран Карибского бассейна, численность населения которых очень мала (Kritz, 1996, 2001). Кроме того, на рост числа потенциальных мигрантов могут оказать влияние другие факторы. Например, легальная миграция в развитые страны все больше ограничивается теми лицами, кто обладает высокой технической или управленческой квалификацией. При прочих равных условиях *абсолютное число* высококвалифицированной национальной рабочей силы, вероятно, больше в государствах с большей численностью населения, даже в том случае, если *относительное*

число квалифицированных кадров там ниже, чем в более развитых странах. Возможности приобретения технической или управленческой квалификации также, вероятно, выше в крупных государствах, поскольку определенные типы обучения (например, аспирантура) могут просто не существовать в малых странах. Более того, транснациональные корпорации и организации помощи развитию с большей готовностью разворачивают свою деятельность в странах с большим населением. Эта деятельность, в свою очередь, может способствовать установлению социальных взаимоотношений между экспатриантами из развитых стран и коренными жителями принимающей страны, что несет в себе увеличение потенциальной возможности миграции.

Насколько иными могли бы быть наши выводы, если бы мы располагали данными по миграционным потокам во все страны, принимающие мигрантов? Несомненно, численность международных мигрантов была бы существенно больше, и можно было бы убедиться, что многочисленные потоки мигрантов имеют место между странами в Азии, Африке и Латинской Америке. Большая часть миграционных потоков в развивающихся регионах, однако, происходит между соседними государствами и состоят они преимущественно из беженцев и трудовых мигрантов. Дело, видимо, заключается еще и в том, что лишь немногие развивающиеся страны образовали глобальные миграционные системы, как это было сделано ведущими государствами ОЭСР. Например, в развивающихся регионах присутствуют растущие общины экспатриантов — представителей технической, деловой и политической элиты, состоящие преимущественно из граждан развитых стран. Несмотря на то, что количество экспатриантов из развитых стран, проживающих в какой-либо одной стране, может быть относительно невелико, их повсеместное распространение означает, что малые числа складываются в большие числа. Таким образом, предвидя возражение, что многие развивающиеся государства на самом деле в гораздо большей степени являются странами выезда, чем оговаривается в настоящем исследовании, можно обоснованно возразить, что количество мигрантов из развитых стран также явно недооценивается.

В этой статье было больше поставлено вопросов, чем дано ответов. Для того, чтобы начать задавать вопросы, следует прежде всего провести сравнительный анализ для других принимающих стран и регионов, которые охвачены разнообразными видами миграции. Предвзятые идеи о том, что трудовые миграции являются основным типом миграции в настоящее время и что миграционные потоки направлены преимущественно из развивающихся стран в развитые, должны полу-

чить эмпирическое подтверждение. В том, что касается развивающихся регионов, было бы также важно оценить, не превосходят ли по численности потоки мигрантов, перемещающихся внутри регионов, тех, кто прибывает извне. Большинство беженцев и других перемещенных лиц в настоящее время размещаются в развивающихся регионах; их нужно принимать во внимание при оценке общего объема миграции в мире. Идеально было бы получить матрицу всех стран мира, включающую данные о въезде и выезде как иностранцев, так и граждан каждой страны. Не имея такой матрицы, мы вынуждены анализировать данные по отдельным квадратам матрицы.

Перевод с английского И.В. Ивахнюк

Литература

1. Kingsley Davis (1947) Future Migration into Latin America // Milbank Memorial Fund Quarterly, №25, 2 (January). Pp. 44–62.
2. Findlay Allan M. (1993) New Technology, High-Level Labour Movements and the Concept of the Brain Drain // The Changing Course of International Migration, Paris: OECD. Pp. 149–160.
3. Hatton Timothy J. and Jeffrey G. Williamson (1994) What Drove the Mass Migrations from Europe in the Late Nineteenth Century? // Population and Development Review 20, 3 (September). Pp. 533–559.
4. International Organization for Migration (2001) World Migration Report. New York: IOM.
5. Kritz Mary M. (2001) Population Growth and International Migration: Is There a Link? // in Aristide R. Zolberg and Peter M. Benda (eds) Global Migrants, Global Refugees. New York: Berghahn Books. Pp. 19–41
6. Kritz Mary M. (1998) Investment, Population Growth and GNP as Determinants of U.S. Immigration // International Journal of Population Geography, №4. Pp. 243–258.
7. Martin Philip and J. Edward Taylor (2002) Managing Migration: The Role of Economic Policy // in Aristide R. Zolberg and Peter M. Benda (eds) Global Migrants, Global Refugees. New York: Berghahn Books. Pp. 95–120.
8. Martin Philip and Jonas Widgren (2002) International Migration: Facing the Challenge // Population Bulletin 57, 1. Washington: Population Reference Bureau.
9. Martin Philip and Jonas Widgren (1988) Economic Development and International Migration in Comparative Perspective // Population and Development Review 14,3 (September). Pp. 383–413.

10. Martin Philip and Jonas Widgren (1994) An Evaluation of International Migration Theory: The North American Case // *Population and Development Review* 20, 4 (December). Pp. 699–751.
11. Michalowski Margaret and Céline Fortier (1990) Two Neglected Categories of Immigrants to Canada: Temporary Immigrants and Returning Canadians // *Statistical Journal of the United Nations ECE* №7. Pp. 175–204.
12. OECD (1993) *The Changing Course of International Migration*. Paris: OECD.
13. OECD (1994) *Trends in International Migration 1994*. Paris: OECD, SOPEMI.
14. Petersen William (1975) *Population*. New York: Macmillan Publishing Co.
15. Richmond Anthony H. (1994) *Global Apartheid: Refugees, Racism, and the New World Order*. Toronto: Oxford University Press.
16. Salt John (1992) The Future of International Labor Migration. *International Migration Review* XXVI, 4 (Winter). Pp. 1077–1111.
17. Sassen Saskia (1988) *The Mobility of Labor and Capital*. New York: Cambridge University Press.
18. Thomas Brinley (1973) *Migration and Economic Growth: A Study of Great Britain and the Atlantic Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. United Nations Population Division (1995) *South to North International Migration: Diskette Documentation (Pop/1B/DB/95/4)*.
20. Zlotnik Hania (1994) International migration: Causes and effects // in Laurie Ann Mazur (ed.) *Beyond the Numbers: A Reader on Population, Consumption, and the Environment*, Washington: Island Press. Pp. 359–377.
21. Zlotnik Hania (1996a) Migration to and from Developing Regions: A Review of Past Trends // in Wolfgang Lutz (ed.) *Alternative Paths of Future World Population Growth*, Laxenburg, Austria: International Institute for Applied Systems Analysis. Pp. 299–335
22. Zlotnik Hania (1996b) Policies and Migration Trends in the North American System // in Alan B. Simmons (ed.), *International Migration, Refugee Flows and Human Rights in North America: The Impact of Trade and Restructuring*. New York, Center for Migration Studies. Pp. 81–103.

ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В КОНЦЕ 1990-Х ГГ. И В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Введение

Окончание Второй Мировой войны законсервировало политико-географическую карту Европы на 45 лет — до начала 1990-х гг. Этот период был отмечен четким разделением на «Восток» и «Запад»: коммунистический Восток и капиталистический Запад. Между этими двумя блоками практически не было промежуточных географических звеньев. Автору этих строк кажется заслуживающим внимания отметить лишь положение Югославии с середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг. В тогдашней Югославии существовал рыночный социализм и более или менее открытый пограничный режим с Западной Европой. Страны восточноевропейского блока имели жесткий режим пограничного контроля, который практически наглухо закрывал границы с Западной Европой и Югославией в течение всего этого периода.

Изменение политической карты Европы на рубеже 1990-х гг. было исключительным по своей значимости. Коммунистические режимы один за другим рухнули, начиная с Германской Демократической Республики и кончая Румынией и Советским Союзом. Два германских государства объединились в октябре 1990 г. Все федеральные государства Восточной и Юго-Восточной Европы раскололись. В Чехословакии и Советском Союзе дезинтеграция произошла мирно и быстро. В Югославии, однако, процесс дезинтеграции происходил не без насилия и занял почти десятилетие.

Широкомасштабные политические, экономические и социальные перемены в бывшей коммунистической части Европы были названы в научной литературе и в повседневной политической жизни переходным периодом. Основной целью фундаментальных и всеохватывающих изменений переходного периода было замещение коммунизма капиталистической рыночной экономикой. Наиболее важным политическим актом, который сделал возможным сам переходный период в этих странах, было принятие новой Конституции. Этот базовый общественный и юридический документ был проведен через парламенты большинства стран, переживающих переходный период, в начале 1990-х гг. Однако реальные перемены в жизни этого региона заняли гораздо больше времени. В начале 2002 г., то есть спустя примерно десятилетие после начала переходного периода, можно сказать, что процесс перехода постепенно за-

вершается. Это заключение верно, по крайней мере, для наиболее продвинувшихся из этих стран, которые уже получили статус ассоциированных членов Европейского Союза, несмотря на тот факт, что даже в них все еще отсутствуют некоторые законы, важные для регулирования экономики в условиях капиталистического производства. Важно также заметить, что процесс приватизации бывшей государственной и общественной собственности все еще не завершен практически во всех странах региона.

В бывших коммунистических странах восточноевропейского блока, за исключением второй Югославии, существовали строгий пограничный контроль и ограничения на поездки граждан в зарубежные, особенно западноевропейские страны. Так что понятно, почему среди первых и наиболее очевидных последствий падения коммунизма оказались отмена ограничений на поездки, упрощение процедуры получения паспортов и возможность участия в международной миграции не только в страны бывшего восточноевропейского коммунистического блока, но также во все государства мира.

Международные миграции в странах Центральной и Восточной Европы стали очень важным, если не абсолютно новым явлением с конца 1980-х гг. Это — одна из главных причин выбора автором темы данной статьи. Рассматриваемый период охватывает 1990-е гг. и начало XIX века. Страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в данной статье включают Албанию, Боснию и Герцеговину, Болгарию, Хорватию, Чехию, Венгрию, Македонию, Польшу, Румынию, Словакию, Словению и третью Югославию (Федеративную Республику Сербии и Черногории). Этот регион определяется как «Восточная Европа» в документах ООН, несмотря на то, что фактически он включает некоторые центрально-европейские и средиземноморские страны (UN, 1999).

В статье будут использованы преимущественно международные источники статистической информации по международной миграции в ЦВЕ. Важным источником такой информации является *Recent Demographic Developments in Europe*, публикация Совета Европы за 1991-2001 гг. Этот европейский демографический ежегодник используется наряду с докладами ОЭСР и научной литературой, относящейся к теме данной статьи. Следует подчеркнуть также тот общепризнанный факт, что статистическая информация по международной миграции является неточной и неполной. В связи с этим неизбежны некоторые проблемы сопоставимости данных. Определение любых видов миграции исходит из принятого определения народонаселения в каждой отдельной стране. Следовательно, любое изменение определения народонаселения влияет на статистические данные по миграции. В Словении, например, новое определение населения было введено в 1995 г. как результат европеиза-

ции национальной статистической системы (Malacic, 2000, p. 15). Аналогичные изменения были приняты в других странах с переходной экономикой.

Автор намерен рассмотреть тему в нескольких последовательных разделах настоящей статьи. Следующий раздел представляет собой обзор ситуации в области международной миграции в ЦВЕ за период с 1950 по 1990 гг. Этот раздел представляет собой попытку дать ответ на вопрос, существовала ли международная миграция в этом регионе в коммунистический период. Третий, центральный раздел статьи проанализирует последнее десятилетие международной миграции в ЦВЕ в течение переходного периода (1991–2001 гг.). Четвертый раздел будет посвящен прогнозам населения и международной миграции в регионе. Последний раздел подводит итоги статьи.

Международная миграция в Центральной и Восточной Европе в коммунистический период: 1950–1990 гг.

Коммунистическая часть Европы, которая входила в ЦВЕ, была отнюдь не гомогенной в период между 1950 и 1990 гг. Это был довольно гетерогенный регион с политической, экономической и социальной точек зрения. Несмотря на гетерогенность, тем не менее можно вывести некие общие закономерности международной миграции в регионе. В результате обобщения, однако, неизбежно будут упущены некоторые особенности международной миграции, присущие отдельной стране, которые являются менее важными для региона в целом. Наиболее значимые особенности отдельных стран будут также проанализированы в этом разделе.

Наиболее важной общей чертой миграционной ситуации в регионе в коммунистический период была идеологическая борьба против эмиграции и «криминализация» потенциальных эмигрантов, особенно тех, кому удавалось выехать нелегально. В Венгрии, например, необходимо было заполнить в двух экземплярах специальный формуляр для каждого человека, пересекающего границу. Один экземпляр сдавался на пограничном контроле при выезде из страны, а второй — при возвращении в Венгрию. Система пограничного отслеживания давала возможность выявить любого, кто оставался за границей нелегально. Эта система была отменена в 1988 г. (Dovenyi and Vukovich, 1994, pp. 195–196). Подобные системы применялись в некоторых других странах региона.

Естественными последствиями жесткой идеологической позиции были строгий пограничный контроль, ограничение поездок через государственные границы и крайне незначительная легальная международная миграция во всех странах региона. Политика контроля над международной миграцией в ЦВЕ была введена в некоторых странах в конце 1940-х гг., в других — в начале 1950-х гг.

Единственным исключением была вторая Югославия, которая приняла в середине 1950-х гг. политику открытых границ с западными странами. Эта политика постепенно воплощалась в жизнь и позволила стране стать важным участником европейской международной миграции в период между 1960 и 1990 гг.

В целом перемещения между странами ЦВЕ были проще, чем между регионом и Западной Европой. Они были ограничены преимущественно туризмом, а значимых миграционных потоков между самими странами ЦВЕ не было. К бывшей Югославской Федерации относились так же, как к западным странам из-за политики открытых границ и возможности выскользнуть на Запад с помощью западных посольств в Югославии. Западные капиталистические страны практически автоматически предоставляли статус беженца тем лицам из коммунистической части Европы, которые проникали через границы нелегально или просили политическое убежище во время посещения западных государств. Подчас даже звезды спорта и искусства обращались с просьбами о статусе беженцев, несмотря на последствия для их родственников на родине. В большинстве стран ЦВЕ власти мстили тем, кто остался за границей незаконно.

Существовало также давление со стороны западных стран в пользу либерализации эмиграционной процедуры на Востоке. Они предлагали торговые уступки и даже определенные компенсационные выплаты за разрешения на эмиграцию. Эта политика не была слишком успешной, за исключением эмиграции этнических немцев, этнических турок и евреев из отдельных стран ЦВЕ. Эти эмиграции были организованы официально и наиболее значимы они были в Польше, Румынии и Болгарии. За период 1950–1992 гг. 1 947 500 этнических немцев вернулись в Федеративную Республику Германию. Большинство из них выехали из Польши (1 430 000 чел.), Румынии (401 800 чел.), Чехословакии (104 700 чел.), бывшей Югославии (89 700 чел.) и Венгрии (21 300 чел.) (Rudolph, 1994, p. 118).

Массовая миграция с Востока на Запад в регионе была возможна только в периоды крупных политических кризисов. По крайней мере три политических кризиса были важными с точки зрения эмиграции. В Венгрии 193 900 чел. эмигрировали из страны между 23 октября 1956 г. и 30 апреля 1957 г. Большинство эмигрантов были из Будапешта, других крупных городов Венгрии и из западных районов страны. Важным последствием этого была существенная потеря человеческого капитала (Dovenyi and Vukovich, 1994, p. 195). Около 200 000 эмигрантов выехали из Чехословакии во время кризиса 1968–1969 гг.¹ Согласно австрийским данным, 162 000 чехов и словаков покинули родину и выехали в Австрию (Fassman

¹ Оценка автора, основанная на данных переписей населения 1960 г. и 1970 г. и на данных текущей статистики, опубликованных в Pavlik, Rychtarikova and Subrtova, 1986, p. 571.

(Fassman and Munz, 1994b, p. 152). В 1980–1981 гг. около 250 000 поляков эмигрировали из Польши, бежав от введения военного положения (Fassman and Munz, 1994a, p. 25). В последующие годы примерно половина из них вернулись в Польшу. Возвратная миграция была следствием снятия ограничений на поездки за рубеж и появления признаков политического хаоса (Korcelli, 1994, p. 177).

Несколько волн эмиграции турецкого меньшинства из Болгарии также носили массовый характер. Впрочем, эти волны были организованы официально. В 1950–1953 гг. около 250 000 этнических турок получили разрешение на выезд. По Соглашению 1968 г. между Болгарией и Турцией около 82 000 этнических турок выехали из Болгарии в течение 1969–1973 гг. Последняя большая волна эмиграции турецкого меньшинства, вызванная политикой болгаризации, имела место в 1988–1989 гг. Эта волна была следствием принятой в 1988 г. либерализации выдачи паспортов и оказалась частью эмиграционной волны 1990 года в западные страны. Между 1988 и 1992 гг. около 280 000 эмигрантов выехали из Болгарии (Bobeva, 1994, p. 233).

Существовали также официальные, организованные на государственном уровне трудовые миграции в регионе ЦВЕ. Существовал обмен рабочей силой в приграничных районах Венгрии и Чехословакии. Венгрия импортировала некоторое число рабочих из Польши, Кубы и ГДР (Dovenyi and Vukovich, 1994, p. 198). Болгария нанимала рабочих из Вьетнама, Никарагуа и некоторых других стран. Это было следствием нехватки рабочих рук. Однако в начале 1990-х гг. все вьетнамские и никарагуанские рабочие были высланы за счет болгарского государства (Bobeva, 1994, p. 233)².

В начале 1950-х гг. миграционная ситуация в Югославии была схожей с общей ситуацией в регионе ЦВЕ. В течение 1950-х гг. около 300 000 мусульман и этнических турок покинули юго-восточные районы по Соглашению между Югославией и Турцией. Однако во второй половине 1950-х гг. и в начале 1960-х гг. вместо политических эмигрантов появилось растущее число трудовых мигрантов (Malacic, 1994, p. 209). Это было результатом постепенно вводившейся в стране политики открытых границ. В результате в конце 1960-х и в течение 1970-х гг. Турция оказалась включенной в миграцию гастарбайтеров в Европе. В 1973 г. число экономических мигрантов достигло максимума: 850 000 граждан Югославии жили и работали за рубежом (Malacic, 1994, pp. 210–211). Поначалу западные страны иммиграции, да и сами мигранты уповали на временность этих трудовых миграций. Вопреки ожиданиям реальность превратила многих временных мигрантов в постоянных эмигрантов.

² Автор не упоминает организованную на государственном уровне трудовую миграцию из восточноевропейских государств в СССР, которая носила масштабный характер с середины 1970-х гг. (Прим. ред.)

В литературе встречаются самые разные оценки числа эмигрантов из стран ЦВЕ в период 1950–1990 гг. Таким образом, к ним нужно подходить с осторожностью. Фассман и Мунц пришли к заключению, что от 5 до 6 млн. человек выехали из стран региона; среди них 2,1 млн. из Польши, 1,5 млн. из бывшей Югославии, 630 тыс. из Болгарии и 460 тыс. из Румынии (Fassman and Munz, 1994a, p. 32). Мы бы добавили еще около 400 тыс. эмигрантов из Чехословакии и Венгрии. В это число не включены этнические венгры, которые эмигрировали из Румынии в Венгрию. Незначительное число албанских эмигрантов из коммунистической Венгрии можно посчитать включенными в эту оценку, хотя информация о них практически полностью отсутствует. Албания была абсолютно закрытой страной в течение изучаемого периода (Sokoli and Axheni, 2000, p. 522). Можно говорить о некотором числе нелегальных иммигрантов в Грецию и бывшую Югославию, но статистических данных нет.

В период 1950–1990 гг. регион ЦВЕ был регионом эмиграции. Из некоторых стран региона выехало значительное число эмигрантов, несмотря на строгую анти-эмиграционную политику. Другие страны — Чехословакия, Венгрия и Албания — приняли гораздо меньшее участие в этом процессе. В конце 1980-х гг. жесткий пограничный контроль и строгие ограничения зарубежных поездок были отменены. Стало возможным получение паспортов, и ситуация в области международных поездок и миграции постепенно нормализовалась. В двух последующих разделах будет проанализировано, как изменилось положение в области международной миграции в регионе ЦВЕ.

Международная миграция в странах ЦВЕ в переходное десятилетие: 1990–2001 гг.

Ситуация в области международной миграции в странах ЦВЕ претерпела кардинальные изменения после падения Берлинской стены и краха коммунизма. Открытие границ имело ряд важных последствий для темы, представленной в данной статье. Опасения и страхи относительно возможной массовой миграции в западные страны, что было типично для начала 1990-х гг., не реализовались, хотя масштаб внутренних и международных миграций в регионе в переходный период был значительным. Недавние международные миграции в странах ЦВЕ в целом и в отдельных государствах существенно отличаются от тех, которые наблюдались в 1950–1990 гг. Наиболее важным изменением является возросшая сложность, комплексность изучаемого процесса. В большинстве стран региона ЦВЕ в течение переходного периода поток незарегистрированного выезда сократился, а состояние статистических данных улучшилось. В то же время статистическая информация далека от удовле-

творительной. В ряде стран ЦВЕ статистическая информация отсутствует из-за политических кризисов и войн (Босния и Герцеговина, Федеративная Республика Югославия (ФРЮ). В других странах почти полное исчезновение государственных и административных структур имело тот же результат (Албания) (Bonofazi and Strozza, 2002, p. 81). Следует также упомянуть, что миграции между Чехией и Словакией, а также между федеративными республиками бывшей Югославии (за исключением Сербии и Черногории) в начале 1990-х гг. превратились в международные миграции. Страны ЦВЕ, граничащие с ЕС, превратились в буферную зону, препятствующую проникновению в ЕС беженцев, лиц, ищущих убежище, нелегальных мигрантов и подобных категорий международных мигрантов.

Международные миграции в ЦВЕ в переходный период в значительной своей части определялись экономическими переменами в самом регионе и в соседних с Востока странах (главным образом бывших республиках СССР, которые стали независимыми государствами в начале 1990-х гг.). Единственным исключением были миграции, вызванные войнами и этническими конфликтами в бывшей Югославии. Здесь наибольшее значение имели вынужденные миграции. Очень важной чертой также стало появление транзитной миграции — как следствие географического положения и растущего давления со стороны мигрантов третьего мира, пересекающих территорию ЦВЕ по пути в страны ЕС.

Общая картина миграционной ситуации в странах ЦВЕ может быть показана с помощью имеющихся статистических данных, опубликованных в международных источниках в период 1991–2001 гг. Эти данные далеки от совершенства. Для некоторых стран они просто отсутствуют. Для других встречаются разные цифры за тот же год в разных изданиях одних и тех же справочников. Многие данные нуждаются в корректировке на базе национальной статистики. Автором внесены все возможные исправления на основании имеющейся информации, и полученные в результате цифры представлены в табл. 1. Таблица сопоставляет показатели чистой миграции (в %) для отдельных лет, а также средние пятилетние показатели за 1991–1995 гг. и 1996–2000 гг. Показатели чистой миграции отражают потоки чистой миграции между суверенными государствами.

Данные, представленные в табл. 1, подразделяют страны, входящие в регион ЦВЕ, на группу стран иммиграции и группу стран эмиграции. Впрочем разделение не слишком отчетливо. Первая группа может быть названа центрально-европейской группой. В эту группу входят Чехия, Словакия, Словения, Хорватия и Венгрия. По Венгрии нет данных в таблице 1, тем не менее она с начала 1990-х гг. стала страной иммиграции (Dovenyi and Vukovich, 1994, p. 201).

Почти все эти страны пережили уменьшение эмиграционных потоков и значительное увеличение иммиграционных потоков, преимущественно из соседних государств Восточной и Юго-Восточной Европы. В этой группе особое место занимает Хорватия. Она пережила значительный двусторонний миграционный обмен с Боснией и Герцеговиной и Сербией (это были в большинстве своем вынужденные мигранты) и потеряла большое число молодых профессионалов из городского населения, выехавших в западные страны из-за экономических трудностей, но миграционный баланс все же был положительным.

Таблица 1. Коэффициент чистой миграции (в %) в регионе ЦВЕ в отдельные годы и периоды десятилетия 1990–2000 гг.

Страна	1990	1995	2000	1991–1995	1996–2000
Албания	- 2,77	- 0,61	- 0,40 ^x	- 1,59	- 0,45 ^{xx}
Болгария	- 1,09	0,00	н.д.	- 0,35	н.д.
Хорватия	- 0,11	- 0,01	1,03 ^x	0,03	0,04 ^{xx}
Чехия	0,01	0,10	0,06	0,08	0,09
Венгрия	н.д.	Н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Польша	- 0,03	- 0,05	- 0,05	- 0,04	- 0,02
Румыния	- 0,37	- 0,09	- 0,02	- 0,42	- 0,04
Словакия	- 0,04	0,05	0,03	0,02	0,03
Словения	- 0,01	0,13	0,14	0,02	0,12
Македония	- 0,14	0,09	- 0,57	- 2,38	- 0,16
Босния и Герцеговина	- 0,42	Н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Югославия	- 0,17	0,05	н.д.	- 0,16	н.д.

Примечания: ^x 1999; ^{xx} 1996–1999; ^{xxx}; н.д. – нет данных.

Источник: Recent Demographic Developments in Europe, 1991–2001, Council of Europe, Strasbourg; Statistical Yearbook of Slovenia 2001, SORS, Ljubljana.

Группа стран эмиграции представлена государствами Юго-Восточной Европы и Польшей. Данные для некоторых из этих стран отсутствуют, однако в этой группе наблюдается большой эмиграционный потенциал. Страны Юго-Восточной Европы, представленные в этой группе, по-видимому, будут наиболее важным регионом эмиграции в Европе в ближайшем будущем. Его можно назвать также Балканской частью ЦВЕ. Эмиграция в этой части региона вызывается в основном политической нестабильностью, этническими конфликтами и ухудшившимися экономическими условиями. С другой стороны, Польша скорее всего присоединится к группе стран иммиграции в ближайшем будущем. Это будет следствием улучшения экономической ситуации в стране и возрастающей привлекательностью Польши для иммигрантов из СНГ.

Данные по абсолютному числу мигрантов в странах ЦВЕ труднее получить, чем данные по миграционным потокам. В принципе, оба показателя взаимосвязаны. Однако, если мы хотим иметь

представление о точных изменениях в потоках и численности мигрантов в конкретной стране, потребуется очень подробная и высококачественная статистическая информация о международной миграции. В большинстве стран ЦВЕ просто нет такой статистики по международной миграции. Тем не менее, общее представление о численности международных мигрантов в ЦВЕ можно получить, исходя из данных об иностранном населении. К сожалению, многие из стран ЦВЕ до сих пор не собирают такого рода информацию регулярно, и международные сводные данные являются очень неполными. Численность лиц, имеющих иностранное гражданство и проживающих в странах ЦВЕ в 1997 г. и 2001 г., представлена в табл. 2. Следует принимать во внимание, что данные не совсем сопоставимы между отдельными странами и выбранными годами. Данные, представленные *SOPEMI Report*, собираются на значительно более широкой основе, чем данные, опубликованные в *Recent Demographic Developments in Europe 2001*.

**Таблица 2. Иностранцы граждане в странах ЦВЕ
в 1997 г. (средние данные за год) и в 2001 г. (данные на 1 января)**

Страна	1997		2001	
	число	%	число	%
Албания	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Болгария	86 400	1,0	н.д.	н.д.
Хорватия	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Чехия	209 800	2,0	201 000	2,0
Венгрия	219 600	2,2	110 000	1,1
Польша ^x	4 100	0,0	н.д.	н.д.
Румыния	56 400	0,2	1 200	0,0
Словакия	24 800	0,5	н.д.	н.д.
Словения	43 373	2,2	42 300	2,1
Македония	н.д.	н.д.	3 800 ^{xx}	0,2 ^{xx}
Босния и Герцеговина ^{xxx}	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Югославия ^{xxxx}	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.

Примечание: ^x по числу выданных разрешений на постоянное проживание; ^{xx} на 1.01.2000 г.; н.д. — нет данных.

Источник: SOPEMI (2001) Trends in International Migration 2000, OECD, Paris; Recent Demographic Developments in Europe 2000 and 2001, Council of Europe, Strasbourg.

Цель табл. 2 чисто иллюстративная. Практически нет необходимости анализировать данные этой таблицы. Только Чехия, Венгрия и Словения, которые являются наиболее развитыми странами ЦВЕ, располагают достоверной статистической информацией об иностранных гражданах, но даже в этих странах процент иностранных граждан относительно низок.

Эмиграция на постоянное место жительства из стран ЦВЕ в страны ОЭСР сокращалась. В Польше эмиграция в переходный пе-

риод была на 40% (в сравнении с 1985–1989 гг.) и на 19% (в сравнении с 1980–1984 гг.) ниже, чем в 1980-е гг. (Iglička, 2001, p. 5). В то же время временные миграции рабочих возрастают как внутри региона ЦВЕ, так и в направлении с Востока на Запад. Большая часть временных миграций регулируется межправительственными соглашениями и в большинстве случаев ограничивается приграничными регионами. В действительности эти миграционные потоки соответствуют процессу региональной интеграции и являются результатом географической и культурной близости, а также тем, что для большинства граждан ЦВЕ при пересечении границ не требуется виз. Следует подчеркнуть также, что происходит постоянная диверсификация стран происхождения иммигрантов в страны ЦВЕ. Некоторые из них, как, например, армяне в Польше, являются традиционными, в то время как многие иммигранты из стран третьего мира имеют своей целью страны ЕС.

Транзитные миграции в Западную Европу в некоторых странах сопровождаются нелегальной занятостью, в то время как в других странах они практически полностью находятся под контролем лиц и группировок, занимающихся контрабандной переправкой людей. В Польше нелегальность была характерной чертой международной миграции населения в течение всего последнего десятилетия прошлого века (Okolski, 2000, p. 64). Естественно, точной статистической информации нет. Тем не менее, данные о задержаниях на границе в Словении демонстрировали значительный рост в период 1996–2000 гг. Наибольший рост наблюдался в 2000 г., когда число задержанных нелегальных мигрантов возросло по сравнению с предыдущим годом на 192,0% (с 18 695 до 35 892 чел.) (Malacic, 2002, p. 5).

Открытие границ в регионе ЦВЕ вызвало усиление миграции представителей этнических меньшинств. Многие из этих мигрантов имели семейные связи в странах назначения. Этнические венгры из Румынии, Федеративной Республики Югославии и Словацкой Республики эмигрировали в Венгрию. Наблюдалась аналогичные иммиграционные потоки поляков (из Литвы, Беларуси, Украины, Казахстана и Сибири), болгар (из бывшего Советского Союза), румын (из Молдовы). Однако, потоки этнических немцев за тот же период значительно сократились (SOPEMI, 2001, p. 63). Также сократились миграционные потоки цыган как внутри ЦВЕ, так и в Западную Европу. Это является следствием — по крайней мере частично — дискриминации цыганской общины в странах ЦВЕ.

Распад второй Югославии привел к возникновению самого большого в современной Европе числа перемещенных лиц, беженцев и лиц, ищущих убежища. Однако в Словении и Македонии распад бывшей Югославии не вызвал значительных миграций. Обе страны испытали на себе обмен несколькими тысячами служащих федеральной армии и членов их семей с другими федеральными

службами бывшей федерации. В других частях бывшей единой страны ситуация была совершенно иной. Военные конфликты в Хорватии (1991–1992 гг.) и Боснии и Герцеговине (1992–1993 гг.) и притеснение этнических меньшинств в Воеводине, Сербии и Косово вызвали самую большую волну вынужденной миграции в Европе после 1945–1946 гг. В период между 1991 и 1993 гг. около 5 миллионов граждан Хорватии, Боснии и Герцеговины и Федеративной Республики Югославии стали перемещенными лицами и беженцами (Malacic, 1994, p. 207). Лишь 700 000 из них перебрались в Западную Европу. Большинство остались в буферных зонах на территории бывшей Югославии и в некоторых соседних странах. В 1995 г. около 250 000 хорватских сербов были вынуждены покинуть Сербскую Краину вследствие операций хорватской армии (Grecic, 2000, p. 600). Следующая волна вынужденных мигрантов была следствием вооруженных конфликтов в Косово после 1998 г. и особенно во время воздушной кампании НАТО в 1999 г. В середине 1999 г. насчитывалось около 775 000 этнических албанцев и примерно 219 000 сербских беженцев (Grecic, 2000, p. 603). Многие инвалиды и беженцы вернулись в свои дома в течение 1990-х гг. Однако условия для репатриации были не лучшими, и общее число вернувшихся было относительно небольшим. По данным УВКБ ООН, до 1998 г. лишь 350 000 беженцев вернулись в свои дома (Grecic, 2000, p. 604).

В наиболее развитых странах ЦВЕ не наблюдалось серьезных признаков «утечки умов». В Польше в течение 1990-х гг. среди международных мигрантов преобладали менее образованные эмигранты (Igliska, 2001, pp. 5–6). В Республиках Чехии и Словакии, а также в Венгрии и Словении эмиграция высокообразованных граждан была еще менее ощутимой. В Словении за период 1988–1994 гг. 50 эмигрантов представляли собой занятых в сфере науки, что составляет 1,7% всех ученых занятых в словенских научно-исследовательских институтах (Malacic and Vec, 1997, p. 2). С другой стороны, «утечка умов» была весьма серьезной проблемой для ряда стран ЦВЕ, особенно Хорватии, Федеративной Республики Югославии и Боснии и Герцеговины, которые были разорены войнами. Из Сербии за период 1990–1993 гг. эмигрировали в западные страны более 10 000 лиц с университетским дипломом (Grecic, 1995, p. 118). По данным Соколи и Акхеми, в 2000 г. примерно 30% высокообразованных кадров выехали из Албании. Большинство из них — молодые мужчины (Sokoli and Axhemi, 2000, pp. 523–524).

Страны ЦВЕ с начала 1990-х гг. испытывали также в той или иной степени нарастание иммиграции на постоянное место жительства. Экономически более развитые из стран ЦВЕ столкнулись с этим процессом первыми, в то время как менее развитые страны региона, разрушенные войнами, еще не испытали его на себе. Это явление хорошо известно из миграционной истории (Malacic, 1993,

pp. 191–193), и следует ожидать, что процесс наберет силу в ближайшем будущем.

Прогнозы международной миграции и демографического развития стран ЦВЕ

Во время переходного периода 1990-х гг. регион ЦВЕ не испытал массовой эмиграции своего населения. Даже вынужденные миграции, вызванные распадом второй Югославии и войнами в Хорватии, Боснии и Герцеговине и Федеративной Республике Югославии были ограничены преимущественно Балканским полуостровом и соседней буферной зоной. Страхи и беспокойства Западной Европы относительно возможности массовых миграций с Востока на Запад в конце 1980-х — начале 1990-х годов не материализовались. Они скорее дали повод для активного обсуждения альтернатив широкомащтабной международной миграции (Layard, Blanchard, Dornbusch and Krugman, 1992; Malacic, 1996). Для профессиональных экономистов, политиков и даже для потенциальных эмигрантов было очевидно, что в богатых западноевропейских государствах нет особых оснований для производства трудоемких товаров руками большого числа въехавших восточноевропейцев. Гораздо более рационально производить такие товары на Востоке и продавать их за границу.

Открытие границ ЦВЕ, однако, привело к значительному миграционному движению между странами региона. Поэтому политики и ученые Восточной и Западной Европы пытались определить, каким образом можно стабилизировать ситуацию в области международной миграции в ЦВЕ. Наиболее очевидными целями как для западных, так и для восточных политиков должны были стать обеспечение более тесного сотрудничества, большей степени информированности и большей демократии / толерантности (Drbohlav, 1997, pp. 96–97). Наиболее общей целью для всего региона ЦВЕ должно было стать поддержание и дальнейшее развитие политической демократии наряду с жизнеспособной и эффективной рыночной экономической системой. Эти политические цели были еще более важными для тех частей бывшей Югославии, которые испытали на себе войны, этнические конфликты и политическую нестабильность в 1990-х гг.

Прогнозы международной миграции в ЦВЕ будут во все возрастающей степени определяться ухудшающейся демографической ситуацией практически во всех странах региона. Снижение рождаемости в период после завершения демографического перехода (1950–1980 гг.) привело к отрицательному естественному приросту населения примерно в половине стран ЦВЕ. Коэффициенты естественного прироста населения и чистой миграции в странах ЦВЕ приведены в табл. 3.

В 2000 г. только в Румынии оба показателя были отрицательными. В Венгрии и Польше сумма двух показателей была отрица-

тельной, что означало отрицательный прирост населения. Демографическая ситуация во всех государствах ЦВЕ далека от удовлетворительной. Один из прогнозов населения для Болгарии на период 2000–2020 гг. определяет сокращение общей численности населения с 8,03 до 6,57 млн. (без учета международной миграции) (Totev and Kalchev, 2000, p. 635). Аналогичные прогнозы населения могут быть сделаны для большинства других стран ЦВЕ. Основным негативным демографическим показателем является снижение рождаемости ниже уровня, обеспечивающего воспроизводство населения. В рамках данной статьи невозможно осветить эту проблему подробно. Однако совершенно ясно, что низкая рождаемость и старение населения в регионе ЦВЕ вызовет необходимость значительного роста международной миграции. Приток иностранцев будет более значимым и масштабным в экономически более успешных и более богатых странах региона. Тем не менее, все государства ЦВЕ будут, по всей вероятности, импортировать значительное число иммигрантов из стран третьего мира. Единственным исключением станет в течение некоторого времени Албания, поскольку в ней еще не завершился демографический переход.

Таблица 3. Коэффициенты естественного прироста населения и чистой миграции (в %) в 2000 г. в регионе ЦВЕ

Страна	коэффициент миграционного прироста	коэффициент естественного прироста
Албания	-0,40 ^x	1,22 ^x
Болгария	0,00	-0,51
Хорватия	1,03 ^x	-0,14
Чехия	0,06	-0,18
Венгрия	0,00	-0,38
Польша	-0,05	0,03
Румыния	-0,02	-0,09
Словакия	0,03	0,04
Словения	0,14	-0,02
Македония	-0,57	0,59
Босния и Герцеговина	Н.д.	н.д.
Югославия	Н.д.	н.д.

^x 1999; н.д. — нет данных.

Источник: Recent Demographic Developments in Europe 2001, pp. 40, 47.

Автор настоящей статьи предсказывал в 1998 г., что Чехия, Венгрия и Словения не будут испытывать потребности в значительном числе новых иммигрантов для покрытия дефицита в рабочей силе по крайней мере в ближайшие 10–15 лет (Malacic, 1999, p. 64). Этот прогноз, вероятно, еще верен, причем не только для наиболее развитых стран региона, но в той или иной степени для всего региона ЦВЕ в целом. Однако этому прогнозу будет противодействовать ухудшающаяся демографическая ситуация, которая будет стимулировать приток иммигрантов из отдаленных стран и регионов. Таким образом, миграционная ситуация в ЦВЕ будет

динамичной, усложняющейся и постоянно меняющейся как в ближайшем, так и в более отдаленном будущем.

Заключение

Политическая география Европы, которая была законсервирована по окончании Второй Мировой войны, существенно изменилась в конце 1980-х и начале 1990-х гг. В коммунистической части Европы были отменены жесткий пограничный контроль и ограничения на поездки в зарубежные страны. Люди смогли получать паспорта, и международная миграция стала более или менее нормальным явлением.

Анализ международной миграции в ЦВЕ выявил множество различных типов международной миграции в период 1950–1990 гг. Однако, за исключением второй Югославии, процесс был политически регламентирован. В целом регион ЦВЕ был эмиграционным регионом в период 1950–1990 гг. Из стран региона выехали на постоянное местожительство от 5 до 6 млн. эмигрантов.

Открытие границ в ЦВЕ облегчило процесс международной миграции населения. Однако современные международные миграции являются гораздо более сложными, чем в период 1950–1990 гг. Изучаемые процессы определялись главным образом экономическими факторами, за исключением вынужденных миграций в пострадавших от войн и экономического хаоса Хорватии, Боснии и Герцеговине и Федеративной Республике Югославии. В настоящее время страны ЦВЕ могут быть подразделены на группу более развитых иммиграционных государств Центральной Европы и группу эмиграционных государств, включающих менее развитые страны Юго-Восточной Европы и Польшу. В ближайшем будущем Польша, по-видимому, присоединится к первой группе. Ситуация с международной миграцией населения в ЦВЕ в течение переходного периода претерпела изменения. Главный результат этих изменений заключается в растущей привлекательности стран ЦВЕ для иммигрантов.

В определенной степени в странах ЦВЕ в переходный период сформировались альтернативы международной миграции. Однако для стабилизации ситуации в области международной миграции необходимы дополнительные факторы. С политической точки зрения наиболее важными факторами являются: процесс сотрудничества между Востоком и Западом, распространение информации и обеспечение демократии и толерантности.

Перевод с английского И.В. Ивахнюк

Литература

1. Bobeva D. (1994) Emigration from and Immigration to Bulgaria // In: European Migration in the Late Twentieth Century: Historical Patterns, Actual Trends, and Social Implications / H. Fassmann and R. Münz (eds.). Edward Elgar and IIASA.
2. Bonifazi C. and Strozza S. (2002) International Migration in Europe in the Last Fifty Years // In: Contributions to International Migration Studies / C. Bouifazi and G. Gesano (eds.). IRP, Roma.
3. Council of Europe (1991–2000) Recent demographic developments in Europe, Strasburg.
4. Dövényi Z. and Vukovich G. (1994) Hungary and International Migration // In: European Migration in the Late Twentieth Century: Historical Patterns, Actual Trends, and Social Implications / H. Fassmann and R. Münz (eds.). Edward Elgar and IIASA.
5. Drbohlav D. (1997) Migration Policy Objectives for European East-West International Migration // International Migration, Vol. 35, No. 1, IOM.
6. Fassmann H. and Münz R. (1994 a) Patterns and Trends of International Migration in Western Europe // In: European Migration in the Late Twentieth Century: Historical Patterns, Actual Trends, and Social Implications / H. Fassmann and R. Münz (eds.). Edward Elgar and IIASA.
7. Fassmann H. and Münz R. (1994 b) Austria: A Country of Immigration and Emigration In: European Migration in the Late Twentieth Century: Historical Patterns, Actual Trends, and Social Implications / H. Fassmann and R. Münz (eds.). Edward Elgar and IIASA.
8. Grecic V. (1995) Migrations of Scientists and Professionals from the Republic of Serbia // Studi emigrazione, XXXII, No. 117, Roma.
9. Grecic V. (2000) Forced Migrations in the Former Yugoslavia. // Studi emigrazione, XXXVII, No. 139, Roma.
10. Igllicka K. (2001) Migration Movements from and into Poland in the Light of East-West European Migration // International Migration, Vol. 39, No. 1, IOM.
11. Korcelli P. (1994) Emigration from Poland after 1945 // In: European Migration in the Late Twentieth Century: Historical Patterns, Actual Trends, and Social Implications / H. Fassmann and R. Münz (eds.). Edward Elgar and IIASA.
12. Layard R. Blanchard O., Dornbusch R. and Krugman P. (1992) East-West Migration. The Alternatives. The MIT Press, Cambridge and London.
13. Malacic J. (1993) Demographic Transition, Emigration and Long-Term Economic Development: Countries with the Highest Emigration in Europe. Two Homelands / Dve domovini, No. 4. Ljubljana.

14. Malacic J. (1994) Labor Migration from Former Yugoslavia // In: European Migration in the Late Twentieth Century: Historical Patterns, Actual Trends, and Social Implications / H. Fassmann and R. Münz (eds.). Edward Elgar and IIASA.
15. Malacic J. (1996) Alternatives to International Migration // In: Proceedings of the Mediterranean Conference on Population, Migration and Development, Palma de Mallorca, 15–17 October 1996, Council of Europe, Strasbourg.
16. Malacic J. (1999) Situacija na rynku truda i v sferi mezdunarodne migracije v centralno-evropskih straneh s prehodno ekonomiko (Labor Market and International Migration Situation in Central European Transitional Economies) // Mezdunarodna migracija naselenja: Rossija i sovremennij mir, Vypusk 2, MGU, Moskva.
17. Malacic J. (2000) Demografija (Demography), 4th impression, Faculty of Economics, Ljubljana.
18. Malacic J. (2002) Illegal Migration: A Perspective from Slovenia. A paper prepared for the conference Geographical Mobility in Italy, University of Trieste, Trieste, 14–17 March 2002.
19. Malacic J. and Bevc M. (1997) Migration, Europe's Integration and the Labour Force Brain Drain: Slovenia // In: COST: Brain Drain from Central and Eastern Europe. European Commission, Brussels.
20. Okolski M. (2000) Illegality of International Population Movements in Poland // International Migration, Vol. 38, No. 3, Special Issue 1 / 2000. IOM.
21. Pavlik Z., Rychtarikova J. and Subrtova A. (1986) Zaklady demographie (The Foundations of Demography), Academia, Prague.
22. Recent Demographic Developments in Europe 1991–2001, Council of Europe, Strasbourg.
23. Rudolph H. (1994) Dynamics of Immigration in a Nonimmigrant country: Germany // In: European Migration in the Late Twentieth Century: Historical Patterns, Actual Trends, and Social Implications / H. Fassmann and R. Münz (eds.). Edward Elgar and IIASA.
24. Sokoli N. and Axhemi S. (2000) Emigration in the Period of Transition // Studi emigrazione, XXXVII, No. 139.
25. SOPEMI (2001) Trends in International Migration 2000. OECD, Paris.
26. Statistical Yearbook of Slovenia 2001, SORS, Ljubljana.
27. Totev S. and Kalchev J. (2000) Emigration Processes and the Socioeconomic Development in Bulgaria // Studi emigrazione, XXXVII, No. 139, Roma.
28. United Nations (1999) World Population Prospects. 1998 Revision. United Nations, New York, Population Division.

К ВОПРОСУ ОБ «УТЕЧКЕ УМОВ» ИЗ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990 –х гг.¹

Международная миграция высококвалифицированных специалистов является одной из характерных особенностей развития процессов интернационализации хозяйственной жизни и продвижения к постиндустриальному обществу. Границы суверенных государств становятся все более прозрачными не только для движения товаров и капитала, но и для миграционных потоков, в первую очередь потоков высококвалифицированных специалистов. Быстрый рост масштабов миграции высококвалифицированных специалистов, прежде всего исследователей и инженеров, отражает специфику формирования и развития наукоемких и высокотехнологичных секторов экономики в странах, усиливает разделение труда и, как ни парадоксально, разделенность мира. Сохранение государственного суверенитета, кризис концепции «догоняющего развития» и «раскол цивилизации» (Иноземцев, 1999) делают особенно важным — как для стран-доноров, так и стран-реципиентов — их направление, масштабы, структурные особенности.

Для того, чтобы оценить эти потоки как естественные и благоприятные для развития мирового сообщества, необходимо, чтобы отток и приток в ту или иную страну в целом компенсировали друг друга. Преобладание притока в страну высококвалифицированных кадров, в первую очередь интеллектуальных, возможно при наличии в этой стране мощного научно-технического потенциала, являющегося результатом реализации политики приоритетного развития науки и техники и специальной иммиграционной политики, нацеленной на привлечение в страну высококвалифицированных специалистов (по крайней мере, на начальном этапе этого движения). В этом случае страна получает дополнительный бесплатный ресурс — высококвалифицированных специалистов, укрепляет свой научно-технический потенциал. В случае преобладания оттока высококвалифицированных специалистов из страны очевидна «утечка умов» и потери национального интеллектуального потенциала.

Проблема миграции высококвалифицированных специалистов из России, в первую очередь научных работников и преподавателей вузов, является на протяжении всего последнего десятилетия предметом широкого обсуждения, которое то замирает, то разгорается с новой силой. Хотя все ученые и практики, так или иначе интересующиеся этой проблемой, единогласны в оценке «утечки

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (грант №00-020331а).

умов» как негативного явления для страны-донора, существенные расхождения мнений возникают, когда делается попытка определить масштабы миграции высококвалифицированных специалистов, оценить последствия этого явления, в частности, в дискуссиях о необходимости и масштабах реализации специальных мероприятий, направленных на сохранение и развитие кадрового потенциала научно-технической сферы.

Эти дискуссии в значительной степени обусловлены отсутствием полных достоверных статистических данных о численности ученых и специалистов, эмигрировавших в зарубежные страны, а также о масштабах временной трудовой и учебной миграции. Единственные доступные и относительно достоверные данные касаются только выезжающих на постоянное место жительства (ПМЖ) за рубеж. Это данные Управления виз и регистраций МВД и Госкомстата РФ.

До 1992 г. статистический учет мигрантов велся в разрезе социально-профессиональных групп (рабочие, служащие, колхозники и др.). До этого времени анализируемая в данной работе категория целиком входила в состав группы «служащие», которая может быть использована для оценки численности высококвалифицированных кадров, выехавших за рубеж на постоянное место жительства, в период 1988–1991 гг.

Начиная с 1992 г. УВИР МВД РФ ввел новую форму сводки данных о мигрантах, выезжающих из страны, которая включает и группировку по отраслям народного хозяйства. Со второго полугодия 1992 г. появились данные, характеризующие эмигрирующих, во-первых, по уровню образования и ученым степеням и, во-вторых, по видам занятий или источникам средств существования, что позволяло достаточно достоверно оценить число выезжающих высококвалифицированных специалистов: научных работников, ИТР, преподавателей, других специалистов, студентов вузов, техникумов и т.д. Использование этих данных дало возможность наиболее точно охарактеризовать эмиграцию высококвалифицированных кадров из России, оценить потери России, возникающие в результате этого, сформулировать конкретные предложения по разработке мер и механизма регулирования этого процесса. Вместе с тем, изменение методики учета, хотя и повысило практическую и аналитическую значимость официальной статистической информации, в то же время повлияло на систему учета по временным рядам, что привело к несопоставимости данных за различные годы.

После 1997 г. произошли изменения в разработке первичных документов статистической информации и введена новая структура официальных статистических данных по международной миграции в России. В результате сведения об образовательных характеристиках мигрантов и сфере их деятельности оказались не вошедшими в

официальные статистические бюллетени. Изменения в формах статистической информации произошли в условиях, когда все большую значимость для характеристики человеческого потенциала и трудовых ресурсов, миграционных процессов, оценки социально-экономических последствий миграции населения приобретает анализ именно качественных характеристик, к которым, безусловно, относятся уровень образования и сфера занятости. Эти изменения разрывают временные ряды и значительно затрудняют отслеживание динамики миграции высококвалифицированных специалистов.

Для анализа временной трудовой миграции высококвалифицированных специалистов данные специального учета о численности и уровне образования россиян, выехавших на работу за границу по трудовым контрактам, и о прибывших в Россию иностранных работников на договорной основе, которые фиксируются Федеральной миграционной службой начиная с 1996 г., имеют довольно ограниченное применение вследствие ряда специфических черт миграции высококвалифицированных специалистов и, в первую очередь научных и профессорско-преподавательских кадров.

Недостаточность и неполнота статистической информации о межгосударственной миграции высококвалифицированных специалистов России (как на постоянное место жительства, так и по трудовым контрактам) во второй половине 1990-х годов позволяет оценить ее масштабы и структурные характеристики только на основе косвенных показателей, данных социологических опросов и экспертных оценок. Анализ таких показателей, как этнический состав миграционного потока, уровень образования и отраслевая структура занятости населения региона выхода мигрантов, возрастная структура и их сопоставление, а также особенности иммиграционной политики принимающей страны позволяют дать общую характеристику миграционных потоков высококвалифицированных специалистов, выявить тенденции развития этого процесса.

Международные миграции в России в последнее десятилетие XX века в целом могут быть охарактеризованы как стрессовые, независимо от того, говорим, ли мы о миграции, обусловленной главным образом экономическими факторами, или миграции этнической, об эмиграции или иммиграции. Вместе с тем, за прошедшее десятилетие во внешних миграционных процессах произошли существенные изменения, и, что особенно важно, изменились качественные характеристики миграционных потоков.

Во второй половине 1990-х гг. отчетливо проявилась тенденция изменения распределения потоков внешней миграции населения России между странами «ближнего» и «дальнего» зарубежья: если в 1992 г. доля выбывших в страны «ближнего» зарубежья составляла 85%, а в страны «дальнего» зарубежья — 15%, в 1996 г. — 66 и 34%, то в 2000 г. уже 57 и 43% соответственно.

В последние годы проявилась и устойчивая тенденция постепенного снижения масштабов выезда в страны «дальнего» зарубежья. Так, уже в 1997 и 1998 гг. численность эмигрантов составила чуть более 80 тыс. человек. Даже дефолт 1998 г., хотя и спровоцировал всплеск эмиграционных намерений, выразившийся, в частности, в увеличении полученных разрешений на выезд из России, не повлек за собой сколько-нибудь существенного роста численности эмигрировавших. В 1999 г. выехало 85,2 тыс., а в 2000 г. численность выбывших составила всего 62,3 тыс. человек (см. рис. 1).

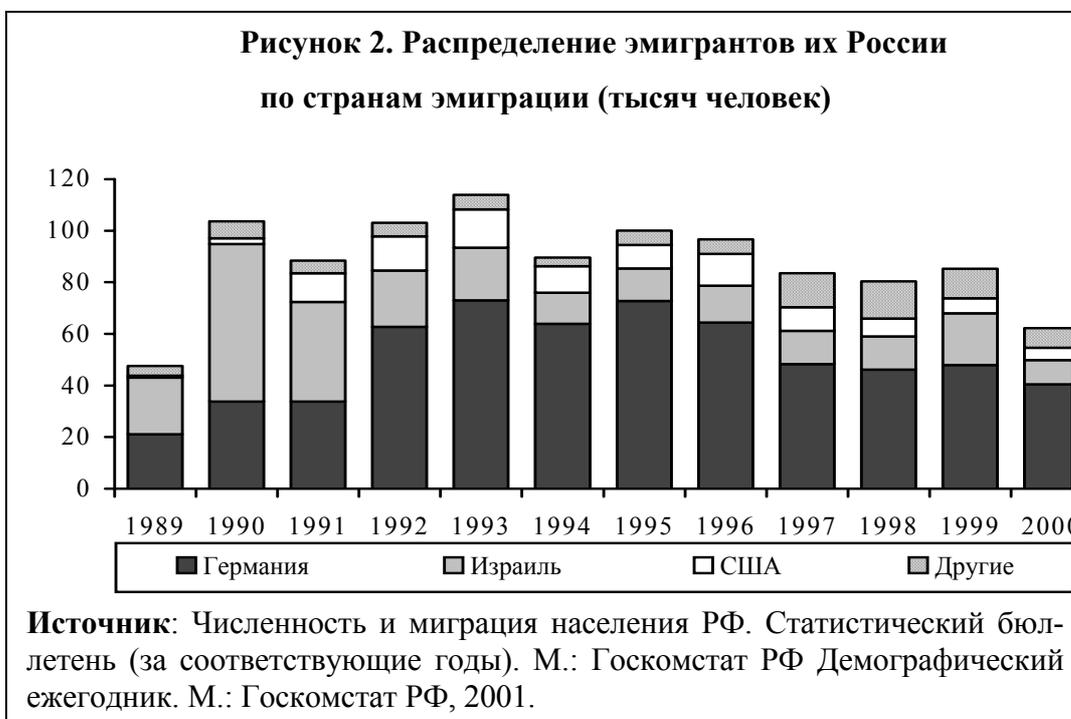


Распределение эмигрантов по странам приема сохранилось аналогичным началу 1990-х годов. Основная часть эмигрантов направлялась в три страны — в Германию, Израиль и США. Вместе с тем численность выехавших в эти страны, а также их доля в эмиграционном потоке в страны «дальнего» зарубежья несколько снизилась. Так, численность выехавших в США сократилась с почти 15 тыс. человек в 1993 г. до 4,8 тыс. в 2000 г. Уменьшилась и их доля в эмиграционном потоке с 11,2% до 7,7% соответственно (см. рис. 2).

В 1999 г. эмиграция в Израиль пережила второй всплеск (хотя и заметно меньший, чем 1990–1991 гг.), в значительной мере обусловленный возможной экономической нестабильностью в России после дефолта 1998 г. Всплеск эмиграции в 1999 г., когда численность выехавших увеличилась почти в 2 раза и составила 20 тыс. человек, сменился в 2000 г. новым снижением до докризисного уровня. Всплеск выезда в Израиль произошел на фоне сохранения масшта-

бов выезда в Германию и снижения — в США, т.е. экономический кризис неоднозначно повлиял на различные миграционные потоки.

Масштабы эмиграционного потока в Германию во второй половине 1990-х годов продолжали сокращаться и составили в 2000 г. немногим более 40 тыс. человек, что обусловлено в основном сокращением диаспоры этнических немцев, проживающих в России, и некоторыми изменениями в иммиграционной политике Германии.



В 1999 г. эмиграция в Израиль пережила второй всплеск (хотя и заметно меньший, чем 1990–1991 гг.), в значительной мере обусловленный возможной экономической нестабильностью в России после дефолта 1998 г. Всплеск эмиграции в 1999 г., когда численность выехавших увеличилась почти в 2 раза и составила 20 тыс. человек, сменился в 2000 г. новым снижением до докризисного уровня. Всплеск выезда в Израиль произошел на фоне сохранения масштабов выезда в Германию и снижения — в США, т.е. экономический кризис неоднозначно повлиял на различные миграционные потоки.

Масштабы эмиграционного потока в Германию во второй половине 1990-х годов продолжали сокращаться и составили в 2000 г. немногим более 40 тыс. человек, что обусловлено в основном сокращением диаспоры этнических немцев, проживающих в России, и некоторыми изменениями в иммиграционной политике Германии.

Численность выехавших на ПМЖ в другие страны (Греция, Австралия, Канада и другие) изменялась за этот период волнообразно: с 5,6 тыс. человек в 1996 г. увеличилась до 14,4 тыс. в 1998 г., а затем снизилась до 11,3 тыс. в 1999 г. и 7,6 тыс. человек в 2000 г. Доля же эмигрантов в эти страны в потоке, направленном в страны «дальнего» зарубежья, увеличилась почти в 2 раза — с 6,4%

в 1996 г. до 12,2% в 2000 г. Таким образом, сохранилась тенденция, наметившаяся еще в первой половине 1990-х гг.

Вместе с тем, сохранение этнического характера миграции по прежнему предопределяло преобладание в эмиграционном потоке мигрантов, направляющихся в Германию, а также регионы выхода эмигрантов. Если в 1994 г. доля Москвы и Санкт-Петербурга составила 16%, то в 2000 г. — уже 12%. В настоящее время наибольшую долю эмигрантов дают Урал, Сибирь и Поволжье — около 60%. На юг России (Северный Кавказ) приходится 13%. Значительны объемы эмиграции из западного анклава РФ — из Калининградской области.

Однако в потоке эмигрантов в США по-прежнему преобладают москвичи и петербуржцы, хотя и в этом потоке, начиная с 1995 г., отчетливо проявилась устойчивая тенденция снижения их доли. Так, если в 1994 г. доля москвичей и петербуржцев составляла более 58%, то в 1999 г. она сократилась в 2 раза и составила менее 29%, а в 2000 г. — 23,8%.

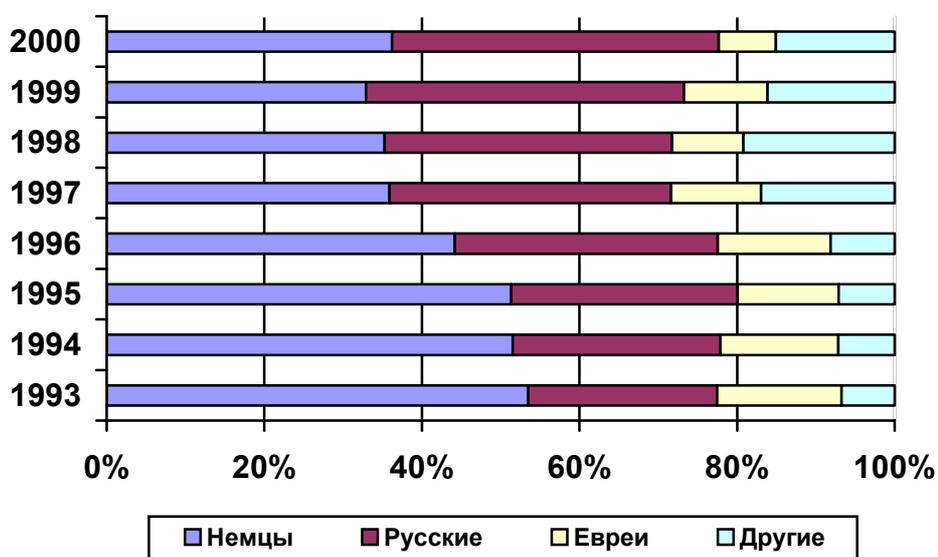
В зависимости от регионов выхода значительно варьирует национальный состав эмигрантов. Наибольшую долю среди выехавших из Москвы и Московской области, из Санкт-Петербурга и Ленинградской области составляли русские (соответственно в 1995 г. — 40,0% и 45,6%, 46,2% и 46,5%) и евреи (1995 г. — 48,0% и 30,9%, 43,4% и 13,2%). Доля немцев была относительно высока среди выехавших из Московской и Ленинградской областей — в 1995 г. 13,01% и 19,41% соответственно. Основная часть немецкой эмиграции приходится на другие регионы, имеющие значительные размеры эмиграции в страны «дальнего» зарубежья — регионы Западной Сибири, Поволжья и юга европейской части России. Среди выбывших из этих регионов доля немцев составляла от 42% (Краснодарский край) до 79,8% (Омская область).

На протяжении всего десятилетнего периода мигранты трех этнических групп — немцы, евреи, русские — составляют около 90% всего эмиграционного потока. Вместе с тем, во второй половине 1990-х годов сохранились две существенные тенденции, проявившиеся уже в первой половине 1990-х годов: постепенное увеличение доли русских (в 1,7 раза) и доли других этносов, проживающих на территории России (в 2,2 раза) на фоне сокращения долей немцев и евреев (см. рис. 3). Даже учитывая, что значительную часть русской эмиграции составляют члены смешанных семей (в первую очередь среди тех, кто выезжает в Германию и Израиль), отмеченные тенденции говорят о значительном росте эмиграции русских.

География эмиграции по отдельным национальностям различается. Практически все немцы (99,8% в 1994 г., 99,6% в 2000 г.) выезжают в Германию. В то же время только половина евреев выезжает в Израиль (51% — в 1994 г., 68,4% — в 1999 г., 54,4% —

в 2000 г.). Доля евреев, выехавших в США, постепенно снижается — в 1994 г. они составляли около 35%, а в 2000 г. — 18,8%. Одновременно возросла эмиграция евреев в Германию, что связано с принятием в Германии ряда законодательных актов, облегчающих еврейскую эмиграцию в страну (особенно это касается евреев и членов их семей, репрессированных немцами в годы Второй мировой войны). В 1995 г. еврейская эмиграция в Германию увеличилась в полтора раза по сравнению с предыдущим годом и достигла пика в 1997 г., составив 2283 человека. Затем численность этого потока постепенно сокращалась и в 2000 г. составила 1097 человек.

Рисунок 3. Распределение эмигрантов из России по национальности (%)



Источник: Численность и миграция населения РФ. Статистический бюллетень (за соответствующие годы). М.: Госкомстат РФ Демографический ежегодник. М.: Госкомстат РФ, 2001

География эмиграции русских значительно шире, чем евреев и немцев. Около 50% из них направляются в Германию, более 20% — в Израиль, 12% — в США. 18% русских выезжают в другие страны «дальнего» зарубежья. Эмиграция русских в США имеет тенденцию к сокращению — если в 1994 г. в США направлялись 18% эмигрантов-русских (4,4 тыс. человек), то в 2000 г. — только 12% (3,1 тыс. человек). Вместе с тем, в эмиграционном потоке из России в США доля русских постоянно увеличивалась — в 1994 г. она составляла 42,4%, в 1998 г. — 63,9%, в 2000 г. — 65%.

Увеличение доли русских в эмиграционном потоке свидетельствует о качественных изменениях в процессах эмиграции. Этническая эмиграция немцев и евреев постепенно иссякает, в частности, в связи с уменьшением их миграционного потенциала в России, а эмиграция русских продолжает нарастать. Более того, русские начинают искать новые возможности для работы в других странах, о чем говорит рост их эмиграции в Канаду, Австралию, Финляндию,

в страны Центральной и Восточной Европы, хотя абсолютные размеры эмиграции в эти страны еще весьма незначительны.

Особой проблемой сохранения научно-технического потенциала России является отток высококвалифицированных специалистов из сферы НИОКР и производственных объединений военно-промышленного комплекса (ВПК), которые сосредоточены в так называемых закрытых территориально-административных образованиях (ЗАТО), т.е. «закрытых» городах. Научно-технический потенциал в закрытых городах достаточно велик. Так, в бывшем «закрытом» городе Фрязино (Московская область) каждый шестой житель обладает высшим образованием, а на 53 тыс. населения приходится 150 докторов и 450 кандидатов наук («Аргументы и факты», 1998, С. 9).

Большая часть (свыше 60%) специалистов из «закрытых» городов выезжает за границу на постоянное жительство, при этом из «закрытых ракетных» городов эта доля еще больше — две трети выехавших. Из «закрытых ядерных» городов основная часть мигрантов предпочитает выезжать на временную работу. Евреи и немцы мигрируют безвозвратно соответственно в Израиль и Германию. Доля русских, выезжающих на постоянное место жительства, варьирует в зависимости от сферы занятости, страны выезда и целей отъезда.

В эмиграционном потоке из «закрытых» городов преобладают научные работники. Интенсивность выезда ученых по сравнению с другими специалистами из ЗАТО наиболее велика. Социологическое обследование, проведенное в 1992 г. в ряде «закрытых» городов, выявило, что если среди работающих в учреждениях, расположенных на их территориях, научные сотрудники составляют 61%, то среди уехавших — 75%. Интенсивность выезда специалистов с ученой степенью выше, чем тех, кто ее не имеет. Так, среди работающих они составляют 33%, а среди уехавших — 50% (Тихонов, 1994, 1996).

Результаты обследования, проведенного в 1999 г. (Тихонов, 2000), выявили аналогичную ситуацию — интенсивность выезда специалистов наиболее высока для научных центров и наиболее низка для производственных. Поток специалистов, выехавших за границу из «закрытых ядерных» городов, на одну треть состоял из научных сотрудников, на две трети из инженерно-технических специалистов. Среди выехавших доля лиц, имеющих научные степени, была та же, что и на обследованных предприятиях. Вместе с тем, среди эмигрантов в Израиль 20% имели ученые степени, в то время как среди выехавших в Германию таких было только 4%.

Таким образом, если в начале 1990-х годов эмиграция в страны «дальнего» зарубежья носила в целом ярко выраженный этнический характер, то во второй половине 1990-х годов эмиграция постепенно теряет эту специфическую черту. В контексте изучения

миграции высококвалифицированных кадров эти изменения имеют существенное значение.

Вместе с тем выезд на постоянное место жительства за рубеж во второй половине 1990-х годов все еще продолжает сохранять характер этнической миграции (главным образом в Германию) и воссоединения семей, следствием чего является относительно невысокая доля эмигрантов, имеющих высшее образование и ученые степени. В данном случае структура эмигрантов в значительной степени определяется профессиональной и квалификационной структурой работников соответствующей национальности в стране выезда, их местом жительства, а не ситуацией на международном рынке труда, и — в исследуемом случае — сегменте рынка исследователей и высококвалифицированных специалистов. Так, среди выезжающих в Германию преобладают немцы и члены их семей, выезжающие из сельскохозяйственных и промышленных регионов, как и в первой половине 1990-х годов. Поэтому, в целом, можно говорить, по нашему мнению, о сохранении во второй половине 1990-х годов образовательной и профессионально-квалификационной структуры эмигрантов в Германию. Вместе с тем возможно и некоторое ухудшение этой структуры, вследствие того, что в первую волну эмигрантов, которая в данном случае имела место в первой половине 1990-х годов, как правило, вовлекаются наиболее активные и квалифицированные работники.

В эмиграционном потоке в Израиль, основными этническими группами которого являются евреи и русские (преимущественно в составе смешанных семей), велика доля выезжающих из Москвы и Санкт-Петербурга, как и в предшествующий период. Поэтому, экстраполируя тенденции предшествующего периода, можно предположить высокую долю среди эмигрантов в Израиль работавших в науке, образовании, здравоохранении, культуре. Вместе с тем последние исследования, проведенные израильскими специалистами, показывают, что образовательный уровень мигрантов, прибывших в Израиль в начале 1990-х годов, был значительно выше, чем у мигрантов, прибывающих в последние годы.

Эмиграционный поток, направленный в США, существенным образом отличается от потоков, направленных в Израиль и Германию более высокой долей русских, а также более высокой долей выходцев из Москвы и Санкт-Петербурга. Несмотря на довольно высокую долю старших возрастных групп в этом эмиграционном потоке (что представляет скорее всего эмиграцию с целью воссоединения семей), можно говорить о сохранении высокого профессионально-квалификационного уровня выезжающих и даже его повышении. Принятые в 1996 г. поправки в Иммиграционном акте США, предоставляющие значительные преференции выдающимся ученым и высококвалифицированным специалистам, необходимым американской экономике, несомненно, позволяют привлекать из

других стран, в том числе и из России, высококвалифицированных и перспективных специалистов.

Меньший поток эмиграции высококвалифицированных кадров, в том числе научно-преподавательских, направляется в страны Европейского Союза (помимо Германии), а также Канаду и Австралию. Иммиграционные законодательства европейских стран ограничивают приток высококвалифицированных мигрантов, стремясь поддерживать внутренний рынок труда высококвалифицированных специалистов в равновесии.

Эмиграция в такие страны, как Канада и Австралия, вообще не носит этнического характера или характера воссоединения семей (на данном этапе) и реализуется в контексте иммиграционных законодательств, определяющих — как и американское законодательство — приоритетность привлечения высококвалифицированных специалистов. Это определенным образом сказывается на показателях профессионально-квалификационного уровня эмигрантов: доля эмигрантов, имеющих высшее образование, в этих потоках наиболее высока. Но с другой стороны, поскольку эти страны не обладают значительным научно-техническим потенциалом и не являются мировыми лидерами в сфере науки и технологий, эмиграция российских высококвалифицированных исследователей в эти страны, вероятно, не столь велика. В миграции российских ученых отчетливо прослеживается приоритет стран с высокоразвитой наукой.

Экспертные оценки масштабов выезда на ПМЖ работников науки и преподавателей высшей школы в первой половине 1990-х годов варьируют от 2 тыс. (Аллахвердян, Агамова, 2000) до 8 тыс. человек (Лахтин, Миндели, 2001). На наш взгляд, более реальной представляется оценка около 6 тыс. человек, учитывающая как высокую долю эмигрантов из Москвы и Санкт-Петербурга в начале 1990-х годов, так и ее снижение в дальнейшем (подробнее см. Ушкалов, Малаха, 1999). Учитывая сокращение масштабов эмиграции в страны «дальнего» зарубежья, изменение структурных характеристик этого миграционного потока во второй половине 1990-х годов, а также увеличение масштабов временной трудовой миграции, масштабы выезда на ПМЖ высококвалифицированных специалистов, работающих в сфере науки и высшего образования, можно оценить на уровне 0,7 тыс. человек в год в среднем, или около 4 тыс. человек за весь период². За период 1992-2000 гг. за рубеж на ПМЖ выехало около 10 тыс. научных работников и преподавателей высшей школы.

Таким образом, некоторая доля эмиграционного потока, имеющего преимущественно этнический характер, является одно-

² Эта оценка, как и предыдущая не учитывает выехавших за рубеж по временным трудовым контрактам и приглашениям и затем оставшихся за границей на более длительный срок.

временно и классической «утечкой умов» и в значительной мере представляет собой безвозвратные потери высококвалифицированного человеческого, в первую очередь интеллектуального, потенциала для России.

На фоне продолжающейся эмиграции высококвалифицированных специалистов быстрыми темпами развивается «маятниковая» миграция, когда исследователи работают в течение определенного времени (в среднем около 3-х месяцев в год) за рубежом, занимаясь в основном экспериментальной работой на современном оборудовании. Мизерное финансирование инвестиций в науку уже привело к тому, что осуществить большинство экспериментов на имеющемся в России оборудовании невозможно. И это является немаловажным стимулирующим фактором внешней «маятниковой» миграции российских ученых.

Поток внешней трудовой миграции высококвалифицированных специалистов, в отличие от выезда на ПМЖ, может быть оценен только через косвенные показатели: по результатам социологических опросов, оценкам изменения численности российских диаспор в других странах, экспертным оценкам специалистов. Определенную информацию дают материалы ФМС, которые регистрируют только трудовых мигрантов, привлеченных на основе трудовых контрактов через уполномоченные структуры.

Учитывая, что в подавляющем большинстве стран мира выезд на работу в другие страны не сопряжен с какими-либо ограничениями (за исключением тех, кто связан государственной тайной) и даже длительное пребывание в другой стране не требует смены гражданства, большая часть высококвалифицированных специалистов предпочитает временную трудовую миграцию эмиграции. Такое решение принимается исходя из того, что эмиграция сопряжена с определенным и достаточно высоким риском не найти или потерять впоследствии работу по специальности. Временная же трудовая миграция предполагает выезд по контракту для работы в определенной сфере (научном центре, университете, лаборатории) и, возможно, возвращение на родину с пополненным профессиональным опытом и опытом международной работы, если мигрант не сможет или не захочет продлевать контракт или найти другое место работы.

Предпочтение, отдаваемое высококвалифицированными специалистами выезду по трудовым контрактам вполне объяснимо, так как наличие контракта гарантирует, во-первых, определенную сферу и условия трудовой деятельности и возможность реализовать творческие планы (в первую очередь это относится к ученым, исследователям и работникам культуры), и, во-вторых, определенную социальную защиту. Причем, если для высококвалифицированных специалистов из развитых стран более важным является первая гарантия, то для специалистов из стран с переходной экономикой, в

том числе России, не менее важное значение имеет и второе условие. Это обусловлено сложной экономической ситуацией в этих странах, затрудняющей как реализацию творческого потенциала, так и усложняющей каждодневные бытовые проблемы.

Специалисты, уже принадлежащие к научной элите, равно как и молодые исследователи, собирающиеся повышать уровень своей профессиональной квалификации, уезжают, в том числе и безвозвратно, в основном с временными контрактами на руках. Суммарный выезд по трудовым контрактам, на стажировку и учебу, по оценкам, превышает выезд специалистов на постоянное место жительства в 3–5 раз (Ушкалов, Малаха, 1999; Оценка социально-экономических последствий..., 1993, С. 7). Если постоянно проживающая за границей российская научная диаспора насчитывает около 30 тыс. человек, то число «контрактников» в четыре раза выше — не менее 120 тыс. человек (оценка профессора С. Егерова, приведенная в: Давыдова, 1998).

Таким образом, именно те ученые, которые едут с намерением работать за рубежом по специальности, не прибегают при оформлении выездных документов к формулировке «на постоянное место жительства», т.к. практически единственной формой трудоустройства в университете или лаборатории на Западе является краткосрочный контракт.

Этот вывод подтверждается и материалами социологических обследований, проведенных в этот период (Оценка социально-экономических последствий..., 1993, С. 7; Гохберг, Миндели, Некипелова, 1994, С. 15; Тихонов, 2000; Социальные характеристики..., 2001). Опрос сотрудников институтов Хабаровского научного центра ДВО РАН показал, что более 64% респондентов уехали бы за рубеж на непродолжительное время, и лишь 5,7% — навсегда. Среди тех научных работников, которые уже работали за рубежом, 50% были приглашены в научные центры и 37,5% — в университеты (Социальные характеристики..., 2001)

Социологический опрос работников предприятий ВПК, проведенный в «закрытых» городах, показал, что если практически все немцы и евреи из «закрытых ядерных» городов выезжают соответственно в Германию и Израиль на постоянное место жительства, то русские в 60% случаев выезжают на временную работу и в основном в Германию, Швецию и США (Тихонов, 2000).

Приоритет стран с высокоразвитой наукой очевиден. В 1996 г. из 4084 российских исследователей, временно работавших за рубежом (по контракту, обмену, приглашению), 26,6% работали в США, 17,1% — в Германии, 9,25% — во Франции (Некипелова, 1998, С. 77). Среди сотрудников институтов Хабаровского научного центра более 75% работали в Японии, США и странах Западной Европы. Высокая доля Японии (44,4%) отражает специфику географического положения этого научного центра.

Анализ данных о структуре выехавших по возрасту и научной квалификации позволяет сделать вывод, что значительная часть российских ученых, затронутых «утечкой умов», относится к элите и, в особенности, к предэлите (Некипелова, 1998; Гохберг и др., 1994, С. 15).

Опрос сотрудников институтов Хабаровского научного центра показал и высокую интенсивность намерений остаться за рубежом навсегда: никто не высказал нежелания остаться при наличии возможности, а четверть респондентов имела такое желание, но не имела возможности (Социальные характеристики..., 2001). Возможность продления или перезаключения мигрантом трудового контракта в значительной степени зависит от положения дел на рынках труда как в стране-реципиенте, так и в стране-доноре. При продлении контракта на новый срок возрастает вероятность получения гражданства в данной стране. Контрактник может выехать и в третью страну в поисках лучших условий жизни и работы. Но в любом случае трудовая миграция, в отличие от выезда на ПМЖ, представляется более гибкой формой миграции и занятости.

Все это позволяет сделать вывод, что оценки эмиграции ученых и специалистов, основывающиеся на данных УВИР МВД, и отражающие классическую форму «утечки умов», дают далеко не полную картину реально происходящих процессов миграции высококвалифицированных научных кадров.

Другой отчетливо проявившейся особенностью последних лет является формирование достаточно устойчивой схемы достижения цели работать за границей. В отличие от предшествующего периода, когда молодые люди стремились как можно раньше выехать за рубеж, в том числе для получения высшего и послевузовского образования, в настоящее время более предпочтительным является получение высшего образования и защита кандидатской диссертации в России и активный поиск возможных мест трудоустройства в университетах и научных центрах развитых стран, в первую очередь на «постдокторскую» должность. Как ни парадоксально, существование различного уровня грантов и специальных стипендий и программ для молодых ученых в современных условиях России способствует закреплению такой схемы поведения потенциальных высококвалифицированных мигрантов и помогает вести поиск более успешно.

Сопоставление тенденций эмиграции и трудовой миграции высококвалифицированных специалистов позволяет сделать вывод, что в России к концу 1990-х годов произошло снижение роли эмиграции как основного канала выезда высококвалифицированных специалистов, в первую очередь ученых, за границу. Миграционные намерения этой части трудового потенциала России все в большей мере реализуются в форме трудовой контрактной миграции.

В ближайшие годы маловероятны существенные изменения во внешней миграции высококвалифицированных российских специалистов. Это обусловлено, с одной стороны, внутренними обстоятельствами, которые едва ли возможно кардинально изменить в краткосрочном периоде. Это, в первую очередь, весьма скромное финансирование науки и инноваций как государством, так и частным капиталом, неопределенность институциональных преобразований науки, макроэкономическая нестабильность, демографические проблемы.

С другой стороны, внешние факторы, такие как емкость международного рынка труда высококвалифицированных специалистов, специальные иммиграционные программы для высококвалифицированных специалистов и другое, скорее всего не только не будут являться сдерживающими этот отток, но могут стать стимулирующими³.

Одним из активно дискутируемых сегодня вопросов в российском научном сообществе является возможность и целесообразность разработки и реализации программы, стимулирующей возвращение ранее уехавших за рубеж российских ученых путем предоставления им персональных грантов и стипендий для работы в России. Несмотря на то, что подобный опыт, более или менее успешный, имеется в ряде зарубежных стран, в том числе и в ряде постсоциалистических стран, эффективность подобных инициатив в России пока не имеет однозначной оценки. Пожалуй, в настоящее время в России большее значение имело бы изменение приоритетов социально-экономического развития страны, переориентация с сырьевой составляющей экономики на наукоемкие и высокотехнологичные отрасли, формирование развитой научной и инновационной инфраструктуры, поддержание стабильности и безопасности общества.

³ 25% респондентов сотрудников институтов Хабаровского научного центра ДВО РАН считают, что волна эмиграции будет возрастать, 62,5% высказали мнение, что интенсивность эмиграции будет зависеть от ситуации в России и 12,5% — от политики Запада (Социальные характеристики ..., 2001).

Литература

1. Аллахвердян А.Г., Агамова Н.С. (2000) Дискриминация профессиональных прав ученых как фактор «утечки умов». <http://russcience.chat.ru/papers/all-ag.htm>
2. Аргументы и факты, № 14 1998.
3. Госкомстат (2001) Демографический ежегодник 2001. М.: Госкомстат.
4. Госкомстат (2001) Численность и миграция населения РФ в 2000 году. Статистический бюллетень. М.: Госкомстат РФ.
5. Гохберг Л., Миндели Л., Некипелова Е. (1994) Эмиграция ученых: проблемы и реальные оценки // В кн.: Миграция специалистов России: причины, последствия, оценки. М.
6. Давыдова Н. (1998) Мозги утекающие // Московские новости, №46.
7. Иноземцев В. (1991) Расколота цивилизация. М.: Academia–Наука.
8. Лахтин Г.А., Миндели Л.Э. (2001) Наука в обновленной стране // Вестник Российской Академии наук. М. Т. 71. № 11.
9. Некипелова Е.Ф. (1998) Эмиграция и профессиональная деятельность российских ученых за рубежом. М.: ЦИСН Министерства науки РФ и РАН.
10. Оценка социально-экономических последствий интеллектуальной эмиграции в России и странах СНГ. Методология подсчета ущерба от эмиграции высококвалифицированных кадров: Научный доклад. (1993) М.
11. Социальные характеристики научного сообщества Хабаровского научного центра Дальневосточного отделения РАН (2001). <http://www.khsc.khv.ru/i-baze/Khstat.html>.
12. Тихонов В.А. (1994) «Закрытые города»: динамика миграционного потенциала специалистов // В кн.: Миграция специалистов России: причины, последствия, оценки. М.
13. Тихонов В.А. (1996) Закрытые города в открытом обществе, М.
14. Тихонов В.А. (2000) Ракетно-ядерный комплекс России: мобильность кадров и безопасность. Рабочие материалы. М.: Московский Центр Карнеги. №1.
15. Ушкалов И.Г., Малаха И.А. (1999) «Утечка умов»: масштабы, причины, последствия. М.: Эдиториал УРСС.
16. Ушкалов И.Г., Малаха И.А. (2000) «Утечка умов» как глобальный социальный феномен // «Социологические исследования», №3.
17. Malakha I. (1999) The Brain Drain in Russia: Scale, Direction and Structure // Migration, Globalization and Human Security // Ed.: David T.Graham and Nana K. Poku. Routledge, London and New York.

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

В начале нового века все развитые страны мира стали странами иммиграции, независимо от того, признают они официально этот факт или нет. В результате регулирования численности, характеристик и условий, на основе которых иностранцы въезжают в страну, стало заметной частью политики и политических решений во всем мире. Поскольку ясная политика начинается с осознания целей, важно дать четкую теоретическую оценку тех социальных и экономических факторов, в результате которых сложилась современная международная ситуация.

В этой статье я представляю сравнительную модель международной миграции и выдвигаю пять фундаментальных вопросов: Какие структурные факторы в развивающихся странах и странах, переживающих структурную трансформацию, порождают эмигрантов? Какие структурные факторы в развитых странах создают на них спрос? Каковы мотивации людей, которые, откликаясь на эти макроструктурные факторы, движутся в международном пространстве? Какие социальные и экономические структуры возникают в ходе международных миграций и глобализации для поддержания устойчивости международного движения и какое обратное влияние они оказывают на миграционные процессы? И, наконец, как национальные правительства реагируют на возникающие потоки людей и насколько эффективной может быть осуществляемая ими политика.

Синтез миграционных теорий

Моя синтетическая теория международной миграции основывается на результатах работы международной междисциплинарной группы ученых, сформированной Международным союзом научных исследований в области народонаселения (IUSSP). Им было поручено сделать обзор существующих миграционных теорий, чтобы определить области противоречий, взаимодополнений и частичных совпадений, а также установить ценность различных теоретических подходов с учетом эмпирической научной литературы. Группа, результаты исследований которой были изложены в книге Массея (Massey and others, 1998) сосредоточилась на шести теориях: *теория неоклассической экономики* (Todaro, 1976), *новая экономическая теория трудовой миграции* (Stark, 1991), *теория сегментированного рынка труда* (Piore, 1979), *теория мировых систем* (Sassen,

1988); *теория общественного капитала* (Massey, Goldring and Durand, 1994) и *теория кумулятивной причинности* (Massey, 1990). Они оценивали каждый теоретический подход на фоне эмпирических исследований, основанных на мировых международных миграционных системах, выявили степень обоснованности предположений, исходящих из каждой теории и разработали синтетическое (объединенное) объяснение возникновения и существования международной миграции в начале нового века.

Группа пришла к выводу, что международные миграции возникают в ходе социальной, экономической и политической трансформации, которая сопровождается распространением капиталистических рыночных отношений на дорыночные и нерыночные общества (как следует из гипотезы теории мировых систем). Дорыночные общества — это те, которые базируются на крестьянском сельском хозяйстве, тогда как нерыночные общества основаны на централизованном планировании, как, например, командные экономики Советского Союза, КНР и других стран социалистического блока до 1989 г. Для большей простоты я буду рассматривать оба эти типа как общества, переживающие период структурной трансформации.

В контексте глобализации экономики переход к рынку и капиталоинтенсивным методам производства в крестьянских или командных экономиках разрушает сложившиеся социальные и экономические связи и приводит к широкомасштабному вытеснению людей из привычного образа жизни, создавая мобильные группы населения, которые активно ищут новые пути достижения экономического благополучия. Исследования показывают, что международные мигранты прибывают совсем не из бедных изолированных мест, которые оторваны от мировых рынков, а из тех регионов и стран, которые переживают этап быстрых изменений вследствие их включения в глобальную торговую, информационную и производственную сеть. Короче говоря, международная миграция является результатом не недостаточного рыночного развития, а как раз развития самих рынков.

Одним из средств, с помощью которых люди, вынужденные отказаться от традиционного образа жизни, ищут средства обеспечения своего экономического благополучия, является продажа своего труда на расширяющихся национальных и международных рынках труда (теория неоклассической экономики). Поскольку зарплаты обычно выше в городах, чем в сельской местности, этот процесс коммерциализации труда по большей части происходит в форме миграции из села в город, особенно в развивающихся странах. Эта миграция происходит даже тогда, когда найти работу в городах трудно, поскольку помноженная на высокие городские зарплаты низкая вероятность трудоустройства все же настраивает на более

высокие доходы, чем те, которые возможны в сельской местности, где и заработки и возможность трудоустройства ничтожны. Согласно неоклассической модели, если разница между ожидаемыми доходами в городском и сельском секторах превышает стоимость передвижения между ними, то обычно люди мигрируют в города в надежде получить более высокие заработки.

В развитых зарубежных странах зарплаты, естественно, еще выше, и больший размер международной разницы в зарплатах безусловно подвигает некоторых людей, вытесняемых новыми рыночными отношениями, предлагать свои услуги на международных рынках труда. Тенденция к международной — в отличие от внутренней — миграции особенно четко проявляется у людей, живущих в условиях бывших командных экономик, переживающих этап перехода к рынку, поскольку они уже в большой степени урбанизированы.

Впрочем, международные различия в зарплатах не являются единственным или даже наиболее важным фактором, создающим миграционные мотивации людей. Действительно, в книге Массея и др. (Massey et al., 1998) указывается, что большая часть людей, оказавшихся выброшенными из экономической жизни в ходе экономических перемен, не мигрировали за рубеж в надежде большего заработка (хотя некоторые и переселились). Впрочем, домохозяйства, стремящиеся соответствовать структурным переменам, использовали международную миграцию как средство преодоления трудностей рыночной экономики, которые угрожали их материальному благополучию (в соответствии с новой экономической теорией трудовой миграции).

В обществах, переживающих период структурной трансформации, городские рынки труда являются неустойчивыми и подвержены резким колебаниям, что часто делает их неспособными поглотить потоки работников, вытесненных из докапиталистических и некапиталистических секторов. Поскольку рынки государственного страхования являются устаревшими, а правительственные программы страхования от безработицы ограничены или вообще не существуют, домохозяйства не могут в достаточной степени защитить себя от рисков, грозящих их благосостоянию в результате неполной занятости и безработицы. Таким образом, недостаточная доступность систем страхования от безработицы создает для семей стимул к «самострахованию», что можно обеспечить, посылая 1–2 человек на работу за рубеж. Размещая членов семьи на разных рынках труда в различных географических регионах — внутри страны и за рубежом, — домохозяйство может диверсифицировать свой трудовой потенциал и уменьшить риски по доходам, так как условия на различных рынках труда имеют очень слабую или вовсе негативную корреляцию.

Однако в сельской местности члены домохозяйств, которые стремятся участвовать в происходящей структурной перестройке сельского хозяйства, не имеют доступа к рынкам страхования урожая. По мере того, как домохозяйства переходят от самообеспечения к коммерческому фермерству, они вынуждены осваивать новые методы производства, в которых используются незнакомые им технологии, неизвестные сельскохозяйственные культуры и непробованные вложения. Поскольку они погружаются в незнакомый им мир производства, ориентированный в большей степени на рынок, чем на самообеспечение, отсутствие страхования или незнание будущих рынков оставляют домохозяйства незащищенными перед возможным экономическим провалом, если эти новые методы не оправдают себя, и это создает еще один стимул к «самострахованию» посредством международной миграции. Если будет неурожай или обвально упадут цены, домохозяйства, где будет хотя бы один работник за рубежом, не останутся без средств к существованию.

Страны, переживающие период структурной трансформации, ощущают также отсутствие хорошо развитых рынков капиталов и потребительского кредита. Семьи, желающие применить новые формы сельского хозяйства или ищущие возможности организовать новый бизнес, нуждаются в стартовом капитале для вложений и начала выпуска продукции. Переход к рыночной экономике также создает новый потребительский спрос на дорогостоящие товары, такие, как жилье, автомобили, бытовые электроприборы и т.д. Финансирование одновременно и производства и потребления требует довольно больших сумм наличными, но слабо развитая банковская система, характерная для многих развивающихся стран, не отвечает потребностям в займах и кредитах; это дает домохозяйствам еще один стимул для международной трудовой миграции. Посылая члена семьи временно на работу за рубеж, домохозяйства могут накапливать сбережения и преодолеть трудности на рынках капитала и потребительского кредита путем самофинансирования производства или потребления.

Итак, *в соответствии с теорией неоклассической экономики*, рационально действующий субъект использует преимущества временной географической диспропорции на рынках труда и мигрирует за рубеж *на постоянной основе* для получения более высоких заработков. В то же время *в соответствии с новой экономической теорией трудовой миграции*, рационально действующий субъект ищет возможность преодолеть имеющиеся *в его стране* недостатки на рынках страхования, фьючерсов, капиталов и кредитов путем *временного* трудоустройства за рубежом с целью перевода на родину денег в форме регулярных или накопленных сумм. Таким образом они контролируют риски, диверсифицируя источники дохода, и самофинансируют производство или потребление, задействуя альтернативные источники капитала.

Прямые эмпирические противоречия между теорией неоклассической экономики и новой экономической теорией трудовой миграции незначительны и встречаются в основном в североамериканской литературе; но где бы они ни были, предположения, выдвигаемые новой экономической теорией, показали себя более убедительными в объяснении миграционного поведения на уровне индивидуумов и домохозяйств. Действительно, разница в зарплатах зачастую не создает международной миграции (свидетельство тому — отсутствие движения между Югом и Севером внутри Европейского Союза), и миграция часто прекращается еще до того, как выравнялась разница в зарплатах (свидетельство тому — Пуэрто Рико и США); при этом выводы затруднены (хотя и не невозможны, если применить неоклассическую теорию), но четко подпадают под новую экономическую теорию трудовой миграции. Кроме того, мощные потоки денежных переводов, зафиксированные по всему миру (и пути их использования), являются аномальными по неоклассической теории, но вполне предсказуемыми в новой экономической теории.

Если подвести итог, наличие эмпирических данных по всему миру свидетельствует о том, что разница в зарплатах — излюбленный аргумент неоклассических экономистов — объясняет некоторые исторические и временные изменения в международной миграции, но в то же время эти данные говорят о том, что существующие в странах выезда недостатки рынков капиталов, кредитов, фьючерсов и страхования — ключевые факторы, на которых строятся гипотезы новой экономической теории трудовой миграции — создают более мощные мотивы для миграции. Говоря языком теории, разница в зарплатах не является ни необходимой, ни достаточной для возникновения международной миграции. Даже при равных зарплатах на всех рынках труда у людей может быть стимул мигрировать, если одни рынки менее развиты, чем другие. Говоря языком практики, широкомасштабная международная миграция редко наблюдается при отсутствии разрыва в уровне зарплат, но существование разницы в зарплатах не гарантирует международную миграцию, также как ее отсутствие не устраняет ее.

В то время, как на ранних фазах развития рынка в странах, переживающих структурную трансформацию, может возникнуть мобильное население, ищущее больший заработок, самострахование от рисков или самофинансирование производства или потребления, в это же время на постиндустриальных этапах экономического развития в богатых странах с рыночной экономикой возникает раздвоение рынков рабочей силы. Если рабочие места в первичном секторе обеспечивают стабильную работу и высокую оплату труда для национальной рабочей силы, то вторичный сектор предлагает низкую оплату, слабую стабильность и небольшие возможности продвижения, отталкивая тем самым национальную ра-

бочую силу и порождая структурный спрос на рабочих-мигрантов (теория сегментации рынка труда). Процесс раздвоения рынка труда более всего актуален в некоторых *мировых мегаполисах*, где концентрация управленческих, административных и технических функций приводит к концентрации богатства и мощному производному спросу на дешевые услуги (теория мировых систем). Будучи не в состоянии привлечь местную рабочую силу, работодатели обращают взгляд на иммигрантов и часто инициируют потоки иммигрантов непосредственно через легальную вербовку (теория сегментированного рынка рабочей силы).

Будучи важным инструментом, инициирующим миграцию, вербовка с течением времени становится все менее значимой, ее место занимает процесс экономической глобализации, который создает мобильное население в развивающихся регионах, порождает спрос на услуги иммигрантов в мировых мегаполисах, а также увязывает процесс миграции с развитием транспорта, средств связи, политикой и культурой, с тем, чтобы сделать международное передвижение людей более дешевым, быстрым и легким (теория мировых систем). Иммиграция также стимулируется внешней политикой и военными действиями, которые заставляют развитые страны обеспечивать международную безопасность, защищать иностранные инвестиции и гарантировать доступ к сырью; это подчас создает связи и обязательства, которые в результате порождают потоки беженцев, лиц, ищущих политическое убежище, и перемещенных лиц в результате военных действий.

Постепенно вербовка рабочей силы становится излишней, поскольку, раз начавшись, иммиграция создает мощную тенденцию к самопродолжению через рост миграционных сетей (теория общественного капитала). Концентрация иммигрантов в определенных странах и районах пребывания создает эффект «семьи и друзей», который формирует потоки иммигрантов в эти места, облегчая их приезд и обустройство. Если это обеспечивает прибытие достаточного числа мигрантов, в результате может сформироваться экономический анклав, который в дальнейшем будет воспроизводить спрос на рабочих-мигрантов (теория сегментированных рынков рабочей силы).

Распространение миграционного типа поведения среди населения стран выезда приводит к возникновению производных структурных изменений, меняя систему распределения дохода и земли и воздействуя на местное общество таким образом, что это вызывает дополнительную международную миграцию. С течением времени сам по себе процесс распространения миграционных сетей становится самовоспроизводящимся, поскольку каждый акт миграции создает социальную инфраструктуру, способную создать дополнительное миграционное движение (теория кумулятивной причинности). Поскольку страны приема применяют запретительную политику для ограничения возрастающих волн иммигрантов, они тем

самым создают прибыльную нишу, в которую внедряются агентские фирмы, вербовщики и другие посредники, участвующие в поддержании миграционного движения и обеспечивающие связь между районами, где имеется и где требуется рабочая сила, что становится еще одним средством поддержания и сохранения международной миграции (теория общественного капитала).

Теория миграционного перехода

В период начальных фаз эмиграции в объяснении миграционных потоков доминирует воздействие расширения рыночных отношений, недостатков рынка, социальных сетей и кумулятивной причинности, но по мере того, как уровень эмиграции достигает высоких показателей, а стоимостные издержки и риски международного движения падают, международная миграция все в большей степени детерминирована международной разницей в зарплатах (теория неоклассической экономики) и спросом на рабочую силу (теория сегментированного рынка труда). По мере ускорения экономического роста в регионах выезда, международная разница в зарплатах постепенно уменьшается; появляются хорошо функционирующие рынки капитала, кредита, страхования и фьючерсов, которые снижают стимулы к эмиграции. Если эти тенденции сохраняются, страна в конечном итоге интегрируется в мировую экономику как развитое капиталистическое общество, вследствие чего она проходит через миграционный переход: эмиграция прекращается и страна становится чистым импортером рабочей силы.

Этот эмиграционный переход следует по характерной траектории, двигаясь от низких к высоким и опять к низким показателям оттока населения, демонстрируя перевернутую U-образную кривую, которую Мартин и Тейлор (Martin and Taylor, 1996) назвали «миграционным горбом». Исторически переход занял около восьми или девяти десятилетий, но недавние данные по Азии дают основания полагать, что он «сжимается» сейчас до трех-четырёх десятилетий. Хэттон и Уильямсон (Hatton and Williamson, 1998) использовали исторический ряд данных для 15 европейских государств с 1850 по 1914 гг. для создания сглаженной кривой эмиграционного перехода, отражающей тот тренд миграционного оттока населения, через который прошли эти страны на пути экономического развития. Они выявили стандартный тренд перехода от низкого к высокому и обратно, к низкому уровню эмиграции, который занимает восемь – девять десятилетий, и описали его простым уравнением параболы второй степени:

$$ER = -0.35 + 2.66 \cdot t - 0.27 \cdot t^2,$$

где ER — ежегодный коэффициент эмиграции, а t — представляет собой количество десятилетий, которые прошли после начала миграционного оттока.

На рис. 1 кривая представляет сглаженный тренд эмиграционного перехода, имевшего место во время классической «эпохи миграции» до 1914 г. Как можно видеть, переход длился примерно девять десятилетий — период, который Хэттон и Уилльямсон называют «веком эмиграции». Девяносто лет могут показаться длительным сроком для страны, принимающей иммигрантов, как бы ожидая улучшения экономических условий в странах эмиграции. Однако переход в Европе происходил под влиянием очень разных технологических, политических и международных обстоятельств, и данные конца XX века подтверждают, что время эмиграции сейчас много короче, чем до 1914 г.



Рисунок 1. Эмиграционный переход в довоенной Европе и послевоенной Корее

Хорошим примером является Южная Корея. В 1965 г. она числилась среди беднейших стран мира с доходом на душу населения лишь \$159, т.е. примерно 4% от уровня США. Однако, подключившись к мировому торговому режиму и приняв жесткую бюджетную стратегию, которая обеспечила высокий уровень накоплений и инвестиций, Южная Корея добилась успеха в построении современной индустриальной экономики всего лишь за 30 лет. К 1995 г. доход на душу населения возрос до \$9700.

Несмотря на быстрый экономический рост и следовавшее за ним снижение рождаемости, корейская экономика была не в состоянии поглотить *полностью* рабочую силу, пополнявшую ежегодно несельскохозяйственный рынок труда. Как и в Европе, эти «избыточные» работники оказывались в конечном итоге междуна-

родными мигрантами, так что в период 1965–1995 гг. примерно 768 тыс. корейцев эмигрировали в США, что составило примерно 4% от общего прироста населения страны. Такой уровень эмиграции в период бурного экономического развития не является таким уж редким исключением из исторического опыта. Между 1846 и 1924 гг. Британия экспортировала около *половины* своего демографического прироста. Примечательным в отношении Кореи является то, *сколь низкой* была эмиграция в ходе быстрого экономического развития.

Даже более примечательной, чем скромные *масштабы* корейской эмиграции, была ее *краткосрочность*. В то время как европейским странам потребовалось восемьдесят-девять лет для завершения там перехода, Южная Корея проделала это за тридцать-сорок лет. Рис. 1 также показывает коэффициент эмиграции в Корею в течении эмиграционного периода (где 1965=0). Меньший масштаб корейской эмиграции не совсем явно прочитывается в этом графике, так как коэффициенты эмиграции выражены в числе эмигрантов на 10 000 чел., тогда как Хэттон и Уилльямсон использовали европейские коэффициенты в расчете на 1000 чел. Тем не менее, вслед за либерализацией иммиграционного законодательства США в 1965 г. корейская эмиграция быстро росла, достигнув пика в 8,5 уже спустя два десятилетия (примерно к 1985 г.). Позднее показатель резко снизился до 2,9 к середине третьего десятилетия (т.е. к концу 1990-х г.). Корейский эмиграционный переход приближено описывается уравнением $ER = 0.75 + 9.00 \cdot t - 2.4 \cdot t^2$, что означает, что подъем и спад эмиграции в Корею происходил примерно *в три раза быстрее*, чем это сложилось исторически в Европе.

Заключение

Большинство политиков и граждан в развитых капиталистических странах *думают*, что они знают, почему иностранцы стремятся въехать к ним в страну. Уровень жизни в странах, переживающих структурную трансформацию, низок, а в развитом капиталистическом мире — высок, и, перемещаясь из одного региона в другой, мигранты рассчитывают на рост своего материального благополучия. В практическом плане мигранты, по всей видимости, сопоставляют потенциальные затраты и выгоды, при этом противопоставляются предполагаемые затраты, связанные с переездом, и ожидаемые доходы (как денежные, так и другого рода) от работы и проживания в развитой стране. Поскольку для большинства людей, проживающих вне ОЭСР*, разница велика и позитивна, они, естественно, делают свой выбор в пользу эмиграции.

* Организация экономического сотрудничества и развития — включает все экономически развитые страны, а также Мексику, Южную Корею, Венгрию, Чехию, Словакию (прим. ред.).

Как мы видели, однако, реальность более сложна, чем предполагается этим простым сценарием, и это означает, что большинство политиков в мире сегодня основывают свои действия на ложных предположениях и представлениях. Политика, если она предполагает быть эффективной, должна основываться на научной истине. Два десятилетия теоретических и эмпирических исследований суммировались в синтетической теории, описавшей несколько «основополагающих истин» относительно международной миграции, и политики должны их учитывать.

Первая истина — в противовес распространенному мнению — заключается в том, что *международная миграция является следствием не отсутствия экономического роста и развития, а результатом самого развития*. По мере того, как индустриализация распространялась по всей Европе после 1800 г., она вызывала волны эмиграции, вовлекая в нее последовательно одно за другим все государства; и в настоящее время странами выезда большей части международных мигрантов являются отнюдь не наиболее бедные и наименее развитые страны. Фактически ни одна страна не осуществила переход к развитой рыночной экономике без массового вытеснения людей из привычных для них способов существования, которые преимущественно связаны с сельским хозяйством; и в значительной своей части эти люди в конце концов мигрируют за рубеж.

Вторая истина заключается в том, что *иммиграция выступает как естественное следствие более широких процессов социальной, политической, экономической интеграции, перешагивающей через международные границы*. Когда случается поворот в сторону создания рыночной экономики, те, кто пытаются адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам путем эмиграции, не переселяются «куда попало», также как и *не переезжают в ближайшую богатую страну*. Скорее они едут в те места, с которыми они уже имеют определенные связи — экономические, социальные, политические. Экономические связи отражают более широкие отношения в области торговли и инвестиций. Политические связи проистекают из официальных договоров, колониальных отношений и военного сотрудничества. Социальные связи могут быть следствием любых институциональных мероприятий, которые способствуют возникновению устойчивых, регулярных контактов между людьми, например, взаимодействие в военной сфере, программы обмена студентами, дипломатические миссии, туризм, торговля и деятельность транснациональных корпораций.

Третья истина связана с тем, что когда иммигранты въезжают в развитую страну, они *обычно отвечают сильному и устойчивому спросу, который встроено в структуру постиндустриальных экономик*. Благодаря сдвигам в технологии производства, формирова-

нию государственной идеологии, нацеленной на рост благосостояния, и распространению рыночных отношений на более широкие социальные структуры, рынки труда в развитых странах становятся все более сегментированными на первичный сектор, представляющий «хорошие» рабочие места, привлекательные для национальных кадров, и вторичный сектор, представляющий плохо оплачиваемые, «плохие» рабочие места, которых национальные кадры избегают. Для заполнения последних работодатели обращаются к иммигрантам, часто иницилируя их потоки через прямую вербовку. Если бы не было спроса на их услуги, иммигранты, особенно те, что без документов, не приехали бы, поскольку им не на что было бы жить.

Четвертой основополагающей истиной относительно иммиграции, которая приводит в удивление многих, является то, что *мигранты, которые въезжают в развитую страну впервые, обычно не имеют намерения обосноваться там постоянно*. Намерение обосноваться отражает подспудные мотивации мигрантов. Мотивация, которую воображает себе большинство людей, когда они размышляют об иммиграции, — это их желание заработать как можно больше денег, что действительно подразумевает смену постоянного места жительства. В реальности, однако, большинство переездов связано с желанием преодолеть несовершенство рынков капитала, кредитов и страхования. Люди становятся мигрантами для того, чтобы решить экономические проблемы *у себя дома*. Они стремятся поработать за рубежом *временно*, для того, чтобы заработать и перевести на родину эти деньги, с тем чтобы диверсифицировать риски, накопить наличные средства и финансировать местное производство и потребление.

Признание разнообразия иммиграционных мотиваций порождает другое основополагающее заключение: *международная миграция часто в меньшей степени подвержена влиянию условий на рынках труда, чем условий на других рынках*. Нынешняя иммиграционная политика исходит из упрощенного представления о том, что иммигранты приезжают для получения максимальных заработков, и политика соответственно пытается влиять на условия рынков труда. Если же мигранты приезжают для «самострахования», создания условий для будущих капиталовложений или аналога кредитования, в таком случае, даже если их зарплата окажется ниже ожидаемой, для них не теряется и даже не уменьшается стимул для международной миграции. Большее влияние на принятие решения о миграции может оказать воздействие на другие рынки, например, через программы, предназначенные для улучшения экономического положения и финансового состояния стран выезда.

Какими бы ни были первоначальные намерения эмигрантов, шестая основополагающая истина заключается в том, что *по мере того, как международные мигранты приобретают за рубежом*

опыт, их мотивации изменяются, причем обычно таким образом, что они предпринимают поездки на все более длительные сроки, повышая со временем вероятность постоянного переселения. Хотя для большинства мигрантов первоначальной целью является заработок, со временем, под влиянием своего собственного «миграционного опыта» мигранты меняются сами. Жизнь и работа в передовых постиндустриальных странах предрасполагает их к потребительской культуре, которая насаждает новые вкусы и мотивации, которые уже не могут быть удовлетворены на родине. По мере того, как мигранты все больше времени проводят за рубежом, они приобретают все более тесные социальные и экономические отношения со страной пребывания и начинают обращаться с просьбами о разрешениях на въезд членам своей семьи. Через некоторое время временные мигранты, таким образом, получают возможность превратиться в постоянно проживающих граждан.

Седьмым основополагающим утверждением относительно международной миграции является то, что *с течением времени она имеет тенденцию создавать свою собственную инфраструктуру поддержки.* В результате миграционные потоки приобретают сильную внутреннюю инерцию, что позволяет им сопротивляться манипуляциям государственной политики. Политики то одной, то другой страны убеждаются, к своей досаде, что иммиграцию гораздо легче начать, чем прекратить. Наиболее важным механизмом, поддерживающим международную миграцию, является создание и распространение миграционных сетей, которые возникают автоматически, где бы ни появился член некой социальной структуры, эмигрировавший в страну с высоким уровнем зарплаты. Эмиграция трансформирует обычные связи, такие как родство или дружба, в потенциальный источник общественного капитала, который потенциальные мигранты могут использовать для получения доступа к высокооплачиваемой работе за рубежом.

Наконец, несмотря на сильные тенденции к самосохранению и укреплению, *иммиграционные потоки не вечны — они имеют естественный срок жизни, который может быть длиннее или короче, но всегда ограничен.* Данные указывают на то, что большинство европейских стран прошли «эмиграционный переход» от низкого к высокому и вновь низкому уровню эмиграции по мере экономического развития. Исторически этот процесс занял восемь – девять десятилетий, что, естественно, является продолжительным периодом времени, в течение которого страны-реципиенты принимали иммигрантов, ожидая, пока в странах выезда произойдет улучшение экономических условий. Однако, недавний опыт показывает, что время перехода существенно сократилось. Сократилась по времени не только массовая эмиграция; недавние факты свидетельствуют, что существенно сократилось время, требующееся для эмиграционного перехода.

Иммиграционная политика часто колеблется в выборе между открытыми и закрытыми границами, между свободным и беспрепятственным движением мигрантов, с одной стороны, или введением строгих ограничений их числа и характеристик, с другой. Независимо от того, удастся ее реализовать или нет, но государственные деятели, когда рассуждают о миграции, обычно полагаются на концептуальный аппарат теории неоклассической экономики. Они видят мир, заполненный миллионами безнадежно бедных людей, которые вне зависимости от того, будут ли их сдерживать силой или, по крайней мере, политикой непоощрения иммиграции, наверняка все равно будут искать способы улучшить свое положение путем переезда в развитую страну. Будучи сформулированной в этих жестких терминах, необходимость строгой иммиграционной политики представляется самоочевидной, и если принять во внимание концептуальные инструменты, предлагаемые теорией неоклассической экономики, единственной реалистической политикой может быть попытка повысить издержки и снизить выгоды от иммиграции.

Такова была логика, которой следовали политики в Европе и Северной Америке в последние десятилетия. Однако, как мы видели, причины международной миграции никоим образом не сводятся к тем, которые определяет теория неоклассической экономики. Международная миграция движется механизмами, описанными теорией неоклассической экономики, в той же мере, как и теми, что описаны новой экономической теорией трудовой миграции, теорией общественного капитала, теорией сегментированного рынка труда и теорией мировых систем. Если вразумительное понимание международной миграции требует синтеза разных теоретических взглядов, то тем более этого требует формулирование легко осуществимой и эффективной иммиграционной политики.

Признание этого предполагает выбор *третьего пути* между крайностями открытых границ и драконовскими запретами международного движения. Вместо того, чтобы пытаться остановить иммиграцию путем односторонних репрессий — имеющих целью прекращение потоков, которые глобальная международная торговля, напротив, поощряет, — политики должны признать иммиграцию естественной частью глобальной экономической интеграции и действовать в многостороннем порядке, чтобы *управлять ею более эффективно*. Подобно тому, как ограничены потоки капиталов и товаров для взаимной выгоды торговых партнеров посредством многосторонних соглашений и институтов, таких как ГАТТ и ВТО, — точно также трудовая миграция могла бы быть организована совместными усилиями для максимизации выгод и минимизации издержек как для посылающих, так и для принимающих государств. Короче говоря, международная миграция должна быть признана неотъемлемой частью экономической глобализации и

должна осуществляться под эгидой более широких многосторонних соглашений, регулирующих торговлю и инвестиции.

Перевод с английского А.Н. Каменского и И.В. Ивахнюк

Библиография

1. Hatton Timothy J. and Williamson Jeffrey G. (1998) *The Age of Mass Migration: Causes and Impact*. New York: Oxford University Press.
2. Martin Philip L. and Taylor Edward J. (1996) *The Anatomy of a Migration Hump* // In: *Development Strategy, Employment, and Migration: Insights from Models* / J. Edward Taylor (ed.). Paris: OECD. Pp. 43–62.
3. Massey Douglas S. (1990) *Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration* // *Population Index* No 56. Pp. 3–26.
4. Massey Douglas S., Arango Joaquin, Koucouci Ali, Pelligrino Adela and Taylor Edward J. (1998) *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford: Oxford University Press.
5. Massey Douglas S., Goldring Luin P. and Durand Jorge (1994) *Continuities in Transnational Migration: An Analysis of 19 Mexican Communities* // *American Journal of Sociology* No 99. Pp. 1492–1533.
6. Piore Michael J. (1979) *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Society*.
7. Sassen Saskia (1988) *The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Stark Oded (1991) *The Migration of Labor*. Cambridge: Basil Blackwell.
9. Todaro Michael P. (1976) *Internal Migration in Developing Countries*. Geneva: International Labor Office, 1976.

**НАСТУПАЮЩИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ, УХОДЯЩИЕ
ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ЗАКАТЕ XIX ВЕКА.
ВЗГЛЯД С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДЕМОГРАФИИ.**

В этой статье предпринята попытка осветить наиболее фундаментальные макродемографические явления прошлого столетия. Как ни парадоксально это может звучать, демографический круговорот, сопровождаемый множеством последствий, который то же время оказался наиболее знаменательным явлением в области народонаселения в последнее столетие, не был полностью завершён на протяжении этой эпохи, он скорее создал предпосылки для радикальных перемен в долгосрочном демографическом ритме различных цивилизаций.

Несмотря на то, что XX век не изменил полностью демографический порядок на Земле, тем не менее, он несомненно заложил фундамент для широкого спектра новых демографических процессов, которые проявятся в будущих десятилетиях, а то и столетиях третьего тысячелетия.

Имеется в виду не только и не столько взрыв народонаселения вне Европы. В Европе произошёл свой собственный взрыв во второй половине XIX века и в начале XX века. Население континента росло темпами, значительно превышающими темпы естественного прироста населения в других регионах. Более того, это создало большой излишек населения, который был экспортирован — причём не всегда добровольно — и внес свой вклад в ускорение роста численности населения других территорий, особенно остро — Северной Америки.

Что касается долгосрочных, имеющих значение для будущего, последствий, можно назвать — помимо взрыва населения на (так называемом) Юге — два других фундаментальных демографических явления XX века, а именно: устойчиво низкие темпы роста населения на Севере (Западе) ниже уровня простого воспроизводства и широкомасштабные перемещения населения с Юга на Север. Оба эти явления, как и взрыв численности населения вне Европы, произошли во второй половине этого периода¹. Все вместе они составили единую триаду, на основе анализа которой и должен развиваться дальнейший ход мыслей.

¹ В свете этого главные демографические события первой половины минувшего века представляются не столь уж захватывающими. Позорный рекорд уничтожения людей обеими тоталитарными системами — сталинизмом и фашизмом — также принадлежит к этому периоду.

За 300 лет, последовавших за вторжением ислама в 1683 г., западная цивилизация не сталкивалась больше с такого рода вызовами. Напротив, она постоянно бросала вызовы остальному миру. Ее техническое превосходство сопровождалось территориальными захватами и доминирующей демографической экспансией. Однако в конце XX века вышеупомянутые кардинальные перемены положили конец этой ситуации. Они привели к катастрофическому снижению демографического потенциала европейской цивилизации по сравнению с другими цивилизациями. Более того, в значительной части Европы сократилась численность коренных жителей. Одновременно произошел беспрецедентный приток населения в Европу из других регионов мира.

Без объявления войны и без применения военной силы западная цивилизация оказалась поверженной. В последней четверти минувшего века Европа и Северная Америка (а также Австралия и в самое последнее время Япония, уже достаточно вестернизированная) были мирным путем завоеваны последователями ислама и неисламским населением Африки, Азии и (в меньшей степени) Латинской Америки. Одновременно происходил быстрый рост внутреннего демографического потенциала незападных цивилизаций.

Трудно делать предположения относительно будущих политических и социально-культурных последствий этого неожиданного изменения демографического равновесия между западными и прочими цивилизациями. С одной стороны, трудно не заметить, что в странах Запада, где в последнее время это равновесие было нарушено в пользу иммигрантов (зачастую прибывших из различных отдаленных цивилизаций), это серьезно сказалось на политических и социальных отношениях. Напряженность, возникшая в этих отношениях, отражает отчуждение по отношению к этим цивилизациям, если не расовую и цивилизационную враждебность, и это говорит о насущной необходимости переоценки отношений между различными цивилизациями. Возможно ли это?

В настоящей статье не ставится цель дать ответ на этот вопрос². Он выходит за рамки демографии и ее компетенции. С другой стороны, когда я буду размышлять о трех демографических явлениях, которые — с моей точки зрения — стали причиной этой дилеммы, я не смогу обойтись без обращения к этому вопросу.

Для объяснения явлений народонаселения современная демография применяет — впрочем, с некоторыми оговорками — парадигму демографического перехода. Эта теория основывается на

² Она является, среди прочего, вкладом в полемику между сторонниками концепции примирения, представленной Фукуямой (Fukujama, 1992) и сторонниками антагонистической концепции, представленной Хантингтоном (Huntington, 1996).

предпосылке существования глобального равновесия, зависящего среди прочего, от относительно стабильного населения в относительно стабильной среде. Это означает, что в долгосрочной перспективе определенное количество смертей уравнивается таким же количеством рождений. Один из постулатов теории демографического перехода гласит, что в условиях модернизации, которая в значительной мере нарушает стабильность среды, неизбежным и необратимым является смена неэкономичного, «расточительного» (*wasteful*) режима воспроизводства населения на экономичный, «сберегающий» (*conservative*) режим³. Точнее говоря, высокие рождаемость и смертность заменяются низкой рождаемостью и смертностью. В первом режиме воспроизводства поддержание данной численности населения требует исключительно высокой (по отношению к человеческой плодовитости) рождаемости, в то время как во втором режиме воспроизводства требуется очень низкая рождаемость. Для продолжения человеческого рода женщина при «расточительном» режиме должна родить не менее трех-четыре девочек, а при «сберегающем» режиме достаточно лишь одной дочери.

Тот факт, что тот же демографический результат (с точки зрения численности населения) может быть достигнут при совершенно разных уровнях рождаемости, является следствием различий в ожидаемой продолжительности жизни. В условиях «расточительного» воспроизводства, до наступления демографического перехода, продолжительность жизни при рождении очень низка — примерно 25 лет, что отражает исключительно высокую смертность. Многие дети рождаются «непродуктивно»: они рождаются, чтобы умереть. Они лишь создают некий общий фонд, в котором выживают только отдельные индивидуумы, достаточно сильные для того, чтобы участвовать в деторождении. Именно поэтому этот тип воспроизводства можно назвать «расточительным». При «экономичном» воспроизводстве, после завершения демографического перехода, продолжительность жизни при рождении обычно больше 75 лет, большинство людей успешно достигают старости. Благодаря эффективному контролю над смертностью молодые люди и люди среднего возраста имеют определенно высокий шанс выживания. Деторождение перестает быть «расточительным», а воспроизводство является экономичным, поскольку продолжительность жизни зависит от «генетических часов» индивидуумов, а не от прямого механизма естественного отбора.

Давайте несколько отвлечемся от темы. Увеличение продолжительности жизни среднего индивидуума является событием огромного значения в истории демографического развития. С момен-

³ Термины «расточительное» и «сберегающее» воспроизводство заимствованы у Мухсама (Muhsam, 1979).

та появления человеческой расы на Земле ожидаемая продолжительность жизни при рождении оставалась примерно на одном уровне — около 25 лет, возможно, с максимальным отклонением на 5 лет. Большинство людей не доживали до возраста репродуктивной и социальной зрелости. В каждый момент жизни человеку угрожало множество опасностей, которые могли привести к смерти. Это положение сохранялось на протяжении тысяч лет и лишь недавно, менее чем за двести лет, оно было разрушено и преобразовано в качественно иное. В наши дни во многих странах подавляющее большинство людей проживают все физиологические и социальные фазы жизненного цикла, значительная часть входит в пожилой возраст с хорошим состоянием здоровья. Этот очевидный прогресс, однако, не связан с теми изменениями, которые произошли в XX веке, поскольку основание для него было заложено еще в XIX столетии. (Chesnais, 1986).

Согласно теории демографического перехода, когда в обществе с «расточительным» режимом воспроизводства населения происходит продолжительное снижение смертности, неизбежно наступает демографический переход. Таким образом, начало перехода связано с увеличением шансов на выживание, что является результатом модернизации. Однако не во всех странах модернизация началась одновременно. Западная цивилизация была в более выгодном положении. Впрочем, теория утверждает, что отставания в демографическом переходе выравниваются за относительно короткое время. Это происходит благодаря процессу ускоренного усвоения уже имеющегося опыта «запоздавшими странами», которые таким образом получают преимущество. Другими словами, чем позже начинается демографический переход, тем быстрее он завершается и тем интенсивнее он проходит. Утверждение о «догоняющем» ходе процесса представляется наиболее слабым положением теории, поскольку оно не принимает во внимание все аспекты процесса изменений. Несмотря на то, что позже вступающие в демографический переход страны используют опыт первопроходцев, они, когда в них начинается переход, сталкиваются с ситуацией, когда «карты уже сдали», а именно: модернизация приходит в них извне. Поэтому она идет медленно и неустойчиво.

Более того, переход от «расточительного» воспроизводства к «сберегающему» не всегда является гармоничным. Изменения смертности обычно предшествуют изменениям рождаемости. Соответственно наблюдается относительно продолжительное несоответствие между числом рождений и смертей, что приводит к увеличению темпов естественного прироста. Естественный прирост набирает темп, и после достижения пика, на заключительной стадии перехода, его уровень начинает снижаться, пока не достигнет исходного, близкого к нулю, уровня.

В действительности западным странам потребовалось около 100 лет, а некоторым даже 150 лет, для завершения демографического перехода. Процесс имел среднюю интенсивность, в пиковый период темп естественного прироста не превышал 1%. Хотя большинство стран Юга еще не завершили переход, пиковый период ими уже пройден. Для многих из них максимальный показатель достигал 3,5%. Как ожидается, полностью процесс демографического перехода будет завершен через 40–50 лет.

Широко признается, что теоретическая парадигма демографического перехода представляет собой эмпирическое отражение опыта Западной Европы. Прогнозы демографических изменений, которые базируются на этой модели, оказываются в большей или меньшей мере ошибочными, в зависимости от цивилизационной удаленности от западноевропейской модели или отличия от хода модернизации, типичного для Европы. Примером такого рода ошибочного прогноза является сохранение гораздо больших различий в темпах естественного прироста населения в течение всего периода демографического перехода во многих странах Юга по сравнению с западноевропейскими странами.

Население стран, относящихся к далеко отставшим от Запада цивилизациям, встречается с особыми препятствиями на пути демографического перехода. И это несмотря на то, что усовершенствованные средства превентивной медицины и общественной гигиены, достижение которое в Европе заняло не одно столетие, стали доступными для них почти мгновенно. Благодаря доступности этих инноваций снижение смертности и увеличение продолжительности жизни во многих незападных странах происходило быстрее и было более значительным, чем в Европе. В то же время рождаемость сопротивлялась этим изменениям (которые на самом деле были лишь бледным субститутом модернизации). В результате темп прироста населения увеличился быстрее и достиг более высокого уровня, чем на Западе. Таким образом, с высокой степенью вероятности мы можем ожидать, что в результате демографического перехода в странах, не принадлежащих к Западу, произойдет увеличение численности населения в шесть раз, в то время как на Западе население возросло лишь в четыре раза за сопоставимый период своей истории⁴.

⁴ Согласно ряду публикаций ООН, в 1885 г. численность населения стран современного Севера (Запада) составляла примерно 300 млн. чел. Эта цифра отражает состояние на начало демографического перехода. Стабилизация численности населения на уровне 1150–1200 млн. чел. должна была произойти примерно в 2000 г. Население Юга в 1950 г., который можно рассматривать как начало демографического перехода во многих странах этого региона мира, было примерно 1750 млн. чел. Стабилизация на уровне около 10300 млн., по видимому, произойдет в первой половине 21 века (UN, 1973; 1992; 1999).

Изменения, происходящие в ходе демографического перехода, привели к возрастанию доли стран Юга в мировом населении до 80% в 2000 г. по сравнению с 68% в 1950 г. Принимая во внимание тот факт, что уровень, отмеченный в середине минувшего века, представлял собой самую низкую долю в мировом населении за современную историю (наряду с тем фактом, что в первой половине XIX века эта доля достигнет беспрецедентно высокого уровня в 90%), мы должны согласиться с тем, что вторая половина XX столетия явилась свидетелем кардинального изменения демографической ситуации на Земле.

В то время как на Юге рост численности населения оказался более значительным, чем предполагалось демографической наукой, на Севере (Западе) он резко замедлился. Во многих странах естественный прирост оказался отрицательным. Существенное и довольно устойчивое снижение рождаемости до уровня, гораздо ниже минимально необходимого для возмещения населения, указывает на структурный характер этого процесса.

Это явление известно как второй демографический переход. В отличие от «первого», или «правильного», перехода, второй переход не меняет установившееся долговременное демографическое равновесие. Более того, справедливо противоположное утверждение.

Появление второго перехода является на самом деле эмпирической попыткой объяснить процесс, который не попал в поле зрения теории демографического перехода, — распад семьи как института, основной функцией которого является деторождение и смена поколений.

Согласно теории демографического перехода, модернизация подразумевает установление рационального репродуктивного поведения, соответствующего растущим шансам выжить, или, выражаясь более точно, модернизация ведет к снижению деторождения до уровня, обеспечивающего достижение той же постоянной цели — рождения потомства в достаточном количестве для сохранения человеческого рода. Этот постулат выглядит несколько альтруистским, но он имеет глубокие корни почти во всех цивилизациях в форме институтов, которые стимулируют рождаемость для достижения этой цели.

Постмодернизация, которая сформировала предпосылки для второго демографического перехода, повлияла (косвенно) на опровержение ряда фундаментальных положений теории демографического перехода. Прежде всего это касается принципа нерушимости семьи, которая рассматривается как длительные отношения между мужчиной и женщиной, имеющие целью рождение и воспитание детей. Приоритет индивидуализма, свобода выбора, обоюдная независимость партнеров и сложность сочетания их персональных карьер-

ерных интересов, проблемы с совмещением социальных ролей с отцовством и материнством, высокие издержки «упущенных карьерных возможностей», в которые обходится женщине замужество и материнство, нечеткость представлений о воспитании детей, ограничение свободного выбора родителей в результате необходимости заниматься ребенком, появление осознанной бездетности и безбрачия и т.д. — все это не только значительно ослабило институт семьи, но также сильно изменило взаимоотношения между сексуальностью и деторождением, а также отношения, основанные на партнерстве и длительном брачном договоре (van de Каа, 1988). По взрослев, человек теперь сосредоточивается на самореализации, персональном успехе, гедонистическом удовлетворении⁵. На место прежнему альтруистическому (хотя бы до некоторой степени) воспроизводству пришел глубоко эгоистический подход. В то же время революционное развитие средств контрацепции сократило до нуля риск нежелательного зачатия. Это освободило сексуальные контакты от страха и чрезмерной ответственности.

Падение рождаемости в ходе демографического перехода пытаются объяснить разрушением семейного типа производства, который дополнял феодальный тип производства и, естественно, в то время был необходим. Сосуществование основывалось на специфическом разделении обязанностей между мужчиной и женщиной. Мужчина принимал участие в феодальном разделении труда и выполнял общественные функции, в то время как женщина вместе с детьми были частью семейного разделения труда. Обязанностью мужчины была деятельность вне семьи (военная служба, выполнение государственных и общественных функций, зарабатывание на жизнь), в то время как на женщине лежала ответственность за выполнение внутрисемейных обязанностей (рождение и воспитание детей, обслуживание других членов семьи, производство, удовлетворяющее нужды семьи).

Благодаря модернизации новый капиталистический способ производства не только отказался от поддержки со стороны семейного способа производства, но вообще поставил под вопрос его необходимость, как и ограничение семейных функций женщины вследствие рождения детей и их воспитания до 5-летнего возраста. Общественное разделение труда при капиталистическом способе производства лишило семью монополии на некоторые из ее функций (например, образование, социальная помощь) и поставило под сомнение рациональность семейного способа производства в прочих сферах (производство продуктов питания и одежды, социальная защита и т.д.). Из-за этих изменений вступление женщины в капи-

⁵ От «гедонизм» (философское учение, признающее целью и высшим принципом жизни наслаждение) (Прим. ред.).

⁶ Автором этой концепции является Колдуэлл (Caldwell, 1982).

талистический способ производства произошло в условиях снижающейся рождаемости.

Предпосылки «первого» и второго демографического перехода резко отличаются из-за изменившихся гендерных отношений. На заре модернизации социальные роли сбалансированы: в общественном разделении труда доминирующую роль играет мужчина, в то время как женщина находится в центре семьи, что обеспечивает некое равновесие этих отношений. Однако в конце процесса модернизации наблюдается очевидная асимметрия. Положение женщины в семье из-за сокращения ее семейных функций снижается. С другой стороны, на рынке труда положение мужчины является доминирующим, в то время как женщины подвергаются дискриминации. В результате женщинам предлагается согласиться на второстепенную роль, как внутри семьи, так и вне ее. В современном обществе асимметрия ролей в гендерных взаимоотношениях вынуждает женщин вступить в борьбу за достижение равенства в разделении труда. Неопределенность и конкуренция, сопровождающие этот процесс, привели к тому, что женщины освободили себя от своих семейных функций. Это окончательно подрывает устойчивость семьи⁷.

Этот процесс можно рассмотреть и под другим углом зрения. Речь идет о концепции различной ответственности внутри семейного разделения труда. Распределение ответственности определяется уровнем общественного богатства и производительности труда. В бедных отсталых странах семейная рабочая сила (включая детей), которая является как дешевой, так и низко производительной, жизненно необходима семье для того, чтобы выжить. По мере развития общества и роста производительности труда у мужчины (отца) появляется возможность поиска работы вне семьи, где производительность и оплата могут быть выше. Однако внутри семьи вся работа ложится на мать и детей. Постепенно механизация домашнего труда, основанная на распространяющемся использовании электричества, позволяет выполнять домашнюю работу без помощи детей. Появление свободного времени позволяет женщине заняться карьерой и удовлетворением своих интересов вне дома.

В конце концов в богатом обществе с высокой производительностью труда требования рынка труда вступают в противоречие с попытками совместить родительские обязанности с успешной карьерой. Это (меняя дух семьи или нет) и привело к падению рождаемости до уровня, близкого нулю⁸.

Начиная со второй половины 1960-х гг., гендерные отношения в западном обществе претерпели трансформацию. Укрепилось

⁷ Этот процесс исследован в работе Хейнца и Обрехта (Heintz and Obrecht, 1980).

⁸ Эта концепция представлена Снуксом (Snookes, 1996). Я обращаюсь к ней прежде всего из-за простоты аргументации и наглядности по сравнению с концепцией гендерной асимметрии.

положение женщины вне семьи, в то время как сама семья стала слабее. Более того, это сопровождалось лавиной нарастающей сексуальной свободы, распространением партнерских отношений, основанных на эротических потребностях, расширением практики рождения и воспитания детей вне брака, тенденции быстрого расставания (включая развод), широким распространением контроля над рождаемостью⁹. Эти явления потрясли основы западной цивилизации. Даже десять заповедей — источник и ядро западной культуры — подверглись пересмотру (Ester, Halman, de Moor, 1994).

Непосредственным результатом этих перемен явилось неожиданно резкое падение рождаемости. Уровень рождаемости снижался во многих странах Западной Европы в течение последних 30 лет. В результате в настоящее время уровень рождаемости находится значительно ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство. В некоторых странах суммарный коэффициент рождаемости (СКР, TFR¹⁰) находится в пределах от 1,2 до 1,8, что составляет лишь 15–45% от уровня, необходимого для простого воспроизводства (который составлял 2,1)¹¹. Примерно в 1990 г. (или несколько раньше) к западноевропейским странам присоединились восточноевропейские и неевропейские государства, находящиеся на том же уровне развития цивилизации. За удивительно короткое время Восточная и Центральная Европа стала лидером в плане ограничения рождаемости. По данным за 1998 г., в девяти странах Европы (причем только две из них — Испания и Италия — были из числа так называемого Запада) СКР был ниже, чем 1,3 (в двух из этих стран — бывшей ГДР и Латвии — ниже 1,1). Если эта тенденция сохранится, следующее поколение будет вдвое меньше по численности, чем ныне участвующее в процессе воспроизводства. В других европейских странах ситуация мало отличается. В 12 государствах СКР находится в пределах от 1,30 до 1,49; только в трех странах он выше 1,89 (но ниже, чем 2,00). Характерно, что в Европе, кроме Турции (где рождаемость также резко упала в последние годы — 2,38 в 1998 г.), нет стран, где рождаемость была бы выше уровня, обеспечивающего простое воспроизводство¹².

Тенденция имеет устойчивый характер и — как утверждают некоторые ученые — ее трудно преодолеть. Она также выглядит впечатляюще, если мы рассмотрим ее с точки зрения современных социальных перемен. Мы имеем дело с цивилизацией высших движущих сил *Anno Domini*, которая, похоже, осудила сама себя на

⁹ Этот процесс подробно рассмотрен в работе Okolski, 1999a.

¹⁰ Здесь я исхожу из понятия суммарного коэффициента рождаемости в поперечном анализе.

¹¹ Нижний предел этого уровня составляет примерно 2,1.

¹² Упомянутые страны не включают Албанию, где рождаемость, по всей видимости, также снижается.

биологическую маргинализацию. Широко распространяющееся нежелание иметь детей в условиях относительности и смешения системы ценностей, неожиданно быстрая смена авторитетов, моральных норм и социальных целей не дают оснований надеяться, что это положение скоро отойдет в прошлое. В конце концов, нельзя не принимать во внимание последствия сокращения демографических ресурсов для потенциала развития цивилизаций. Существуют убедительные примеры цивилизаций, которые из-за недостаточного воспроизводства населения разрушились и прекратили свое существование в истории¹³.

Если мы сопоставим эту тенденцию с противоположным ей явлением, а именно более медленным, чем предполагалось, падением рождаемости и более динамичным демографическим развитием в странах вне западной цивилизации, — мы сможем увидеть нарастающее кардинальное изменение соотношения между демографическими ресурсами существующих ныне двух огромных цивилизационных пространств и сможем понять масштаб этого изменения.

Явлением, которое очевидно отличает прошлое от настоящего, является миграция. Миграции оказали влияние на демографический ритм отдельных государств, они также изменили пространственное распределение мировых ресурсов населения. Уже в XVI веке человек получил возможность добраться до многих частей мира, но эта возможность была, прежде всего, рискованным мероприятием; речь не шла о массовых передвижениях. Лишь в последние десятилетия минувшего столетия произошел очевидный прорыв. Частые и ставшие доступными путешествия в отдаленные регионы Земного шара превратились в обычное явление для многих людей. Это стало возможным — среди прочего — благодаря глобализации (включая растущую открытость различных цивилизаций в отношении притока чужеземцев), быстро и далеко распространяющейся информации, революции в области телекоммуникаций, распространению сети воздушных перевозок и снижению тарифов на их (а также улучшению других видов транспорта) (Castles, Miller, 1993; Okolski, 1999b).

Эта трансформация может продлить существование западной цивилизации, даже если оправдаются прогнозы, предвещающие ее демографическую маргинализацию. Вспомним, что миграционные потоки избыточного населения из Европы в последние 300 лет или около того имели своей целью слабо заселенные (с современной точки зрения) регионы мира, где прочие цивилизации оставались нетронутыми в течение столетий. Необходимо напомнить, что эти

¹³ Примеры такого рода можно легко найти в монографии ООН о факторах и последствиях развития населения (UN, 1973) и в книге Окольского и Пажестка (Okolski and Pajestka, 1978).

перемещения людей не всегда происходили мирным путем. Более того, эмиграция европейцев несомненно смягчала социально-экономические конфликты, происходившие в период демографического перехода (и проистекавшие из процесса модернизации и индустриализации).

В любом случае, сейчас появилась возможность вернуть долг. Сокращение численности населения Запада, которое может продолжаться на протяжении нескольких поколений, может быть компенсировано притоком иммигрантов из стран Юга, численность населения которых неожиданно возросла.

Между 1965 и 1990 гг. количество иммигрантов в западноевропейских странах увеличилось с 12 до 23 миллионов человек, в Северной Америке — с 13 до 24 миллионов, в Австралии — с 2,5 до 4,4 миллионов, в Японии — с 0,6 до 1,2 миллионов (UN, 1998). Количество иностранцев, временно проживающих в этих странах, было еще больше, а их прирост — значительно быстрее. Кроме того, наблюдался большой приток нелегальных мигрантов.

В то же время изменился этнический и национальный состав иммигрантов. Например, в США, остающейся основной страной чистой иммиграции в мире, в первые два десятилетия XX века большинство иммигрантов (около 90%) прибывали из Европы. В 1960-е гг., однако, на первом месте оказались мексиканцы (25%), следом за ними шли две группы с относительно высокими и примерно равными долями (около 20%): европейцы с севера и запада континента и латиноамериканцы (исключая мексиканцев). На две следующие национальные группы иммигрантов также приходилась значительная доля иммиграционного притока: мигрировавшие из стран юго-западной Европы (около 15%) и Азии (12%). В 1980-х гг. доля Европы в целом сократилась до 10%, Латинской Америки (включая Мексику) — до 35%, в то время как доля Азии возросла до 50%¹⁴.

С другой стороны, в Австралии в середине 1960-х гг. только британцы и ирландцы составляли 55% вновь въезжающих иммигрантов, а среди семи следующих основных стран выезда иммигрантов пять были европейскими, плюс США и Новая Зеландия. В то время участие стран Юга едва (и то в редких случаях) превосходило 1%. Впрочем, в начале 1990-х гг. доля британских и ирландских иммигрантов уменьшилась до 18%, и уже восемь из десяти основных стран выезда были азиатскими, включая Средний Восток, Южную Азию, Восточную Азию; при этом участие каждой страны составляло от 3 до 11%¹⁵.

¹⁴ В конце 1990-х гг. из 10 основных стран выезда 9 были странами Юга: Мексика, Филиппины, Корея, Куба, Индия, Китай, Доминиканская Республика, Ямайка и Вьетнам.

¹⁵ Здесь следует особо оговориться по поводу Японии, где 86% временно находящихся иностранцев были из Кореи, а из остальных стран только две играли

Наконец, неожиданно резкое увеличение числа иммигрантов из Азии и Африки произошло в Европе. В Германии, второй в мире (после США) миграционной державе, в конце 1950-х гг. практически не наблюдалось притока трудовых мигрантов из Африки и Азии. А в середине 1990-х гг. мигранты только из трех стран: Турции, Марокко и Туниса составляли 30% всей иностранной рабочей силы. В Нидерландах, которые до недавнего времени являлись страной с относительно небольшим количеством иммигрантов (а если они и были, то не из отдаленных территорий), в 1990 г. насчитывалось 700 тысяч иммигрантов, и более половины из них составляли выходцы из Марокко и Турции. В то же время во Франции наиболее многочисленной группой иностранцев были алжирцы и значительное число иммигрантов были выходцами из Африки и Азии. Более того, и другие европейские страны, помимо упомянутых здесь, испытали массовый приток мигрантов (в значительной части нелегальных) из Южной и Восточной Азии.

Эта миграционная тенденция дает основание для следующего соображения. На исходе XX века телеологическая ткань теории демографического перехода подверглась жесткому испытанию действительностью. Похоже, что самое позднее во второй половине текущего столетия в большинстве стран будет, по-видимому, восстановлено равновесие как конечное динамическое состояние режима воспроизводства населения. С другой стороны, количество последствий демографического роста, связанных с переходом от прежнего равновесия к новому, коренным образом отличается от количества общественного богатства (материального и нематериального), накопленного за этот промежуток времени. Так, например, качество среды¹⁶, в которой существует население западной цивилизации, возросло в гораздо большей степени, чем качество той среды, в которой существует большинство прочих народов, в то время как демографические ресурсы Запада возросли в меньшей степени, чем демографические ресурсы иных цивилизаций. Если мы сравним относительно типичное, закрытое (то есть при самой незначительной миграции) европейское население с аналогичным африканским населением за время демографического перехода, мы увидим, что численность населения Европы возросла в 3–4 раза, а Африки в 6–8 раз, в то же время ВВП на душу населения в Европе

заметную роль: Китай (6%) и США (3%). В 1995 г. число стран выезда существенно возросло, вследствие этого сократилась доля Кореи. Значительную роль в притоке иностранцев в Японию, помимо Китая (16%), играли Бразилия (13%), Филиппины (5%), Перу (3%), за ними следовали Таиланд, Вьетнам и Иран.

¹⁶ Нет необходимости давать особое определение понятию «среда». Обычно оно используется как мерило общественного богатства и инструмент для превращения его во всеобщее достояние. С некоторыми оговорками для этой цели используется показатель валового внутреннего продукта на душу населения.

увеличился в 10–15 раз, а в Африке — в 2–3 раза. Это отражает масштаб диспропорций, и много объясняет, когда речь идет о последствиях этих изменений.

В этом контексте можем ли мы удивляться ускорению потока людей с Юга на Запад в конце XX века? В то же время не ясно, будет ли этот поток продолжительным и устойчивым. Каждое государство самостоятельно решает, до какой степени могут его границы оставаться открытыми для жителей других государств, само выбирает, какие методы ограничения использовать, и таким образом оно контролирует приток людей из других цивилизаций. К примеру, США в течение долгого времени эффективно блокировали иммиграцию из неевропейских стран, главным образом из Азии.

Таким образом, западная цивилизация, которая по единому цвету лица (цвету кожи) условно называлась белой, начинает отсвечивать различными оттенками и цветами. Приезжие всех цветов кожи внедряются в новые сферы социальной и культурной жизни, такие как развлечения и спорт. Растворение в обществе кажется естественным процессом. Когда в 1998 г. французская национальная сборная по футболу выиграла чемпионат мира, Франция была очень горда этим достижением и переполнена эйфорией. Тот факт, что в выигравшей команде было не так уж много игроков французской национальности и в роли лидеров выступали иммигранты (или потомки иммигрантов) из стран Магриба, не бросил тень на состояние общественного мнения. Парадоксально, что в то же самое время французы активно протестовали против притока иностранцев, а политики активно указывали на политическую подоплеку проблемы нежелательных иммигрантов.

Другим, еще более характерным примером, является Германия. Несомненно, восстановление Федеративной Республики Германии после Второй Мировой войны проходило бы гораздо болезненнее и дольше, если бы не использовалась иностранная рабочая сила. Едва ли стоит удивляться тому, что в конце 1960-х гг. прибытие миллионного иммигранта (что имело символическое значение) проходило в торжественной атмосфере и при дружественном отношении местных жителей. Он получил поздравления от администрации земли, где он должен был начать работать, и радиоприемник — от местных жителей. Двух-миллионного иммигранта встречали еще более торжественно: ему подарили мотоцикл. Однако, когда в 1993 г. был зарегистрирован четырех-миллионный иммигрант, настроение в Германии было совсем иным, и вместо торжественной церемонии были подожжены дома турецких иммигрантов. Более того, в конце 1990-х гг. один из лидеров партии ХДС завоевал популярность благодаря провозглашенному им лозунгу «Наши собст-

венные дети вместо иммигрантов»¹⁷. Совершенно очевидно, что к тому времени в Германии ощущение выгоды притока иностранной рабочей силы было в значительной степени вытеснено ощущением цивилизационной чуждости иммигрантов.

Подавляющее большинство западных государств сталкивается с такими же проблемами. Если иммигрантов немного, отношения между иностранцами и местным населением гармоничны. Если же количество иностранцев воспринимается как значительное и бросающееся в глаза в любой сфере общественной жизни, предел толерантности, используя выражение Франсуа Миттерана, исчерпывается. Действительно, по целому ряду причин, от экономических (сегментация рынка труда) до социальных и политических (права и обязанности, связанные с иностранным гражданством), а также культурных (язык и религия), отчуждение по отношению к иностранцам носит продолжительный характер.

С другой стороны, международные трудовые потоки представляют собой механизм, действующий как всасывающий и выталкивающий насос, перемещающий рабочих из стран, где заработная плата низка, в страны, где она относительно высока. Иными словами, это прежде всего означает поток из других цивилизаций на Запад. Если экономический механизм, который является основой этого явления, достаточно очевиден, то неэкономические препятствия, такие как культурные различия, политические принципы или правовые ограничения, регулирующие въезд иностранцев, не столь понятны и эффективны, чтобы серьезно воспрепятствовать деятельности экономического механизма. Более того, в области управления миграцией проявляется лицемерие западных государств. Несмотря на то, что они вводят правовые ограничения для того, чтобы избежать излишнего притока эмигрантов и не допустить их работу без соответствующего разрешения, они тем не менее снисходительно относятся к присутствию иммигрантов, необходимых для функционирования, если не сказать выживания, тех отраслей экономики, которые зависят от их труда.

Современные исследования мировой экономики (включая международную мобильность рабочей силы) находятся — в отличие от других областей научных исследований — под сильным влиянием марксистской школы. Представляется, что старая концепция Розы Люксембург вполне соответствует нынешней концепции Иммануэля Валлерштейна (Immanuel Wallerstein) или, по крайней мере, опреде-

¹⁷ Лозунг «Kindr staat Inder» принадлежит Ритгерсу, председателю ХДС Германской Земли Северный Рейн-Вестфалия. Слово «Inder» (индиец) появилось из-за намерения Федеративной Республики Германии импортировать определенное количество граждан Индии (ученых-компьютерщиков) в Германию.

ляет то же направление исследования. В самом общем виде речь идет о создании прибавочной стоимости капиталом, который — как это было предсказано Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической Партии» — стремится перешагнуть через государственные границы. Социальный порядок в западных богатых странах поддерживается благодаря функционированию и субординации структуры, названной Валлерстейном «капиталистическая мировая экономика». Если говорить более точно, богатые страны (наиболее развитые экономики) способны присвоить и усвоить излишки, производимые на периферии мировой системы. С недавних пор, начиная с 1980-х гг., набор средств, используемых для присвоения излишков, был расширен благодаря глобализации путем переориентации механизмов, управляющих рынком труда непосредственно в центре мировой экономики. Ключевым элементом этой переориентации явилась рабочая сила иммигрантов.

Новая фаза глобализации, импульсом которой стал экономический спад 1973–1975 гг., связана с поспешной «структурной перестройкой» западных экономик в ответ на вызов, брошенный вновь появившимися международными конкурентами, особенно динамично развивающимися азиатскими странами. Удивительно, но западные страны более широко открыли свои рынки и сделались субъектами деятельности международных рынков. Получилось так, что государство на Западе добровольно отказалось от своих прерогатив суверенности. В течение относительно короткого времени и во многих областях государство освободилось от своих внутренних регулирующих и перераспределительных функций. Это серьезно сказалось на национальных рынках труда. Кроме того, сыграло свою роль неожиданное падение целого ряда отраслей обрабатывающей промышленности в высокоразвитых западных странах. Конечно, сегментация рынка труда на Западе началась несколько раньше, уже во время продолжительного послевоенного бума. В период неожиданно активного роста промышленности (при постепенном падении сельского хозяйства) спрос на рабочую силу резко превысил местное предложение. Это создало благоприятные возможности для занятости, подняло заработные платы до высокого уровня и предоставило рабочим многие формы социального обеспечения, которых раньше не было. Вскоре импорт иностранной рабочей силы стал обычным явлением в западных странах. Работодатели получили преимущества от этого притока и воспользовались им для снижения заработных плат, тогда как значительная часть местных рабочих воспользовалась этой возможностью для того, чтобы отказаться от наиболее тяжелых физических работ и улучшить свое положение на рынке труда. Это стало возможным, поскольку мигранты не могли предъявлять каких-либо финансовых претензий или иных требований относительно условий труда, а их основной целью было вернуться домой, как только

они смогут заработать достаточное количество денег. Это означало, что они согласны на самую тяжелую работу.

Германия является здесь хорошим примером. В период между 1961 г. и 1968 г. 1,1 миллион местных рабочих стали конторскими служащими и «белыми воротничками», а им на смену пришли более полутора миллионов иностранных рабочих («синих воротничков»). Первичный сектор рынка труда — обычно включающий высококвалифицированных работников — стал устойчивым и постоянным элементом этого рынка. Его характерной чертой стала защита прав рабочих и сильные позиции профсоюзов. В то же время вторичный сектор увеличивался в меньшей степени, предлагая рабочие места в основном для работников низкой квалификации. Первый был пристанищем местных наемных рабочих, а последний — во все большей степени — иностранцев. Со временем местные рабочие стали избегать вторичный сектор, поскольку он ассоциировался с неудачей, низкой квалификацией и стал своего рода позорным клеймом. Они предпочитали — в худшем случае — оставаться безработными и жить на пособие.

Диктат всемирной конкуренции, наблюдаемый на Западе с 1980-х гг. усугубил сегментацию рынка труда неожиданным образом. Государство больше не вмешивалось в механизм рынков труда, допуская (в свете понижательной тенденции в обрабатывающей промышленности) высокую безработицу, пересмотр правил и снижение издержек социального обеспечения и уступая дорогу гибкой политике занятости. Множество молодых людей, особенно из числа вновь вступающих на рынок труда, становились временными, краткосрочными работниками, или работающими неполный рабочий день, или работниками на субконтрактах, поднайма, или самозанятыми. Некоторых нанимали при условии, что они будут выполнять работу дома. Это было удобно при найме женщин, которые все еще были привязаны к дому, поскольку их дискриминация на рынке труда имела уже прочные традиции. В этих условиях понятия стабильного трудоустройства (раз и на всю жизнь) и стандартного рабочего дня, недели или года потеряли свою ценность, равно как утратили свое значение переговоры по коллективному соглашению об оплате, коллективные трудовые договоры и деятельность профсоюзов. Все эти изменения привели к существенному сокращению реальной заработной платы во вторичном секторе наряду с ростом заработной платы в первичном секторе.

Гибкие формы занятости, естественно, больше подходят иностранным рабочим — обычно приезжающим без семьи, планирующим лишь временное пребывание и готовых жить ниже общепринятых стандартов. Более того, случившийся ранее экономический спад создал предварительную основу для получения преимуществ от использования иностранных рабочих, отводя им роль «козлов

отпущения» во внутренних политических схватках. С того момента была прекращена вербовка рабочих за рубежом и ужесточено правовое регулирование въезда и трудоустройства иммигрантов. Однако все еще существовал большой спрос на иностранных рабочих, что обернулось превращением прежнего явного притока рабочих из-за границы в «невидимый» (частично нелегальный) и привело к появлению неформального (незаконного) рынка труда, где условия труда были гораздо хуже, чем те, которые предлагались иностранцам до этого. Таким образом, углубление сегментации рынка труда повлекло за собой своего рода конкуренцию за рабочие места во вторичном секторе между иностранной и местной рабочей силой. В отличие от той тенденции, которая существовала до 1973 г., приток иностранных рабочих не означал больше возможности для продвижения или реальные выгоды для местных рабочих, напротив, он даже нес в себе угрозу их положению.

Действительно, нельзя отрицать тот факт, что с недавнего времени в определенных регионах Запада местная промышленность может существовать только за счет иностранных рабочих. Это совершенно ясно в отношении физических работ, особенно временных, сезонных работ в сельском хозяйстве, строительстве, уборке улиц, офисов, квартир, также работ в гостиницах, общественном питании и транспорте, уход за больными в медицинских учреждениях, приютах, домах для престарелых, в частных домах. Существуют явные свидетельства в пользу того мнения, что отрасли западной экономики, которые выглядят сравнительно более благополучными, используют преимущественно труд иностранцев, и, естественно, дешевая иностранная рабочая сила дает Западу преимущества в конкуренции на мировом рынке.

Это можно легко показать на примере Нью Йорка, где «в двух–трех тысячах мастерских индустрии высокой моды всегда существуют вакансии — для работы в течение 10-часового рабочего дня в безумном, диктуемом сдельной оплатой, темпе, в темноте и опасных условиях, за плату, которая в худший период, в 1980-е гг., была не более 1 долл. в час (по сравнению с федеральным минимумом заработной платы 3,35 долл.). Естественно, что матери-одиночки с несовершеннолетними детьми не могли получить такую работу, даже если они жили довольно близко и их транспортные расходы были минимальны, но нелегальные иммигранты могли» (Harris, 1995, p. 19). Цитируемый автор выразил мнение, которое представляется хорошим заключением для вышеизложенных соображений: «Таким образом, новый мировой порядок создается на спинах скромных иммигрантов, ... на их покорных плечах» (там же, p. 20).

Современные центры мировой экономики, получившие название глобальных городов, — Нью Йорк, Сан Франциско, Лондон, Париж, Токио — в значительной степени отражают этнический состав

мирового населения. В этих мегаполисах, как и в других центрах экономического роста, иммигранты создают свои анклавные сети, становясь постепенно их постоянным элементом. Симптоматична ситуация с заводом компании Форд в Кельне, где 75% рабочих — турки, что говорит еще об одной тенденции. Работодатели не просто предпочитают нанимать иностранную рабочую силу, но — для того, чтобы снизить издержки и облегчить процесс управления, — часто они хотят, чтобы их работники составляли единую этническую группу. Это ведет к большой концентрации и «очевидности» присутствия этнических меньшинств на Западе (Waldinger, 1996).

Иногда стратегия транснациональных корпораций, включающая широкое применение иностранной рабочей силы в западных отделениях, приводит к ослаблению правопорядка в этих странах, несмотря на попытки правительства контролировать приток мигрантов. Возьмем, к примеру, швейную промышленность в Париже, которая в начале 1990-х гг. утратила свои позиции мирового лидера¹⁸. Для того, чтобы восстановить позиции этой отрасли, была с успехом применена стратегия деления крупных компаний. Эта стратегия основывалась на разделении основных стадий процесса производства, отделении их от головной компании и передаче их в сектор неформальной экономики, где рабочая сила была представлена нелегально работающими иностранцами (Iskander, 1999).

Сегодня трудно представить себе Запад без культурной мозаики, созданной недавними волнами возросшей миграции. Или без все растущего числа иностранцев, прибывающих из более или менее отдаленных регионов Земного шара. Однако опыт последних двух десятилетий четко показывает, что приток представителей отдаленных незападных цивилизаций может сопровождаться обострением социальных отношений или конфликтов.

Во-первых, наиболее очевидной причиной возможной напряженности может быть значительная концентрация иностранцев на относительно небольших территориях в отдельных районах страны. При том, что мировая экономика не является легко предсказуемой, чувствительность Запада к ее цикличности, особенно в условиях высоких и продолжающих расти общественных затрат (в частности, на социальную защиту населения), бросающееся в глаза присутствие иностранцев делает их легкими жертвами экономических спадов в принимающих странах. Более того, многие иммигранты не находятся под прямой защитой закона, а есть и такие, чей правовой статус не урегулирован.

¹⁸ Участие Франции в объеме мирового экспорта продукции швейной промышленности сократилось с 6,0% в 1980 г. до 3,7% в 1994 г., уступив странам Азии и Латинской Америки, где трудовые издержки значительно ниже.

Другим источником потенциальных конфликтов является постепенная адаптация иностранцев к новой среде, а также их социальная мобильность. В отличие от ранних волн иммиграции, более поздние волны состояли из людей, которые не стремились в скором времени возвращаться домой. С тех пор иностранцы уже не удовлетворяются работой любого рода. Более того, иностранцы все больше сориентированы на то, чтобы найти работу в первичном секторе рынка труда, который за последние десятилетия превратился в бастион национальной рабочей силы. И надо сказать, постепенно они достигают этой цели. Это создает впечатление вытеснения местных работников и в действительности ведет к росту конкуренции. В результате реальная заработная плата местных работников часто уменьшается.

В-третьих, иностранные рабочие в гораздо большей степени, чем местные, подвергаются эксплуатации. Среди них есть жертвы несправедливости и обмана (с которыми они обычно сталкиваются на ранних этапах своего пребывания на Западе). Многие из них были вынуждены отстаивать свои права в западных судах или перед администрацией. Они склонны объединяться в ассоциации или предъявлять коллективный протест. По мере того, как профсоюзы теряют свои позиции, мигранты становятся самостоятельным инструментом вербовки новых членов и динамичным элементом организаций.

В этом пункте мы должны также указать на традиционное презрение или неуважение по отношению к новой иммиграционной волне. Это явление имеет столь глубокие корни, что его можно заметить даже в отношениях между старшими и более молодыми поколениями внутри одной и той же этнической диаспоры.

Наконец, важную роль играют некие подспудные моменты. Хорошим примером может быть политическая риторика и лицемерие по отношению к иностранцам, особенно тем, кто прибыл извне западной цивилизации. Современные нормы корректности не позволяют произносить вслух определенные заявления, выражать некоторые мнения (такие как расовое или цивилизационное превосходство) или вносить предложения об ограничении прав мигрантов по сравнению с правами местных граждан. Это не мешает, однако, членам западных обществ дискриминировать иностранцев в уничижительной манере или проявлять по отношению к ним высокомерие. В то же время замалчивается роль, которую играют иностранцы в экономике. Другим проявлением лицемерия являются такие заявления правительств, которые призваны создать впечатление, что необходимо сократить не только приток новых иностранцев, но и численность уже прижившихся иностранцев, на фоне вполне терпимого отношения на правительственном уровне к масштабному расширению производств, основывающихся на труде

иммигрантов (часто незаконном). Это приводит к глубокому замешательству как среди иностранцев, так и местного населения.

По всей видимости, Запад еще долгое время будет испытывать потребность в иммигрантах, представляющих различные цивилизации, а Юг, вследствие высокого демографического потенциала, будет в состоянии обеспечивать эту потребность. Растущая (и уже достаточно высокая) доля иностранцев в населении западных стран, тот факт, что они уже пустили глубокие корни (если не сказать интегрировались) в этих обществах, а также их усиливающаяся политическая и экономическая экспансия приведут к необратимому изменению — цивилизационному плюрализму западного общества, которое до сих пор оставалось гомогенным. Быстрый демографический рост стран Юга и демографический упадок Запада (Севера) создали основу для кардинального изменения демографического равновесия между западной и иными цивилизациями, а также для существенной маргинализации первой. Такой сдвиг может произойти — в соответствии с моим предположением — не только во всеобщем масштабе, то есть глобально, но фактически где угодно на Земле, включая Европу и Северную Америку — на этих двух континентах ввиду описанной выше «бескровной интервенции иммигрантов».

Это явление может иметь далеко идущие последствия, выходящие за рамки демографии. Соответственно, адекватные ответные меры — совместные действия, меры приспособления, регулирования, модификации — также будут осуществляться за пределами этой сферы.

Перевод с английского И.В. Ивахнюк

Литература

1. Caldwell J.C. (1982) *Theory of Fertility Decline*, Academic Press, New York.
2. Castles S., Miller M.J. (1993) *The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World*, Macmillan, Houndmills.
3. Chesnais J.C. (1986) *La transition demographique. Etapes, formes, implications economiques*, Presses Universitaires de France, Paris.
4. Ester P, Halman L., Moor R. de (eds.) (1993) *The Individualizing Society. Value Change in Europe and North America*, Tilburg University Press, Tilburg.
5. Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man* (after the 1996 Polish edition, Zysk i S-ka, Poznan).

6. Harris N. (1995) *The New Untouchables. Immigration and the New World Worker*, I.B. Tauris Publishers, London / New York.
7. Heinz B, Obracht W. (1980) *Die sanfte Gewalt der Familie. Mechanismen und Folgen der Reproduktion der traditionellen Familie // In: Weltgesellschaft und Sozialstruktur / G. Hischer (ed.). Verlag Ruegger, Diesenhoffen.*
8. Huntington S. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (after the 1997 Polish edition, *Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza SA*).
9. Iskander N. (2000) *Immigrant Workers in an Irregular Situation: the Case of the Garment Industry in Paris and its Suburbs // In: Combating the Illegal Employment of Foreign Workers, OECD, Paris.*
10. Kaa Dirk J. van de (1988) *The Second Demographic Transition Revisited: Theories and Expectations. Symposium on Population Change and European Society, European University Institute, Florence, 7-10 December.*
11. Muhsam H.V. (1979) *The Demographic Transition: from Wastage to Conservation of Human Life // In: Population Science in the Service of Mankind, IUSSP, Vienna.*
12. Okólski M. (1999a) *The Demographic-institutional Contradictions of Modern Society, Revue Baltique (Vilnius), No. 13.*
13. Okólski M. (1999b) *Migration Pressures on Europe // In: European Populations: Unity in Diversity / D. van de Kaa et al. (eds.). Kluwer Academic Publishers, Dordrecht / Boston / London.*
14. Okólski M., Pajestka J. (1978) *Ludnosc i gospodarka swiata (Population and economy of the world), Wiedza Powszechna, Warsaw.*
15. Snookes G. (1996) *The Dynamic Society: Explaining the Sources of Change, Routledge, New York.*
16. UN (1973) *The Determinants and Consequences of Population Trends, United Nations, New York.*
17. UN (1992) *Long-range Population Projections, United Nations, New York.*
18. UN (1998) *World Population Monitoring 1997. International Migration and Development, United Nations, New York.*
19. UN (1999) *World Population Prospects. The 1998 Revision, United Nations, New York.*
20. Waldinger R.D. (1996). *Still the Promised Land. African-Americans and New Immigrants in Postindustrial New York, Harvard University Press, Cambridge Mass.*

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АЛИИ И ЭМИГРАЦИИ ЕВРЕЕВ ИЗ РОССИИ

Термин «алия» в 1990-е гг. прочно вошел в российскую демографию (см. Ионцев, 1994; Ионцев, 1999, С. 301). Круг лиц, имеющих право на иммиграцию в Израиль (алия) в соответствии с израильским Законом о возвращении, весьма широк; право на репатриацию по этому закону имеют евреи, их дети и внуки — все со своими законными супругами. За 1989–2000 гг. около 1,4 млн. евреев вместе со своими родственниками-неевреями покинули постсоветское пространство. Из них 887,5 тыс., или 63%, эмигрировали в Израиль. Таким образом, евреи мигрировали не только в Израиль, но и в другие страны, прежде всего в США и Германию. Ясно, что статистика алии и эмиграции евреев далеко не тождественные понятия.

Российская статистика содержит разнообразные данные как об эмиграции в Израиль, так и в целом об эмиграции евреев. Израильская статистика иммиграции, в свою очередь, выделяет прибывших из России. Более того, в обеих странах имеется несколько источников информации, отражающих различные этапы процесса миграции, что создает хорошие предпосылки для углубленного сопоставления имеющихся данных. Такой анализ имеет большое значение, так как только на его основе могут быть правильно интерпретированы показатели алии из России. При этом конечная цель данной публикации — уточнение динамики общего уровня эмиграции евреев из Российской Федерации за пределы бывшего СССР на основе комплексного использования данных статистики двух стран.

Источники статистических данных

Подробная публикация данных об эмиграции из Российской Федерации за пределы бывшего СССР по национальностям, включая евреев, была начата Госкомстатом России по материалам за второе полугодие 1992 г., полученным на основе специальной разработки первичных документов статистического учета миграции (Об эмиграции..., 1993). Одновременно в этом же статистическом бюллетене приводилось количество получивших разрешение на выезд в Израиль на постоянное жительство по данным МВД России за 1987–1992 гг. Впоследствии публикация Госкомстатом России этих данных становится ежегодной (Численность и миграция ..., 1994–2001).

В Израиле Центральное Статистическое Бюро (ЦСБ) приняло с определенным запозданием первую специальную публикацию об алии, в которой данные по некоторым республикам бывшего СССР, среди них и по Российской Федерации, приводились за

1990-1992 гг. (Israel CBS, 1994, No. 4). Затем такие публикации были повторены за 1993 и 1994 гг. (Israel CBS, 1995, No. 2 and 9). Впоследствии эти данные стали публиковаться в ежегодном статистическом сборнике, посвященном иммиграции в страну (Israel CBS, 1996–2001). Однако даже в нем цифры не приводятся с выделением всех государств бывшего СССР и показатели по некоторым из них объединяются вместе, хотя более детальные данные имеются¹. Для нашего анализа могут быть полезны также данные о количестве израильских виз, выданных в России для въезда в страну в соответствии с Законом о возвращении, и материалы Израильского Министерства абсорбции иммигрантов.

Естественно начать анализ миграционной статистики с сопоставления имеющихся российских и израильских данных (табл. 1). Приведенные данные показывают, что в 1989 г. большинство получивших разрешение на выезд на постоянное жительство в Израиль эмигрировало в США. Это был последний год, когда такое было возможно (Gur-Gurevitz, 1996, Chapter 2). В 1990 г. все, имевшие визы на выезд в Израиль, могли направляться только в эту страну.

Таблица 1. Алия из Российской Федерации по данным различных статистических источников, 1989–2000 гг., тыс. человек

Год	Число получивших разрешение на выезд в Израиль на постоянное жительство*	Число получивших разрешение на выезд в Израиль и снявшихся с учета по месту постоянного жительства**	Число зарегистрированных иммигрантов из России в Израиле***	В том числе:	
				Въехавшие на основе Закона о возвращении	Въехавшие как туристы и получившие статус репатрианта
1989	22,0****		3,3		
1990	61,0		45,5		
1991	38,7		47,3		
1992	22,0		24,8		
1993	20,4	12,8	23,1		
1994	16,9	12,1	24,6	24,2	0,4
1995	15,2	12,7	15,7	14,5	1,2
1996	14,3	12,8	16,5	14,8	1,7
1997	14,4	12,9	15,3	13,5	1,8
1998	16,9	12,8	14,5	13,2	1,3
1999	36,3	20,0	31,1	29,5	1,6
2000	16,3	9,4	18,8	17,6	1,2

Примечания: * по данным паспортно-визовой службы МВД России; ** по данным Госкомстата России на основе разработки первичных документов статистического учета; *** по данным ЦСБ Израиля за 1990–2000 гг.; Министерства абсорбции иммигрантов — за 1989 г.; **** Большинство из них эмигрировало в США.

Вместе с тем, получение российского разрешения и отъезд не всегда происходят в одном и том же году (Мкртчян, 2001, С. 73). Действительно, как свидетельствуют приведенные данные, многие

¹ Распределение алии с выделением всех государств бывшего СССР дано в приложении 1.

из получивших разрешение на выезд в 1990 г. уехали в Израиль только в следующем году, что можно видеть при сопоставлении статистики двух стран. В 1990 г. намного больше лиц получило разрешение на выезд в Израиль согласно МВД России (61 тыс.), чем иммигрировало по израильским данным (45,5 тыс.). Напротив, в следующем 1991 г., когда количество обращений за разрешением на выезд в Израиль пошло на спад, их было выдано существенно меньше (38,7 тыс.), а число прибывших в эту страну из России (47,3 тыс.) оказалось выше, чем в предшествующем году.

В сумме за более продолжительный 4-летний период (1990–1993 гг.), который лучше подходит для анализа волны эмиграции начала 1990-х гг., число разрешений на выезд по данным МВД России (142 тыс.) и количество зарегистрированных иммигрантов из России согласно ЦСБ Израиля (141 тыс.) были почти равны. Это свидетельствует о хорошем соответствии рассматриваемых данных статистики двух стран для этого периода, в которых отражаются различные этапы процесса миграции.

Конечно, в данных израильской статистики не все иммигранты распределены по странам бывшего СССР. Количество тех, для кого неизвестна территория, из которой они прибыли, было особенно значительным в 1992–1993 гг.: 4,3 тыс (6,6%) и 5,6 тыс (8,4%), соответственно. В 1990 г. эта категория иммигрантов составляла 3,2 тыс (1,7%), а в 1991 г. ее численность была всего 0,4 тыс. (см. приложение 1).

Однако мы не склонны считать, что в состав нераспределенных попадало значительное количество иммигрантов из России. В тот период, когда выезд осуществлялся в основном с паспортами советского образца, проблему для статистического учета составляли выходцы из регионов за пределами России с неопределенным статусом (Абхазия, Приднестровье) и других частей бывшего СССР (например, Таджикистан), где шли военные действия, в условиях которых иммиграция в Израиль часто осуществлялась через соседние государства.

С 1994 г. мы располагаем данными о распределении зарегистрированных в Израиле иммигрантов из России на тех, кто прибыли в страну для постоянного проживания в соответствии с Законом о возвращении, и тех, кто въехали как туристы (включая учащихся) и позднее получили статус репатрианта. Ясно, что последняя категория иммигрантов не отражается в статистике МВД России и, следовательно, не должна учитываться при сравнении статистики двух стран.

В 1994 г. несмотря на то, что эта категория иммигрантов была весьма незначительна (0,4 тыс.), в целом израильские данные об иммиграции из России (24,6 тыс.) существенно превысили число получивших разрешение на выезд в Израиль согласно МВД России (16,9 тыс.). В том же году, как и предшествующем 1993 г., в России

было выдано лишь около 20 тыс. израильских виз, включая случаи когда их обладатели впоследствии отказались от намечаемой алии. Таким образом, кажется обоснованным ранее сделанный вывод о неоправданном отнесении в израильской статистике за 1994 г. части иммигрантов из бывшего СССР к прибывшим из России (см. Tolts, 1999, p. 20).

За последующие годы данные израильской статистики, при исключении из них въехавших в качестве туристов, в большинстве случаев достаточно близки к показателям паспортно-визовой службы МВД России. Вместе с тем сопоставление данных МВД России и израильской статистики показывает, что при начале новой волны алии после дефолта в августе 1998 г. многие из получивших разрешение на выезд в этом году уехали в Израиль только в следующем году. В 1998 г. число, получивших разрешение на выезд в Израиль по данным МВД России (16,9 тыс.), было заметно больше, чем количество иммигрантов из России по данным израильской статистики при исключении из них въехавших в качестве туристов (13,2 тыс.).

В 1999 г. разрешений МВД России было выдано также существенно больше (36,3 тыс.) по сравнению с данными израильской иммиграционной статистики (29,5 тыс.). В следующем 2000 г., когда количество обращений в МВД России для отъезда в Израиль пошло на спад, было наоборот выдано существенно меньше разрешений на выезд (16,3 тыс.), чем прибыло в эту страну из России (17,6 тыс.).

Для 1997–1998 гг. лучшее соответствие, чем цифры МВД России дают показатели Госкомстата России, полученные на основе разработки первичных документов статистического учета о получивших разрешение на выезд в Израиль и снявшихся с учета по месту постоянного жительства: они расходятся с данными израильской статистики лишь на 0,4–0,6 тыс. (3–5%) при исключении из них въехавших в качестве туристов.

Вместе с тем сопоставление данных Госкомстата России с показателями паспортно-визовой службы МВД России и израильской статистики за предшествующие годы указывает на их явную неполноту. Особенно значительным в статистике Госкомстата недоучет миграции в Израиль был в 1993 г. В этом году было получено 20,4 тыс. разрешений на выезд в Израиль по данным МВД России (что почти равно уже приведенному числу израильских виз, выданных в России в том же году) и зарегистрировано в Израиле 23,1 тыс. иммигрантов из этой страны, тогда как Госкомстатом России было учтено лишь 12,8 тыс. выехавших на постоянное жительство в Израиль.

Сравнение данных российской и израильской статистики за 1999–2000 гг. свидетельствует о том, что в последний период охват миграции в Израиль данными Госкомстата России, полученными на основе разработки первичных документов статистического учета, по-

сле отмеченного временного улучшения в 1997–1998 гг., стал опять неполным. В 1999 г. показатели Госкомстата были в 1,5 раза ниже израильских данных, при исключении из них въехавших в качестве туристов, а в 2000 г. разрыв между ними увеличился до 1,9 раза.

Однако только в миграционной статистике Госкомстата дается общее число евреев, выехавших из России за пределы бывшего СССР. При этом мы имеем два ряда данных: количество снявшихся с учета по месту постоянного жительства с указанием страны за пределами бывшего СССР за 1989–1996 гг. и показатели, исходящие из числа получивших разрешение на выезд за пределы бывшего СССР и снявшихся с учета по месту постоянного жительства за 1993–2000 гг. (см. табл. 2).

Таблица 2. Зарегистрированное количество евреев, эмигрировавших из Российской Федерации за пределы бывшего СССР, 1989–2000 гг., тыс. человек

Год	Число снявшихся с учета по месту постоянного жительства с указанием страны за пределами бывшего СССР*	Число получивших разрешение на выезд за пределы бывшего СССР и снявшихся с учета по месту постоянного жительства*	Соотношение учетных категорий, %
	(1)	(2)	(3)=(2)/(1)x100
1989	11,0		
1990	28,6		
1991	31,0		
1992	21,1		
1993	18,2	14,0	77
1994	15,2	13,6	90
1995	13,2	12,8	97
1996	13,1	12,5	95
1997		9,5	
1998		7,3	
1999		9,0	
2000		4,5	

Примечание: * по данным Госкомстата России на основе разработки первичных документов статистического учета.

Оба ряда данных получены на основе разработки первичных документов статистического учета миграции. Однако для получения первого из них учету подлежали наряду со случаями выезда на постоянное жительство за рубеж также такие события как отъезд на работу и на учебу (Денисова и Мичугина, 1994). Поэтому естественно, что показатели первого ряда больше чисел второго ряда.

Вместе с тем, обращает на себя внимание, что для 1993 г. разрыв между ними очень велик — 23%. Но именно для этого года наш предыдущий анализ выявил особую неполноту данных Госкомстата России об эмиграции в Израиль, исходящих из числа лиц, получивших разрешение на выезд за пределы бывшего СССР и снявшихся с учета по месту постоянного жительства. Можно предположить, что при этом значительная часть случаев выезда на постоянное жительство не регистрировалась в этих данных (второй столбец показателей табл. 2), хотя попадала в более общую статистику Госкомстата России (первый столбец показателей той же таблицы).

Напротив, для 1995–1996 гг., когда показатели Госкомстата об эмиграции в Израиль намного более сближались с израильскими данными, два ряда чисел, характеризующих в целом эмиграцию евреев из России также близко сходятся — их разрыв уменьшается до 3–5%.

Очевидно, что в течение рассматриваемого периода случаи отъезда евреев за рубеж на работу и учебу часто заканчивались эмиграцией и были намного более редки по сравнению с выездом на постоянное жительство. Поэтому можно полагать, что и для периода 1989–1992 гг., для которого нет других данных, имеющиеся показатели также достаточно хорошо аппроксимируют динамику эмиграции евреев.

Для 1999–2000 гг. приведенные данные неполны, что ранее выявило сопоставление израильских и российских показателей. Поэтому необходима более точная оценка числа евреев-эмигрантов за эти годы, которая была бы сопоставима с предыдущими показателями Госкомстата России. Но прежде, чем мы сможем получить такую оценку, необходимо уделить внимание особенностям учета национальности для евреев в российской и израильской статистике.

Влияние различия дефиниций: евреи в российской и израильской статистике

В советской, а затем и российской миграционной статистике национальность фиксировалась согласно соответствующей записи во внутренних паспортах. В 1997 г. при введении новых паспортов, в которых нет такой записи, Госкомстат России рекомендовал указывать национальность при заполнении первичных документов статистического учета мигрантов «со слов гражданина» (Рекомендации ..., 1997, С. 5). Для детей, не имеющих паспорта, национальность определяется по национальности родителей, и «если родители ребенка — лица разных национальностей, записывается национальность одного из родителей, при этом предпочтение отдается национальности матери» (там же).

При проведении советских переписей и российской микропереписи 1994 г. национальность полностью фиксировалась, исходя из самоопределения респондентами своей национальной (этнической) принадлежности; в случае, когда это касалось детей, национальность указывалась их родителями. Большинство специалистов разделяют мнение, что данные советских переписей о численности взрослого еврейского населения отражают ответы, которые в основном соответствовали «официальной» национальности, записанной во внутренних паспортах. Поэтому можно считать данные российской миграционной статистики и переписей населения достаточно хорошо сопоставимыми для взрослых.

Однако в переписях для преобладающего большинства детей, у которых только один из родителей имел еврейскую националь-

ность, отмечалась национальность второго, нееврейского родителя. Так, по данным микропереписи 1994 г. лишь 11% детей в возрасте до 16 лет, проживавших в смешанных еврейско-русских семьях, были учтены как евреи (табл. 3). В результате этого в данных российской миграционной статистики в качестве евреев регистрируются дети, не имеющие паспорта, у которых мать еврейка, а отец нееврей, хотя в огромном большинстве в переписи они были учтены как неевреи. Регистрация в данных миграционной статистики как русских, тех детей, у которых мать русская, а отец еврей, имеет намного меньшее значение, так как у преобладающего большинства из них в переписи уже была отмечена национальность нееврейского родителя.

Таблица 3. Доля детей, рожденных в смешанных браках, которые в российской микропереписи 1994 г. учтены как евреи, %

Состав пар	возраст детей, лет	
	до 16	16 и старше
Муж еврей, жена русская	10,9	6,2
Муж русский, жена еврейка	11,6	4,1
Все еврейско-русские пары	11,1	5,6

Приводится по: Tolts, 1996, p. 15.

Согласно данным Госкомстата России, доля евреев, в общей численности эмигрировавших в Израиль, снизилась с 64% во второй половине 1992 г. до 53% в 1995 г., 31% в 1998 г. и 27% в 2000 г. (см. табл. 4). Лишь для малой части эмигрантов в эту страну, учтенных российской статистикой, неизвестна национальность: 1,8% в 1999 г. и 4,0% в 2000 г.; их мы исключили при подсчете показателей. В публикациях Госкомстата России за предшествующие два года все эмигранты в Израиль были распределены по национальностям², а в 1992–1996 гг. доля неизвестных была весьма мала (0,2–0,4%).

Израильская статистика исходит из религиозного определения (Галахи), согласно которому евреями считаются все те среди иммигрантов, кто имели мать еврейку или приняли иудаизм. Наследование по материнской линии принадлежности к еврейству существенно расширяет круг лиц, регистрируемых в качестве евреев (DellaPergola, 1998, pp. 85–87). Для того, чтобы официально считаться евреем, в Израиле достаточно иметь бабушку еврейку по линии матери, впрочем, и прабабушки может быть достаточно. При той дефиниции национальности, как в израильском Законе о возвращении, только переход в другую религию может оборвать наследование еврейства.

Вместе с тем, имеются редкие случаи изменения статуса в результате миграции и в противоположном направлении, когда со-

² Видимо, это явилось следствием присоединения талонов с «пустыми» записями к модальной группе ответов (см. Чудиновских, 2001, С. 45).

гласно израильскому определению лицо, «официально» бывшее в России евреем, не признается в таком качестве в Израиле. Это та малая часть потомков смешанных браков, которые имея отца-еврея и мать нееврейку, были записаны евреями в старом российском паспорте (по микропереписи 1994 г. к евреям были отнесены только 6,2% таких детей в возрасте 16 лет и старше; см. табл. 3).

Таблица 4. Доля евреев в алии из Российской Федерации и государств бывшего СССР по данным различных статистических источников, 1990-2000 гг., %

Год	Российская Федерация		Все государства бывшего СССР
	По данным Госкомстата России*	По данным ЦСБ Израиля**	По данным ЦСБ Израиля**
1990			96
1991			91
1992	64***		84
1993	60		82
1994	58		77
1995	53	72	72
1996	49	66	67
1997	36	59	59
1998	31	53	53
1999	31	49	49
2000	27	45	45

Примечания: * среди указавших национальность (в 1992–1996 и 1999–2000 гг.); ** среди иммигрантов, для которых статус установлен к началу 2002 г.; *** вторая половина года.

По официальным израильским данным, доля евреев среди всех иммигрировавших в Израиль из стран СНГ и Балтии, оказывается намного выше: 96% в 1990 г., 72% в 1995 г., 53% в 1998 г. и 45% в 2000 г.; в 1995–2000 гг. эта доля была почти на том же уровне для иммигрантов из Российской Федерации. Особенности формирования алии на основе израильского Закона о возвращении еще более проясняются, если при рассмотрении ее состава евреев рассматривать вместе с их супругами, хотя и другой национальности (включая вдов и вдовцов), и детьми отцов-евреев и нееврейских матерей: в 2000 г., согласно израильским критериям, евреи и указанные ближайшие члены их семей составляли в целом четыре-пятых от общего числа иммигрантов из стран СНГ и Балтии.

Ясно, что при уточнении динамики общего уровня эмиграции евреев из Российской Федерации за пределы бывшего СССР мы не можем прямо использовать данные израильской статистики, а должны попытаться получить статистические показатели, которые были бы сопоставимы с определением еврейского населения в советских / российских переписях населения.

Комплексное использование статистических данных

В миграционной статистике Госкомстата России, как показал наш предшествующий анализ, в 1999–2000 гг. не отражено очень значи-

тельное число случаев эмиграции в Израиль, и одновременно весьма существенно преуменьшено общее количество евреев, эмигрировавших за пределы бывшего СССР. Для получения более полной оценки числа евреев, эмигрировавших из страны за эти годы, которая была бы сопоставима с предыдущими намного более полными показателями Госкомстата России, были комплексно использовали статистические данные двух стран.

Исходным числом в нашем расчете явилось общее количество зарегистрированных иммигрантов из России по данным ЦСБ Израиля. Но из него были исключены иммигранты первоначально въехавшие как туристы, которые не должны попадать в учет Госкомстата России. Доля евреев бралась для сопоставимости по данным Госкомстата России, как она учтена среди зарегистрированных эмигрантов из России в Израиль. Затем на основе этих показателей определялось расчетное количество евреев, эмигрировавших из России в Израиль. Наконец, используя данные Госкомстата России о доле эмигрировавших в Израиль в общем зарегистрированном числе евреев, выехавших из России за пределы бывшего СССР, была рассчитана необходимая оценка для каждого года (табл. 5).

Таблица 5. Оценка на основе комплексного использования данных израильской и российской статистики общего числа евреев, эмигрировавших из Российской Федерации за пределы бывшего СССР, 1997–2000 гг., тыс. человек

	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
1. Число зарегистрированных иммигрантов из России в Израиле*	15,3	14,5	31,1	18,8
1а. В том числе иммигранты первоначально въехавшие как туристы	1,8	1,3	1,6	1,2
2. Доля евреев среди зарегистрированных эмигрантов из России в Израиль**	0,36	0,31	0,31	0,27
3. Расчетное количество евреев, эмигрировавших из России в Израиль (3)=[(1)-(1а)]x(2)	4,85	4,1	9,15	4,75
4. Доля эмигрировавших в Израиль в общем зарегистрированном числе евреев, выехавших из России за пределы бывшего СССР**	0,48	0,55	0,68	0,54
5. Расчетное общее количество евреев, эмигрировавших из России за пределы бывшего СССР (5)=(3)/(4)	10,1	7,4	13,5	8,8

Примечания: * по данным ЦСБ Израиля; ** по данным Госкомстата России.

Полученная для 1999 г. оценка (13,5 тыс. евреев-эмигрантов) оказалась на 50% выше того числа, которое учтено Госкомстатом России. Наша оценка для 2000 г. (8,8 тыс. евреев-эмигрантов) на 96% выше данных Госкомстата России. Одновременно проведенный по той же методике расчет для 1997–1998 гг. чисел евреев-эмигрантов привел к результатам весьма близким к данным учета Госкомстата России (табл. 6). Таким образом, использованная методика комплексной оценки числа евреев, эмигрировавших из стра-

ны за 1999–2000 гг., дает результаты, хорошо сопоставимые с предыдущими намного более полными данными Госкомстата России.

Таблица 6. Сопоставление зарегистрированного и расчетного количества евреев, эмигрировавших из Российской Федерации за пределы бывшего СССР, 1997–2000 гг., тыс. человек

Год	Данные регистрации*	Оценка**	Оценка в % к данным регистрации
1997	9,5	10,1	106
1998	7,3	7,4	102
1999	9,0	13,5	150
2000	4,5	8,8	196

Примечания: * число получивших разрешение на выезд за пределы бывшего СССР и снявшихся с учета по месту постоянного жительства по данным Госкомстата России на основе разработки первичных документов статистического учета; ** по расчету на основе комплексного использования данных израильской и российской статистики (см. табл. 5).

Полученные оценки существенно уточняют наше понимание динамики рассматриваемого явления. Они наглядно показывают последний по времени пик эмиграции евреев в 1999 г. Если по данным Госкомстата учтенное для этого года общее количество евреев, эмигрировавших из России за пределы бывшего СССР (9,0 тыс.), было ниже, чем в 1997 г. (9,5 тыс.), то по нашей оценке оно оказалось намного выше (13,5 тыс.). Более того, полученная для 2000 г. оценка (8,8 тыс. против 4,5 тыс. согласно публикации Госкомстата) показывает, что общее число евреев-эмигрантов в этом году оставалось выше по-сравнению с данными учета для 1998 г. (7,3 тыс.).

Оценка общего уровня эмиграции евреев

За рассматриваемый период численность еврейского населения России быстро сокращалась. Наши оценки показывают, что в течение первых 12 лет массовой эмиграции (1989–2000 гг.) общая численность евреев в стране упала с 570 до 275 тыс. чел., или на 52% (табл. 7).

Таблица 7. Численность еврейского населения в Российской Федерации, 1989–2001 гг.

Год	Тыс. человек		В % к 1989 г.	
	Всего	Без учета «татов»*	Всего	Без учета «татов»*
1989**	570	551,0	100	100
1994***	409	401,0	72	73
1999****	310	305,6	54	55
2001****	275		48	

Примечания: * Часть горских евреев в советских переписях и российской микропереписи 1994 г. была учтена отдельно как «таты»; данные об этой группе не приведены в миграционной статистике; ** По переписи 1989 г.; *** По микропереписи 1994 г.; **** По оценке автора на начало года.

Эти оценки численности еврейского населения России для периода после микропереписи 1994 г. основываются на ее данных и последующей текущей статистике рождений, смертей и миграции (Tolts, 1999, p. 29). Однако для определения изменения численности евреев в 1999–2000 гг., когда данные Госкомстата России, как показал наш анализ, очень неполно отражали эмиграцию, были использованы только что рассмотренные оценки числа евреев-эмигрантов, полученные на базе статистики России и Израиля (см. табл. 5). Какие-либо другие поправки в эти расчеты не вносились, поскольку, например, иммиграция в Российскую Федерацию также недоучитывается, но величина этого фактора, по нашему мнению, не поддается для евреев обоснованной оценке. Ясно, что погрешности учета во многих случаях разно направлены и, следовательно, в определенной степени взаимопогашаются.

Быстрое сокращение численности еврейского населения делает особенно необходимым использование в анализе его эмиграции таких показателей, которые соотносятся с численностью евреев в России. По имеющимся данным Госкомстата России мы можем рассчитать два ряда коэффициентов — показатели, полученные на основе чисел евреев, снявшихся с учета по месту постоянного жительства с указанием страны за пределами бывшего СССР за 1989–1996 гг. и показатели, исходящие из числа получивших разрешение на выезд за пределы бывшего СССР и снявшихся с учета по месту постоянного жительства за 1993–2000 гг. (табл. 8).

Таблица 8. Уровень эмиграции евреев из Российской Федерации за пределы бывшего СССР, 1989–2000 гг., на 1000 еврейского населения

Год	По данным о числе снявшихся с учета по месту постоянного жительства с указанием страны за пределами бывшего СССР*	По данным о числе получивших разрешение на выезд за пределы бывшего СССР и снявшихся с учета по месту постоянного жительства*	Уточненный ряд показателей
1989	21		21
1990	56		56
1991	65		65
1992	48		48
1993	44	34	44**
1994	39	35	39**
1995	36	35	36**
1996	37	36	37**
1997		29	29
1998		23	23
1999		30	45***
2000		16	31***

Примечания: * Учетное число эмигрантов представлено в Таблице 2; ** Показатели соответствуют данным о числе снявшихся с учета по месту постоянного жительства с указанием страны за пределами бывшего СССР; *** По оценке на основе комплексного использования данных израильской и российской статистики (расчет числа эмигрантов представлен в Таблице 5).

Как известно из нашего предыдущего анализа в начале данной статьи, для периода 1993–1996 гг. более полное представление об эмиграции дадут числа евреев снявшихся с учета по месту постоянного жительства с указанием страны за пределами бывшего СССР. Рассчитанные на их основе показатели приводятся в ряду уточненных оценок за эти годы. Для 1999–2000 гг. в этом ряду даются уточненные оценки, полученные из расчета чисел эмигрантов на основе комплексного использования данных израильской и российской статистики.

Приведенные коэффициенты показывают, что пик эмиграции пришелся на 1990–1991 гг. (56 и 65 случаев на 1000 евреев, соответственно), после чего она постепенно сокращалась. К 1997–1998 гг., произошло существенное снижение интенсивности эмиграции (29 и 23 случаев на 1000 евреев, соответственно). В 1999 г. показатель эмиграции возрос почти в 2 раза по сравнению с предшествующим годом. В 2000 г. он был в 1,35 раза выше, чем в 1998 г., когда был отмечен минимальный уровень эмиграции.

Для правильной интерпретации полученных общих коэффициентов эмиграции необходимо помнить, что их величина зависит от изменения возрастного состава населения. При этом следует принять во внимание, что в течение рассматриваемого периода в результате массовой эмиграции происходило быстрое старение еврейского населения России. Если по данным переписи 1989 г., доля евреев в возрасте 65 лет и старше составляла 27%, то в 1999 г. по нашей оценке уже 35% евреев были в этом возрасте. За это десятилетие медианный возраст еврейского населения России увеличился до 58,2 года, что на 5,9 года больше, чем в 1989 г. (Tolts, 2000, pp. 193–194). Предшествующий анализ выявил существенные различия в интенсивности эмиграции еврейского населения по возрасту: склонность к отъезду наиболее низка в самых старших возрастных группах (Тольц, 2000, С. 64–66). Однако внесение больших поправок в цифры эмиграции для 1999–2000 гг. удерживает нас от применения стандартизации к полученным на их основе показателям. Но и без этого ясно, что приведенные общие коэффициенты эмиграции даже после этих поправок дают несколько заниженное представление о динамике ее уровня для конца рассматриваемого периода.

Заключительные замечания

Наш анализ показал, что российская и израильская статистика содержат разнообразные данные, которые отражают различные этапы алии и эмиграции евреев из России. Поэтому наиболее плодотворным является такой подход, когда они используются вместе, а не отдается заведомое предпочтение одним перед другими. Вместе с тем, не всегда эти данные полны, а иногда они напротив завышены и, следовательно, подлежат коррекции.

Как составная часть проведенного анализа специально было рассмотрено влияние различия дефиниций на определение национального состава алии по данным российской и израильской статистики. Установлено, что согласно израильским критериям, евреи и ближайшие члены их семей по последним данным (2000 г.) составляли в целом подавляющее большинство среди иммигрантов, тогда как показатели российской статистики, конечно, не могут отразить особенности формирования алии на основе израильского Закона о возвращении.

Комплексное использование статистики двух стран существенно уточнило наше понимание анализируемого процесса и сделало возможным коррекцию показателей, когда это необходимо. В частности, был выявлен существенный недоучет алии и в целом эмиграции евреев в данных Госкомстата России за 1999–2000 гг. Привлечение показателей израильской статистики для коррекции результатов российского учета позволило оценить рост уровня эмиграции евреев из России в эти годы, и следовательно, уточнить в целом динамику явления.

Авторизованный перевод с английского А. Мамута

Литература

1. Госкомстат (1993) Об эмиграции россиян в страны дальнего зарубежья (стат. бюллетень). М.: Госкомстат России.
2. Госкомстат (1997) Рекомендации по заполнению первичных документов статистического учета мигрантов. М.: Госкомстат России.
3. Госкомстат (1994–2001; ежегодное издание) Численность и миграция населения Российской Федерации 1993–2000. М.: Госкомстат России.
4. Денисова Л.И., Мичугина А.М. (1994) Учет миграции // Народонаселение: энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Кваши и др. М.: Большая Российская энциклопедия.
5. Ионцев В.А. (1994) Алия // Народонаселение: энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Кваши и др. М.: Большая Российская энциклопедия.
6. Ионцев В.А. (1999) Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ.
7. Мкртчян Н.В. (2001) Источники информации о миграции населения в России // В серии Миграция населения. Выпуск 1: Теория и практика исследования / Под ред. О.Д. Воробьевой. М.: Миграция в России. С. 64–80.
8. Тольц М. (2000) Миграция российских евреев в 90-е гг. // В серии Международная миграция населения: Россия и современ-

- ный мир. Выпуск 4 / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС Пресс. С. 54–72.
9. Чудиновских О.С. (2001) Состояние и перспективы текущего учета миграции в России // В серии Международная миграция населения: Россия и современный мир. Выпуск 8: Статистика и учет миграции населения / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС Пресс. С. 30–55.
 10. DellaPergola S. (1998) The Global Context of Migration to Israel // in *Immigration to Israel: Sociological Perspectives* / Leshem, E. and Shuval, J.T. (eds.). New Brunswick, N.J.: Transaction. Pp. 51–92.
 11. Gur-Gurevitz B. (1996) *Open Gates: The Story Behind the Mass Immigration to Israel from the Soviet Union and its Successor States*. Jerusalem: The Jewish Agency for Israel.
 12. Israel CBS Immigrants from the USSR 1990–1992, Demographic Characteristics by Last Republic of Residence. Supplement to the *Monthly Bulletin of Statistics*, 1994, No. 4. Pp. 207–240.
 13. Israel CBS 1993 Immigrants from the USSR, by Last Republic of Residence and by Selected Demographic Characteristics. Supplement to the *Monthly Bulletin of Statistics*, 1995, No. 2. Pp. 21–54.
 14. Israel CBS 1994 Immigrants from the USSR, by Last Republic of Residence and by Selected Demographic Characteristics. Supplement to the *Monthly Bulletin of Statistics*, 1995, No. 9. Pp. 73–104.
 15. Israel CBS Immigration to Israel [annual publication]. Jerusalem: Israel. CBS, 1996–2001.
 16. Tolts M. (1996) The Jewish Population of Russia, 1989–1995. *Jews in Eastern Europe*, No. 3 (31). Pp. 5–19.
 17. Tolts M. (1999) Jews in the Russian Federation: A Decade of Demographic Decline. *Jews in Eastern Europe*, No. 3 (40). Pp. 5–36.
 18. Tolts M. (2000) Russian Jewish Migration in the Post-Soviet Era. *Revue Européenne des Migrations Internationales*, Vol. 16, No. 3. Pp. 183–199.

Приложение 1. Алия из стран бывшего СССР, 1989–2000 гг.

Страна	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
РФ	3,281	45,522	47,276	24,786	23,082	24,612	15,707	16,488	15,290	14,454	31,104	18,758
Украина	3,575	58,936	39,769	13,149	12,833	22,733	23,556	23,447	24,103	20,083	23,231	20,321
Белоруссия	1,121	23,356	16,006	3,273	2,265	2,906	4,219	4,381	3,369	2,258	2,692	2,560
Молдавия	1,470	11,926	15,452	4,305	2,173	1,907	2,407	1,953	1,396	1,194	1,345	1,774
Латвия	294	4,393	1,852	866	1,399	845	541	709	599	447	326	390
Литва	322	2,737	1,052	369	333	245	353	339	332	194	198	300
Эстония	30	391	225	81	110	61	60	99	75	40	55	100
Грузия	263	1,346	1,407	2,595	3,750	3,295	2,275	1,493	1,107	944	1,050	858
Азербайджан	466	7,833	5,676	2,625	3,133	2,285	3,090	2,627	1,876	1,134	1,240	854
Армения	10	162	108	132	387	370	114	97	82	125	121	126
Узбекистан	1,544	20,726	14,271	5,533	8,471	6,510	6,172	3,410	2,695	2,399	2,858	2,276
Таджикистан	202	2,389	2,736	2,286	1,581	413	455	317	138	97	72	47
Киргизия	73	992	572	250	449	447	367	347	203	214	247	472
Туркмения	3	33	0	79	54	59	359	465	400	279	246	193
Казахстан	67	1,313	998	475	536	699	2,736	2,034	2,350	1,948	1,861	1,757
Неизвестно	211	3,175	439	4,289	5,589	692	2,436	843	603	222	202	30
Всего	12,932	185,230	147,839	65,093	66,145	68,079	64,847	59,049	54,618	46,032	66,848	50,816

Примечание: По данным ЦСБ Израиля; Министерства абсорбции иммигрантов — распределение по странам за 1989 г. и странам Балтии за 1990–1994 гг.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Виля Гельбрас — профессор Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

Ирина Ивахнюк — старший научный сотрудник кафедры народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Владимир Ионцев — профессор, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Дирк ван де Каа — профессор демографии Амстердамского Университета, Нидерланды

Андрей Каменский — д.э.н., доцент кафедры народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Мэри Критц — старший исследователь факультета социологии, заместитель директора программы «Население и развитие» Корнельского Университета, Итака, Нью Йорк, США; генеральный секретарь и казначей Международного союза научных исследований в области народонаселения (IUSSP)

Янеш Малачич — профессор демографии и экономики труда Люблянского Университета, Словения

Ирина Малаха — ведущий научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований Российской Академии Наук

Дуглас Массей — профессор социологии, Центр по изучению народонаселения, Университет Пенсильвании, Филадельфия, США

Марек Окодьски — профессор, директор Центра миграционных исследований Варшавского Университета, Польша

Марк Тольц — доцент-исследователь Отдела демографии и статистики Института современного еврейства, Иерусалимский Университет, Израиль

Реджинальд Эпплеярд — профессор Высшей школы менеджмента, Университет Западной Австралии

ИНФОРМАЦИЯ О СЕРИИ

Научная серия «**Международная миграция населения: Россия и современный мир**» была основана в 1998 г. на кафедре народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Идея создания серии была связана с резко возросшим масштабом и значением международной миграции в современной России, активизацией теоретических и прикладных исследований российских демографов и экономистов в этой области, в то время как в стране не существовало ни одного научного периодического издания по международной миграции. Главный редактор серии — В.А. Ионцев, профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ. Ответственный секретарь — старший научный сотрудник кафедры народонаселения, к.э.н. И.В. Ивахнюк.

Выпуски серии выходят два раза в год; они представляют собой как сборники статей, так и индивидуальные монографии. Фактически на страницах серии происходит активный обмен мнениями российских и зарубежных ученых по различным теоретическим и прикладным аспектам участия России в международной миграции населения, его причин и последствий.

Первый выпуск (1998 г.) был составлен преимущественно на основе докладов, представленных российскими учеными на Генеральной Конференции IUSSP в Пекине, Китай, в октябре 1997 г. (Подробная информация о Конференции представлена в данном выпуске.) Это статья *В.А. Ионцева и А.Н. Каменского — Россия и международная миграция населения*, раскрывающая проблемы, связанные с участием России в мировых миграционных процессах на новом этапе своего развития. Статья *А. Островского — Миграция рабочей силы из Китая на российский Дальний Восток: возможности иммиграции сегодня и в будущем*, касается превращения трудовой миграции в постоянную иммиграцию в конкретном российском регионе.

Другие статьи первого выпуска посвящены исключительно актуальному для России аспекту международной миграции — «утечке умов»: *И.Г. Ушкалов — Интеллектуальная эмиграция из России: факторы, масштабы, последствия, возможности регулирования*; *И.А. Малаха — «Утечка умов» в странах Центральной и Восточной Европы: состояние, политика регулирования*. Кроме того, первый выпуск серии включает рецензию на знаменитую книгу Джулиана Саймона «Экономические последствия иммиграции». Рецензии на заметные публикации российских и иностранных специалистов по международной миграции являются обязательным разделом каждого из выпусков серии.

Второй выпуск (1999 г.) представлен широким диапазоном тем, связанных с международной миграцией населения в России и в мире: *В.А. Ионцев, А.Г. Магомедова — «Внешняя» миграция между Россией и странами ближнего зарубежья (Исторический обзор); И.В. Ивахнюк — Опыт государственного регулирования международной трудовой миграции (на примере Турции); А.Н. Каменский — Экспорт рабочей силы и влияние переводов трудящихся мигрантов на платежные балансы стран выезда; И.Г. Ушкалов — Эмиграция и иммиграция: российский феномен.* Помимо статей российских ученых, в сборник включена работа профессора *Янеша Малачича* (Университет Любляны, Словения) — *Ситуация на рынке труда и в сфере международной миграции в центрально-европейских странах с переходной экономикой.* Начиная с этого выпуска, приглашение зарубежных коллег, работы которых нечасто можно прочесть на русском языке, стало традицией серии: каждый выпуск серии включает, по крайней мере, одну статью иностранного ученого, специализирующегося по проблемам международной миграции.

Третий выпуск (1999 г.) представлен монографией *В.А. Ионцева — Международная миграция населения: теория и история изучения.* В книге рассмотрены современные теоретические направления в объяснении международной миграции населения, дана классификация основных научных подходов в ее изучении. Работа содержит подробный анализ участия России в международных миграционных потоках, начиная с XVIII века до современного этапа развития, а также прогноз развития миграционной ситуации в стране и регионе. Монография дополнена кратким терминологическим словарем по миграции. Заслуживает внимания также обширная библиография, включающая более 1200 названий работ российских и зарубежных авторов по миграционной тематике.

Четвертый выпуск (2000 г.) включает статьи российских и зарубежных ученых, отображающих как современные глобальные тенденции в международной миграции населения, так и специфику миграционных потоков в Россию и из нее. Статья профессора *Семьи Эрдер* (Университет Мармара, Турция) — *Новые тенденции международной миграции и опыт Турции* представляет точку зрения автора на миграционную картину в современной Европе и меняющееся место в ней Турции. Появление нового миграционного пространства в Восточной Европе привело к появлению качественно новых миграционных потоков в регионе. Это стало объектом двух других статей выпуска: *И.В. Ивахнюк — Взаимодействие России и Турции в области международной трудовой миграции; Е.С. Красинец, Е.В. Тюрюканова — Миграция Россия — Италия как модель этнонейтральной экономической миграции.* Этнический аспект международной миграции представлен в статье израильского демографа *Марка Тольца* (Иерусалимский Университет) — *Миграция российских евреев в 90-е гг.*

Среди рецензий, помещенных в четвертом выпуске, одна заслуживает особого внимания. Это последняя книга *И.Г. Ушкалова и И.А. Малахи* — «Утечка умов»: *масштаб, причины, последствия*. Это не просто хорошая книга, но последняя прижизненная публикация Игоря Георгиевича Ушкалова, безвременно ушедшего из жизни в ноябре 1999 г. Он безусловно был одним из лучших специалистов по международной интеллектуальной миграции.

Пятый выпуск (2000 г.) объединен одной общей темой — влияние международной миграции населения на демографическое развитие. Ситуация в трех бывших республиках СССР — России, Украине и Армении — анализируется в статьях демографов из соответствующих стран: *В.А. Ионцев* — *Международная миграция населения и демографическое развитие России*; *А.У. Хомра* — *Международная миграция и демографическое развитие Украины*; *Р.С. Еганян* — *Демографические реалии и перспективы Республики Армения на пороге XXI века*. Показательно сравнение опыта этих трех стран, в которых международная миграция играет прямо противоположную роль на протяжении последнего десятилетия. Статья *М.Б. Денисенко* — *Замещающая миграция* представляет собой анализ Отчета по Научному Проекту ООН по замещающей миграции, участником которого был автор. В статье делается попытка дать ответ на вопрос, может ли замещающая миграция решить проблему старения и сокращения населения в развитых странах. Статья профессора Лувэнского католического университета (Бельгия) *Мишеля Пулэна* — *Источники данных для измерения международной миграции в странах Центральной Европы* является серьезным вкладом в разработку единой методологии исследований международной миграции населения.

Шестой выпуск (2001 г.) полностью посвящен вынужденной миграции населения и приурочен к 50-летию юбилею деятельности Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и принятия Конвенции 1951 г., касающейся статуса беженцев. Региональное представительство УВКБ ООН в РФ поддержало издание этого выпуска, и обзорная информация о его деятельности в России за последние пять лет представлена на страницах книги. Естественно, все статьи шестого выпуска посвящены вынужденной миграции населения: *В.И. Мукомель* — *Вынужденная миграция в контексте миграционных процессов и миграционной политики стран СНГ: этапы развития*; *Марек Окодьски* (Польша) — *Миграционное давление на Европу*; *С.В. Рязанцев* — *Вынужденная миграция в Европе: современные тенденции и проблемы управления*; *Филипп Ваннер* (Швейцария) — *Ищущие убежища в Швейцарии: социально-демографические характеристики*; *М.Н. Куница* — *Вынужденная миграция населения в региональном развитии: особенности и проблемы в Брянской области*; *С.А. Ганнушкина* — *Право и*

политика России в области миграции; Я. Нисанов — Тоталитарные традиции и свободное предпринимательство в России: коллизии права, вынуждающие мигрировать.

Седьмой выпуск (2002 г.) несколько нарушил хронологию серии, поскольку приурочен к юбилею Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в структуру которого входит кафедра народонаселения. Он представляет собой аннотированную библиографию трудов по миграции сотрудников Центра за все годы его существования и называется *Миграция населения: 35 лет исследований в Центре по изучению проблем народонаселения (1967–2002 гг.)*. (Составитель — *И.В. Ивахнюк*). Библиография дает представление о масштабе и традициях миграционных исследований, создавших хорошую теоретическую основу для формирования современного подхода к изучению нынешнего, качественно нового этапа в миграционной истории России

Восьмой выпуск (2001 г.) посвящен вопросам статистики и учета международной миграции населения, имеющих своеобразные национальные особенности и значительные разночтения, что зачастую затрудняет глубокий сравнительный анализ мировых миграционных потоков. Статья *О.С. Чудиновских — Состояние и перспективы текущего учета миграции в России* анализирует недостатки существующей в настоящее время в России системы первичной регистрации мигрантов, которые выступают препятствием для получения достоверных статистических данных по миграции и научного исследования миграционных процессов в стране. Статья *М.Б. Денисенко — Эмиграция из России по данным зарубежной статистики* представляет национальную иммиграционную статистику иностранных государств как альтернативный, более точный источник оценки эмиграционных потоков из России. Небольшая статья *Жоржа Тапиноса — Международная миграция населения как фактор экономического развития* содержит некоторые ценные методологические замечания и ориентиры, весьма актуальные для нынешней миграционной ситуации в России и других государствах бывшего СССР. Статья *А.Е. Слуки — Международная миграция населения и демографические проблемы Западной Европы* продолжает важную для нас тему — о роли международной миграции в демографическом развитии, — заявленную в третьем и пятом выпусках.

Девятый выпуск (2002 г.) также имеет единую тему, исключительно актуальную и для России, и для многих других стран мира, — нелегальная, незаконная миграция. Анализ незаконной миграции представлен в широком географическом и тематическом разрезе. В ряде статей рассмотрена ситуация с незаконной миграцией в России: *Г.С. Витковская — Незаконная миграция в России: ситуация и политика противодействия; Е.С. Красинец — Неза-*

конная иммиграция и латентная занятость в приграничных территориях Российской Федерации; Т.И. Куценко — Нелегальная миграция и незаконная занятость иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ. Другие статьи посвящены анализу аналогичных проблем в других странах СНГ: Е.Ю. Садовская — Предупреждение незаконной миграции в Республике Казахстан; Л.П. Шахотько — Нелегальная миграция: факторы роста и пути решения. Специфика геополитического положения государств бывшего СССР и относительная «прозрачность» границ между нами привела к формированию особого евро-азиатского миграционного пространства, используемого как транзитный коридор для переправки нелегальных мигрантов из Азии в Европу. Авторы указывают на неразрывность проблем нелегальной миграции и незаконной занятости и на значимость мер государственного контроля за незаконным использованием иностранной рабочей силы в контексте борьбы с незаконной международной миграцией.

Более подробную информацию о научной серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир», о тематике планируемых выпусков, об условиях участия в выпусках серии, а также об их приобретении можно узнать по адресу: Москва, 119992, Ленинские горы, МГУ, 2-й корпус гуманитарных факультетов, к. 442 и 458. Кафедра народонаселения экономического факультета.

Тел: (7 095) 939 29 28. Факс: (7 095) 939 08 77. E-mail: iontsev@mail.econ.msu.ru, ivakhniouk@mail.econ.msu.ru.

Учитывая, что выпуски серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир» выходят небольшими тиражами и редакция не может удовлетворить спрос всех желающих в их приобретении, выпуски серии размещаются на сайте кафедры народонаселения www.demostudy.ru и доступны для ознакомления.



Фонд ООН по народонаселению (ЮНФПА) является крупнейшим в мире международным источником финансирования деятельности в области народонаселения в развивающихся странах, осуществляемой по их просьбе. За все время своей деятельности, начиная с 1969 г., общие инвестиции Фонда по всему миру составили примерно 5 миллиардов долларов.

Фонд ООН по народонаселению (ЮНФПА) является крупнейшим в мире международным источником финансирования деятельности в области народонаселения в развивающихся странах, осуществляемой по их просьбе. За все время своей деятельности, начиная с 1969 г., общие инвестиции Фонда по всему миру составили примерно 5 миллиардов долларов.

Основными сферами деятельности ЮНФПА являются:

- *Репродуктивное здоровье, включая планирование семьи и сексуальное здоровье*

ЮНФПА оказывает поддержку программам сохранения репродуктивного здоровья, включая планирование семьи, безопасное материнство, предотвращение бесплодия, предотвращение и лечение инфекционных заболеваний репродуктивных органов и болезней, передающихся половым путем, включая ВИЧ/СПИД, а также сокращение опасных для здоровья последствий абортов.

- *Стратегии в области народонаселения и развития*

ЮНФПА оказывает помощь странам в разработке, осуществлении и оценке эффективности политики народонаселения путем предоставления надлежащей информации и аналитических данных, а также исследований как центральной части стратегии устойчивого развития.

- *Информационно-пропагандистская деятельность*

ЮНФПА является пропагандистом стратегии, провозглашенной Международной конференцией по народонаселению и развитию 1994 г. и пересмотренной специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН в 1999 г.

Цели Фонда касаются репродуктивного здоровья и прав, улучшения положения женщин, увеличения продолжительности жизни, сокращения младенческой и материнской смертности, преодоления гендерных различий в области образования, усиления возможностей государств в разработке и осуществлении стратегии в области народонаселения и развития, а также увеличения ресурсов для целей.